

Лис Арден

Волчьи ягоды

Время Роя: пора осколков на исходе, год от первого Воплощения 341

Время Людей: март, 1981 год

Немного везения

О том, что феи (они же кусаки, вострозубки и кровохлебки) обладают нравом на редкость дурным, выделяющим их даже среди вырожденцев леса, которые уравновешенностью отродясь не отличались, знают все. Ну, по крайней мере, те, кому такое знать полагается. Однако та особь, о которой у нас пойдет речь, обещала стать выдающимся образцом злонравия, удивительным даже для своего роду-племени. И неведомо почему, она, еще даже и не родившаяся, уже знала об этом, нетерпеливо ворочалась в своем коконе, грызла острые коготки и изнывала от нетерпения.

Вообще-то феям положено вылупляться в мае, никак не раньше; к этому времени их коконы истончаются, воздух становится достаточно теплым для этих неженков, а в лесу появляется много еды. Но эта, многообещающая, совсем одурела от ожидания, истратила все, и без того куцее, терпение, и когда мартовское коварное солнце припекло ее левый бок, вдруг напряглась, задрожала – и принялась раздирать свой кокон изнутри. Она рвала белые плотные слои с остервенением, не жалея ни коготков, ни зубов, повизгивая и шмыгая носом. Такое усердие редко когда остается без вознаграждения: и получаса не прошло, а даже и не начинавший перезревать кокон треснул и разошелся по краю, как штаны по шву. Она схватилась за растерзанные края, рванула их в стороны и выбралась наружу. И как водится, сразу об этом пожалела. Потому как солнце в марте обманывает еще почище белоглазов, лжецов-виртуозов по призванию.

Ее встретил ледяной воздух, заставивший слипнуться в ужасе ее легкие; подслеповато моргая еще не полностью раскрывшимися глазами, она кое-как перебралась на ветку, с которой свисали лохмотья разодранного кокона. Ветка была мало того что холодной, так еще и скользкой, покрытой хрусткой наледью. С трудом переводя дыхание, она двинулась вперед – упрямая, злющая тварь. Уже через минуту ее зубы довольно громко застучали, тощее нескладное тело задрожало, крылья, еще мокрые, стали похожи на смерзшийся кусок серого полотна. Это было совсем не то, чего она ожидала, если честно. Порывы ветра трепали дерево, ветки гремели, дергались как припадочные; у нее и без того в глазах рябило от обилия синего, белого, коричневого, а от такой свистопляски совсем все поплыло. Но если вы думаете, что фею это

остановило, то плохо вы знаете выродков леса. Если их что и может остановить, так это хорошая порция свинца (или серебра, или меди – короче, любого металла, у них на него жестокая аллергия), да и то ненадолго. Так что эта, недоношенная, все лезла и лезла по веткам, пока не добралась до конца своего дерева. Под ним поздней осенью один человек зарезал другого человека, зарезал неосторожно, не рассчитав, что кровь брызнет на кору дерева. А когда понял, что натворил, было уже поздно – кровь уже впиталась в древесную плоть, отравила древесный сок и принялась расти бурой опухолью на одной из веток. Росла, покрывалась защитными пленками кокона, лелеяла в себе новую жизнь как очередное подтверждение зла человеческого. Так появляются на свет феи. Белоглазу и того веселее: чтобы он родился, надо, чтобы человек на дереве повесился (или его повесили, не важно) и чтобы семя повешенного стекло на корни, а уже потом под землей будет расти, присосавшись к корням, клубень белоглаза. Выродки леса – очень древний клан Роя, традиционалисты и патриоты, они очень гордятся тем, что связаны с людьми не только духовно, но и физически. И никакой час воплощений им не указ.

Фея на секунду зависла на конце ветки, дождалась порыва ветра и рванула навстречу соседнему дереву, отчаянно размахивая руками, пытаясь зацепиться хоть за что-нибудь. Крылья висели за ее спиной бесполезным холодным лоскутом, помощи от них не было никакой. Ухватившись за тонкую скользкую ветку, она провисела с полминуты и сорвалась; падая, ободрала живот и руки, но все-таки сумела задержаться на развилке сучка, отдышалась и поползла дальше. С ветки на ветку, ничего не соображая от холода, только что родившись – и уже почти в обнимку со смертью. Темной полосой проплыл слева ствол, ветки стали редеть, опять ударило в глаза синим. Фея огляделась: впереди была пустота, по бокам – такие же переплетения коричневого и бурого. Ветка, на которую она взобралась, выдавалась далеко вперед и фея покачивалась на ней, проклиная выманившее ее мартовское солнце. Пока она источала яд и собиралась с силами, чтобы вернуться к своему кокону, завернуться в него и там уже решать, что делать, ветер дунул откуда-то снизу, да так, что ветка дернулась и фея полетела вверх тормашками, как наездник, выброшенный из седла. Серым плевком взлетела она в ослепительно синие весенние небеса, зависла там на пару биений сердца, а потом земля дернула ее вниз, не оставив иного выбора, кроме как падать.

Николас Бром был очень хорошим диагностом, и в ремонтных цехах его приход обычно означал, что проблема есть, но вскоре будет решена. Ему, нелюдимому и немногословному, механизмы открывали свои сердца с гораздо большей готовностью, чем кому бы то ни было из механиков. Да и сам он, несмотря на свой сравнительно молодой возраст, предпочитал общество железных бессловесных собеседников обществу людей. Так что не было ничего удивительного в том, что управляющий направил именно Николааса исправлять пока еще неизвестные неполадки в оборудовании, которое не так давно было поставлено заводом для водолечебницы в курортном местечке неподалеку от города.

-Ты бывал в тех краях? Нет? - Поинтересовался управляющий. - Ты вообще хоть когда-нибудь из города выезжал? - И, не дожидаясь ответа, продолжил: - Хорошее место, эта «Тихая заводь». От города не то чтобы далеко, но и не близко – уехал, так уехал, по пустякам беспокоить не будут. Места красивые, леса нетронутые, река, опять же... А уж как они у себя целебные источники открыли, так и совсем заважничали. Так просто туда не попадешь, надо либо заболеть как следует, либо под нож лечь... остается еще возможность просто отдохнуть за деньги. Немалые, - уточнил управляющий. - Так что публика там своеобразная, либо болящие, либо проветривающиеся.

-Понятно. - Только и ответил Николаас. Его все сказанное совсем не заинтересовало, он терпеливо ждал, когда речь пойдет о работе.

-Мне звонил сам главный врач, поэтому я прошу именно тебя поехать и разобраться, почему новые насосы, которые они установили для своей водолечебницы, при включении слышно аж в его кабинете, да и мощность их оставляет желать лучшего.

-Кто устанавливал? - Спросил Николаас. - Опять сами?

-А как же. Техника дорогая, почему бы не сэкономить на установке, - поморщился управляющий.

-Только диагноз? Или ремонт тоже?

-Сам решай. - Управляющий махнул рукой. - Вот, твои документы, - и он протянул Николаасу папку с бумагами. - Вечером сообщишь, что и как. Поезжай. И вот еще что... там бывают господа из Роя. Сами по себе. Не удивляйся, если что.

Николас кивнул, взял бумаги и пошел в свою личную мастерскую, забрать инструменты (он их подбирал не один год, некоторые и вовсе сделал сам, и никому не разрешал даже прикасаться к ним) и коробку с обедом. Застегивая куртку, он вспомнил, что так и не починил печку в своей машине, а значит,

придется ехать в холодной кабине, одетым. «Да и пес с ним, - подумал он, - не зима, доеду».

Машин на дороге за городом было немного, по обе стороны темнел хвойный лес, изредка показывались фермерские постройки. Судя по карте, вечно валявшейся на соседнем переднем сидении, до «Тихой заводи» езды было часа два, не меньше. Через полтора часа Николас, вопреки своему обыкновению, все-таки решил притормозить, остановиться и прогуляться в лес – то ли в кабине было слишком холодно, то ли опять в заводской столовой ему подсунули зеленый чай.

Лес встретил его запахом мокрых веток, тающего снега и каким-то непонятным беспокойством; жмурясь от жаркого солнца, Николас незаметно для себя зашел дальше, чем хотел; вспомнив, зачем он здесь, зашел за дерево, расстегнул штаны и принялся созерцать ближайший сугроб. Закончив, застегнулся, снял со ствола катышек смолы и пошел к дороге, разминая его в пальцах и поднося к носу.

Оставшийся час он напевал себе под нос старые песенки, вспоминал, как в детстве родители отвозили его на лето из города в деревню со строжайшим наказом не заходить дальше опушки леса... и как в первый же день они с дедом шли за лесной малиной, или за грибами, или просто купаться на озеро. Иногда за ними увязывалась бабушкина креатура, привычная и оттого нестрашная Николасу.

За этими воспоминаниями Николас чуть не пропустил поворот. Через полкилометра от трассы боковую дорогу перекрывал шлагбаум; помахав рукой сидящему в будке охраннику, Николас остановил машину, вышел и протянул подошедшему стражу документы.

-А... механик, - уважительно заметил тот. – Проезжайте, сначала все прямо, а потом направо, там увидите корпус такой, в сторонке от прочих, там как раз начальство сидит.

Солнечным мартовским днем «Тихая заводь» выглядела скоплением праздничных пряничных домиков. Двухэтажные жилые корпуса, аккуратные и ухоженные, обшитые деревом, с окнами, украшенными расписными резными наличниками, обсаженные елочками, водили хороводы среди вековых сосен. Более солидно выглядели лечебные корпуса, каменные, с высокими окнами. Людей было немного, видимо, были заняты процедурами и прочими важными делами. Николас вырулил к указанному зданию, заглушил мотор и, увидев рядом с дверью табличку «Администрация», решительно зашел внутрь. Быстро объяснившись с вахтером, прошел приемную директора, отдал документы

секретарю и, поскольку эта нелюбезная тетка не предложила ему ни раздеться, ни присесть, встал у окна как был в куртке.

Так простоял он недолго, секретарша, доложив начальнику о его приезде, видимо, получила соответствующие указания, потому что, положив телефонную трубку, пропела уже более любезно:

-Господин Линдемманн скоро подойдет, присаживайтесь пока... - тут ее голос прервался и вместо слов раздалось какое-то бульканье, перешедшее в полное ужаса нечленораздельное «ы-ы-ы-ы-ы». Николас обернулся, еще успев подумать - «Мышь, что ли, увидела?» И тут его шею с левой стороны обожгло болью, острой, как ненавистный механику красный перец, и сильной, словно к шее приложили шлифовальную машину с самым грубым абразивом. Боль оглушила его, обездвижила, и Николас почувствовал, что вместе с выдыхаемым воздухом из него уходит сама жизнь. Все вокруг закачалось, куда-то поплыло... и он упал, теряя сознание.

Вопреки жуткому предчувствию, после головокружительного полета фея пришла в себя в месте темном, но теплом и мягком, это было что-то вроде большого кармана, выстланного мехом. Рядом дышал кто-то большой и тоже теплый. Поначалу фея просто отогревалась, постепенно расправляя скрюченные конечности. Когда она высохла, продышалась и успокоилась, то тут же и уснула, утомленная неудачным вылетом. А когда проснулась, то хотела только одного – есть. Голод вцепился в ее внутренности не хуже давешнего холода, она почти не соображала и не контролировала себя. А совсем рядом в человеческих жилах текла, пульсировала, жила горячая, вкусная кровь – единственное, чем питаются феи.

Надо сказать, что спелые феи излучают только им присущий флюид, благодаря которому всякому человеку они видятся в самом привлекательном виде: трогательными, прелестными созданиями размером с ладонь, с нежным личиком, окруженным ореолом золотистых кудрей, озаренным светом огромных изумрудных глаз, с фарфоровыми ручками-ножками. Одеты они в легкие полупрозрачные платьица, а в качестве дополнительного украшения за спиной у них трепещет пара стрекозиных крылышек. Как не разрешить такой прелести присесть к тебе на плечо, тем более что крови феи выпивают немного, не то, что упыри-белоглазы. К тому же ни одна фея не даст человеку понять, что она пьет его кровь; бедняге будет казаться, что она поет ему волшебные песенки.

Однако фея, которой повезло оказаться в капюшоне Николаса, из кокона выбралась намного раньше положенного срока, и ни о какой спелости и мечтать не могла. Поэтому когда она высунулась из-за меховой оторочки, то разговаривавшая с механиком секретарша увидела ее такой, какой она и была, а красотой феи не отличались.

Были они тощие, серокожие, голенастые; на тонкой шее тыковкой торчала лысая голова, на лице выделялся огромный рот, в котором прятались ряды острых зубов и длинный лиловый язык, а глаза у фей и впрямь были большими, вот только цветом они были точь-в-точь волчьи ягоды, матовые, черные, провальные. Нескладное тельце укутано в драную серо-зеленую одежонку, на пальцах длинные острые когти. Одним словом, ничего общего с дивной сказкой.

Выползшая фея, не раздумывая и не сомневаясь, впилась в шею своего невольного спасителя всеми своими новенькими, острыми как твои бритвы зубами; в рот ей хлынула восхитительная мужская кровь, щедрая и сытная. Она глотала ее, снова кусалась – скорее от восторга, чем по необходимости, глотала, захлебываясь, постанывая от счастья, чувствуя, что выживет и покажет им всем... кому именно, она не знала, но это было неважно. Она даже не заметила, что источник ее питания обмяк и рухнул наземь, слишком крепко впилась она в его шею, сотрясение ей ничуть не помешало. Напившись до предела, когда ее серый живот раздулся и стал просвечивать розовым, она отодвинулась от раны с порванными в лохмотья краями, икнула, небрежно щелкнула пальцами, приказывая крови свернуться. Потом улеглась поудобнее на плече лежащего без чувств мужчины и принялась отдыхать.

В приемной было тихо; давно стихли вопли секретарши, вылетевшей пулей в коридор, только часы на стене мерно отстукивали секундной стрелкой по циферблату. Однако фея, уютно дремавшая на плече механика, почувствовала, что очень скоро здесь окажется кто-то из ее сородичей. Прошло совсем немного времени, и в коридоре раздались шаги: кто-то шагал размеренно и неторопливо, за ним следовали другие, не столь уверенные, иногда даже спотыкающиеся. Дверь отворилась.

Николас открыл глаза, поморгал; перед его глазами был пол, ножки стула, кусок стены. Нестерпимо болела шея, тело заливала ледяная слабость. Он услышал, как стукнула дверь, и в поле его зрения оказался еще один предмет – это были сапоги с окованными железом носками. Один носок ощутимо ткнул

его в бок. Однако Николас пока мог только дышать и ничем на эту любезность не ответил.

А фея, задрав голову, рассматривала вошедшую – это оказалась молодая бестия. Она была высока ростом, стройна и длиннонога; короткие волосы истошно-красного цвета торчали беспорядочными прядями, бледное лицо нервно подергивалось, искусанные запекшиеся губы кривились.

-Наелась, маленькая? – Неожиданно ласково спросила бестия.

Фея кивнула и показала в знак приветствия язык, раскатав его во всю длину, намного ниже подбородка.

-Рановато ты вылезла, еще и пора осколков не вышла. Или это он тебя выкрал?

Фея с презрением покосилась на лежащее под ней тело и даже не стала отвечать на такое предположение.

-Так я и думала. И что нам теперь делать? В лес тебе нельзя, замерзнешь. Хочешь, заберу тебя к себе, подрастешь немного, окрепнешь.

Фея снова покосилась на лежащего, на этот раз вопросительно.

-Его? Маленькая, да какое нам до него дело? Хочешь, убью его, чтобы не мешался.

И вот тут фея вцепилась ручонками в куртку механика, ощерилась и зашипела; всем видом она показывала бестии, что это – ее добыча, и она ее никому не уступит.

-Ого. – В тоне бестии прозвучало уважение. Она присела рядом, чтобы лучше рассмотреть фею. – Хочешь забрать его себе?

Фея кивнула, по-прежнему скаля острые зубы.

Бестия, опираясь на колено, приподняла Николаса за шиворот, усадив спиной к столу. Их лица оказались совсем рядом, и механик поневоле заглянул в налитые кровью глаза... отвел взгляд и зацепился им за грубую штопку, соединяющую края губ.

-Как тебя зовут, счастливчик? – не без иронии спросила бестия.

-Николас Бром, - тихо, но вполне разборчиво ответил механик. – А тебя?

-Джая, - немного удивившись, ответила бестия. – Николас Бром, я обязана дать тебе возможность выбора. Тебя хочет забрать себе фея. Ты будешь ее едой и теплом на всю свою человеческую жизнь. Обычно феи не привязываются к людям, но наша малышка слишком рано покинула кокон, и поэтому немного уязвима.

-И часто она будет меня... есть? – Шея у Николаса болела так, будто ее жгли каленым железом.

-Так - больше никогда, - усмехнулась бестия. – Того, что малышка сегодня слопала, хватит на месяц, а то и больше. Она подрастет, повзрослеет и уже не будет так набрасываться на еду. Укусы тоже станут более деликатными, не скажу, что комариными, но все-таки больше похожими на проколы, чем на мясорубку.

-Я хочу на нее посмотреть, - механик не мог повернуть головы к тому плечу, на котором сидела фея. – Попроси ее показаться.

В ответ фея проворно, цепляясь пальцами за плотную ткань куртки, переползла с плеча на грудь Николаса, уперлась ножонками в пуговицу, выпрямила руки, вытянула шею, похожую на куриную ногу, и вытаращила на механика глаза. Хорошо хоть рот закрыла.

-Волчьи ягоды...

-Что? – не поняла бестия.

-Ее глаза... совсем как волчьи ягоды. Я однажды наелся их в детстве, чуть не умер.

-А ты занятный. – Джая бесцеремонно взяла Николаса за подбородок. – Неужели тебе совсем нестрашно?

-Есть немного, - признался механик. – Но чего уж теперь бояться. Как тебя звать, маленькая? - и он протянул к фее руку.

-Хэли! – Пропищала фея. – Хэли! - И поднырнула под ладонь Николаса, как котенок, требующий, чтобы его погладили.

-Джая! Это что за сироп? – Николас поднял взгляд и то, что он поначалу принял за стоящий у дверей шкаф, оказалось второй бестией. Это был мужчина, ширина плеч которого почти равнялась росту, полное отсутствие у него шеи компенсировалось длиной рук – они только что по полу не скребли, а волосы были того же красного цвета, что и у Джая.

-Да ладно тебе, Виджая. Такое не каждый день увидишь. И потом, парень может нам пригодиться. Эти сказали, что он механик.

-Тогда другое дело. Хотя я бы с удовольствием развесил его кишки на деревьях.

-А потом эта малышка выгрызла бы тебе глаза. Только законченный идиот встанет между феей и ее носителем. Ну что, Николас Бром. Добро пожаловать в Рой. Это я так, авансом, конечно. В Рой тебе пока еще рано.

-Я думал, что люди попадают туда только после смерти. Или все-таки будете мои кишки развешивать? – Механик погладил фею по лысой голове, почесал за ухом, и она довольно заурчала.

-Не напрашивайся. – Прогудел сверху Виджая.

-А тебе можно и до. – Джая не удержалась и тоже попыталась погладить фею, но та извернулась и цапнула ее за палец. – Вот зараза! Истинно выродец леса! Не трону я твоего драгоценного, сама будешь терзать, сколько захочешь. Да, повезло тебе, Николас Бром, как волку на псарне. Имей в виду, что вместе с укусом Хэли впрыснула тебе свою слюну, а слюна незрелой феи – это редкое снадобье, а потому сильное. Как Виджая.

-Ого.

-Теперь ты можешь видеть всех нас – даже тех, кто невидим для людей, или скрывается под человеческой личиной, или просто прячется. И ты можешь с нами говорить, даже с придурками из клана Паразитов, которые и говорить-то как следует не умеют. Мы будем понимать тебя, а ты – нас.

До Николаса сквозь боль и слабость начинало доходить, каким приключением на всю оставшуюся жизнь обернется ему прогулка по мартовскому лесу.

-И что же, она теперь всегда при мне будет?

-Самое большее на расстоянии одного влюбленного взгляда. Если дальше, будет страдать, а этого тебе не простят.

-А как я на работу с ней ходить буду? Она же маленькая совсем, испугается, шумно же на заводе...

-Забудь про завод, - Виджая протянул руку и легко поднял Николаса за шиворот, поставил на ноги, – теперь ты наш, человек. И скажу тебе, что я даже рад, что не раздавил твою голову как только вошел.

Николас покосился вниз – ноги Виджайи напоминали пару наковален.

-А чем я жить буду?

-Как чем? Тем же, что и раньше. – Джая махнула рукой, отсылая прочь директора «Тихой гавани», сунувшего нос в приоткрытую дверь. – Талантливый механик нигде не пропадет. Даже в Рое.

-Я ваши механизмы обслуживать не буду, - Николас вспомнил, что рассказывали о людях, доставшихся Рою, и его вновь замутило. – Лучше убейте.

Джая и Виджая в голос захохотали.

-Да кто ж тебя к ним подпустит?! Может, со временем дослужишься, конечно... - Джая подтянула нитку из разошедшейся штопки на губах. – Ты и здесь нам понадобишься. И как механик, и как переводчик. А то мы иногда плохо понимаем людей. Ну так что, Николас Бром? Выбор я тебе предоставила. Или Хэли навсегда и работа на Рой – или Виджая. Твое слово.

Николас пошарил рукой за собой, оперся на стол – ноги его подкашивались, голова кружилась. Принимать решение в боли и слабости тяжело; еще тяжелее, когда оба твоих решения суть зло, и поди определи, какое из них меньшее. Фея, снова оседлавшая плечо, почувствовала неладное, забеспокоилась, завозилась. Николас с трудом повернул голову и посмотрел на нее. Потом на Виджаю. Потом снова на фею. И решился.

-Хэли.

-Навсегда! – Пискляво заявила фея, скаля зубы в довольной улыбке. -
Навсегда!

-Свидетельствую. – Джая приложила сложенные ладони ко лбу.

-Свидетельствую. – Виджая повторил этот жест.

Бестии переглянулись и в один голос произнесли:

-Шемхамфораш.

Время Роя: пора лихорадки, год от первого Воплощения 341

Время Людей: апрель, 1981 год

Урок истории

Николас Бром, механик, вот уже неделю лежал в кровати, не имея сил встать и сделать что-нибудь более осмысленное, чем поест и снова лечь. Рядом с его кроватью стоял инкубатор для младенцев, это устройство невесть где в рекордно короткие сроки раздобыл директор санатория, Линдемманн. За прозрачными стенками, в тепле, на подогреваемой подушке сладко посапывала фея, которая немедленно после заключения договора с Николасом отправилась досыпать до весны. И о ней, и о механике заботились так, будто они были любимыми внуками директора. Стоило Джае сказать пару слов Линдемманну, как все вокруг забегали, засуетились... Николаса поселили в одном из директорских домиков, приставили к нему личного врача, перевязки делали почти неощутимо, отменно кормили и даже пытались делать массаж. Фею устроили рядом, со всеми возможными удобствами.

Джая, заглянув к механику вечером того же дня, осталась довольна увиденным.

-Неплохо устроился. Ты теперь с полмесяца никуда не годный, так что лежи тихо. На завод мы сами сообщим, чтобы тебя не ждали и более на тебя не рассчитывали. Жить будешь здесь, этот дом как будто для тебя строили. Все, довольно на сегодня. Бывай, Николас Бром.

Весь следующий день и еще нескончаемых пять суток механик провалялся в кровати; температура подскочила до предела, все тело ломило - Николас горел заживо под действием феиной отравы. А она спокойненько дрыхла рядышком в инкубаторе, знай с боку на бок переворачивалась. Ее нареченный спутник в моменты, когда жар и боль становились совсем невыносимыми, поглядывал на нее с ненавистью и недоумением. «Ну и сопля, - думал он, - тоже мне, дитя Роя. Привалило счастье, ничего не скажешь. Знал бы, там бы в лесу и...» На этом месте он обрывал себя, поскольку очень не любил пустопорожних размышлений и сослагательного наклонения. Что случилось, то случилось, и если его судьба – сопящая в инкубаторе малютка-кровопийца, то так тому и быть.

Тяжелее всего было по ночам; днем находились какие-никакие занятия: то повязку на шею придут сменить, то капельницу поставят, то попытаются накормить. Хоть какое-то развлечение. А вот ночью, когда «Тихая заводь»

засыпала, Николас не знал, куда себя деть. Сон бежал от него; спал он урывками и все больше днем. Когда темнота сгущалась, механик с трудом вставал с постели, отодвигал штору и садился в кресло у окна. Неподалеку стоял еще один дом, побольше, в два этажа, окруженный живой изгородью; его-то Николас и рассматривал в долгие ночные часы. Поначалу дом показался ему нежилым; все двенадцать фасадных окон безучастно темнели, никто не выглядывал из них, не открывал изнутри. Вход был расположен с противоположной стороны, которой Николас не мог видеть, поэтому он не мог с уверенностью сказать, что никто не входит в этот дом и не выходит из него. Может, дом держали для каких-то важных гостей, наезжающих изредка, кто его знает. Николас недолго задумывался об этом, он просто глядел на темный, тихий дом, возможно потому, что других зрелищ ему не предлагали.

Кажется, это случилось на седьмую ночь его болезни. Одно из окон – третье слева во втором этаже – засветилось ровным светом. Стали видны наполовину закрывающие его занавески в сине-зеленую клетку, и чья-то тень прошла пару раз туда и обратно. Николас удивился и даже обрадовался; хоть какое-то разнообразие. Вскоре засветились еще три окна: крайнее слева (вообще без занавесок) и два крайних справа (затянутые рулонными шторами) на первом этаже. Фея что-то неразборчиво пропищала сквозь сон из инкубатора; Николас подошел к ней, поглядел, исправен ли терморегулятор, и вернулся на свое место.

Окна напротив все так же светились, а одно (то, что не было занавешено) было открыто настежь в сырой холод мартовской ночи, и на подоконнике кто-то сидел, свесив ноги в подтаявший сугроб. Николасу был отчетливо виден его силуэт, словно вырезанный из черной бумаги. Через несколько минут механик понял, что не остался незамеченным – сидящий свесился вниз, зачерпнул снега и запустил снежком в окно Николаса. Стекло звякнуло, задрожало, прилипший комок медленно пополз вниз. Николас помахал рукой, неизвестный ответил тем же. А потом легко прыгнул вниз и, нимало не проваливаясь в рыхлый снег, зашагал к домику механика. Теперь Николас видел, что он очень высок ростом, узок в плечах, что у него плавная неспешная походка, довольно длинные волосы; когда он подошел вплотную к окну, стало различимо и его лицо – скорее выразительное, чем красивое, и глаза – совершенно белые, похожие на пару вареных яичных белков, не имеющие даже намека на зрачок.

Незванный гость учтиво наклонил голову и вопросительно приподнял брови; Николас, приложив палец к губам, кивнул в сторону спящей феи. Гость понимающе кивнул и потер руки, изображая холод, потом он так же бесшумно

потек в сторону входа в дом механика. Через минуту дверь в комнату отворилась, и Николас встал, приветствуя второго встреченного им выродка леса.

-Иероним, - негромко представился белоглаз и сел на стул напротив механика.

-Николас Бром. Чем обязан?

-А сами как думаете? У нас только и разговоров, что о вашей персоне. Сестричке здорово повезло, что вы оказались точь-в-точь там, где надо. Точное попадание, иначе не скажешь.

Николас промолчал, подумав, что его личное везение в этот момент, судя по всему, издохло.

-Вы неплохо держитесь, - белоглаз улыбнулся, - и, хотя сейчас вы совсем не склонны мне верить, я скажу, что дела ваши не так уж и плохи. Скажите, Николас, что вы знаете о Рое?

Механик пожал плечами.

-Немного. То, что в школе рассказали. Я никогда не интересовался историей, какой толк в науке, которую переписывали сто раз. До правды все равно не докопаешься. То ли дело механика.

-И то верно. А как насчет... личного опыта? Час Воплощений вас не затронул, это очевидно, а в семье как?

-Было. – Николас взял с подоконника стакан с водой, отпил глоток. – У бабушки. Панические атаки, ночные кошмары... вот и удостоилась креатуры.

-Чего же так боялась ваша бабушка?

-Откуда мне знать. Вот креатуры она точно не боялась, шугала ее шваброй, даже прикрикнуть могла.

-Видимо, не очень страшная креатура была.

Николас хмыкнул.

-Если вам по нраву волосатые пауки размером с овчарку, то просто загляденье. Не крошечник, конечно, но напугать могла будь здоров. – Николас поморщился; он неловко качнул головой и от этого рана на шее заныла.

-Болит? – Сочувственно спросил белоглаз. – Разрешите, я посмотрю?

-Это зачем? – Николас знал о детях Роя немного, но даже этого хватило, чтобы не доверять им.

-Медсестра могла неудачно наложить повязку, или рана начала воспаляться...

-Или ты попросту проголодался, - спокойно предположил механик.

-Исключено, - выставил перед собой раскрытые ладони белоглаз. – Во-первых, у вас есть хозяйка. Во-вторых, она мне родня. А в-третьих, я здесь не за тем, чтобы подкрепляться.

-Утешительно слышать. Но шею мою все-таки не стоит трогать. Могу я узнать, зачем вы пришли?

Иероним кивнул.

-Николас, в последнее время вы почти не спите.

-Откуда вы знаете?

-Из личных наблюдений. Я вижу вас в окне каждую ночь, да и не я один.

-Постойте... вы живете в доме напротив, так? Но я никого там не видел...

-Это не означает, что там никого не было. Просто ваше зрение меняется, Николас. Вас предупреждали об этом, ведь так?

Механик согласно качнул головой и снова поморщился.

-Ну вот что, оставим все церемонии. Я должен вам помочь, какой толк от разговора, если вы только и думаете, что о своей шее. Свет мне не нужен, я прекрасно вижу в темноте.

Иероним подошел к механику, аккуратно отклеил повязку.

-Ох. Можно подумать, вы повздорили с бестией из-за обеда.

Легкими холодными пальцами белоглаз ощупал шею человека, слегка надавил на края раны.

-Но все не так плохо. Рана чистая, уже затягивается. Поэтому вам и не по себе; потерпите еще немного.

Как ни странно, от этих манипуляций Николасу полегчало, холод пальцев ослабил неприятную горячечную пульсацию в ране, шею перестало сводить на одну сторону.

-Благодарю. – Буркнул он.

-Не на чем. Повязку я пока сниму, пусть рана подышит. – Иероним вернулся на свой стул, сел, вытянув скрещенные ноги. – Теперь вы сможете меня слушать, ибо у меня есть, что вам сказать. Николас, когда и почему случился первый час воплощений?

-Ого. Ну и вопрос. Откуда мне знать. В темные века, кажется, а из-за чего – так это вам виднее.

-Ну разумеется. А все-таки... неужели никогда не задумывались? Счастливый вы человек, Николас Бром. А что вы знаете про темные века?

-Ничего хорошего. Сначала войны, нашествия варваров с заокраинных земель, потом голод, болезни, неурожаи. Да еще эти, светлые братья, с их домами благодати, я так понимаю, от них больше вреда было, чем добра.

-Для вас так точно. Николас, ваше общество давно отказалось от веры в пользу знания; вы хотите понимать свой мир и уметь преобразовывать его по своей воле, это для вас намного важнее, чем духовные поиски и радость смирения. Дома благодати вы превратили в лучшем случае в музеи, а дома спасения так и вовсе уничтожили. Что же было такого... весомо враждебного в тихих светлых сестрах, в странствующих носителях живого слова, которые измеряли все дороги этого мира своими израненными, босыми ногами, чтобы принести своей темной и страждущей пастве утешение?

Белоглаз помолчал, а потом сам себе ответил.

-Вот только никакого утешения они не приносили, Николас. Светлый брат, не разъяснивший подопечному, что он полное говно, – вещь такая же небывалая, как красивая фея. Это с одной стороны. А с другой – весьма заманчиво, несмотря на свое ничтожество, оказаться в числе избранных, осененных благодатью (хотя бы в невнятной перспективе), только потому, что твердишь три раза в день никому не понятную абракадабру, определенным образом складываешь при этом пальцы рук, ну и худо-бедно следуешь нескольким запретам. А то, что кажется недостижимым, очень удобно объявить греховным. В эту же кучу свалить все непонятное, редкое, чужое...

Иероним замолчал, досадливо пожал плечами.

-Даже не знаю, с какого конца братья. Боюсь тебя запутать.

-Не хотите обо всем по порядку – расскажите про самое интересное, про первый час воплощения, например, - попросил Николас. – Чтобы знать, с чего все началось.

-В том-то и все дело, что началось все гораздо раньше, а первый час – это закономерный итог ваших упорных трудов. – Иероним помолчал, прикрыв глаза. - Итак, прежде люди верили, что над ними есть Единый – воплощение всех совершенств, начало начал, предел пределов и все такое прочее. Его окружает светлый круг, ваши бессменные надзиратели. А еще есть Отверженный, воплощение всяческой скверны, тоже, разумеется, не без придворных мастеров. В общем, слово за слово, развлечения ради эти два первоначала занимаются перекладыванием людских душ каждый в свою копилку.

-Вообще-то исповедующие культ Единого никогда не признавали Отверженного как равного, - заметил Николас. – Он всегда был лишь его обезьяной.

-А ты знаешь гораздо больше, чем я думал, - улыбнулся в темноте белоглаз. – У Единого были свои слуги и на земле; тех, кто не мог

определился сам, они весьма ловко ставили в стойло, страшая тем, что посмертие будет точь-в-точь как земная жизнь. Конечно, приходилось при этом пускать пыль в глаза – пышная обстановка в домах благодати, горловое пение, дурацкая одежда. И пара табу, глупых и вредных, но обращающих на себя внимание. Например, не любить женщин и не есть животной пищи большую часть года. Отличный способ выделиться, а также защититься от собственного ничтожества.

-Чреватый, я бы сказал. – Хмыкнул механик. – Давно известно, что неумеренное воздержание вызывает истерию. Представляю, какие слуги были у Единобо.

-Возможно, он и не подозревал об их существовании, - серьезно сказал Иероним. – Во всяком случае, к его кругу они себя сами причислили, так сказать, в порядке инициативы.

-Зачем они вообще были нужны? Почему люди шли в эти, как их... дома благодати, да еще деньги свои туда несли?

-От страха. И от одиночества. Вот ты, Николас Бром, когда тебе страшно, что делаешь? Правильно, ищешь причину страха, размышляешь... а они, в страшном большинстве своем, размышлять не были приучены. А еще им очень хотелось найти виновных во всех ужасах, преследовавших человека по пятам всю его короткую и жалкую жизнь, причем таких виновных, которых они могли бы покарать, не рискуя при этом собой.

Иероним замолчал и пожаловался в сторону:

-Как же утомительно изрекать прописные истины. Николас, мы еще не один раз вернемся к вашему славному прошлому. Давай, сегодня я расскажу тебе...

-Сказку.

Оба собеседника вздрогнули и обернулись к двери. Она оказалась открытой, а на пороге стоял еще один ночной посетитель:

-Что ты знаешь о нашей истории, корнеплод?..

-Разумеется, ты знаешь гораздо больше, вот только донесешь ли ты свое знание, или оно выльется из тебя вместе с тем, что заменяет тебе мозг, – это еще вопрос.

Пока дети Роя обменивались любезностями, Николас во все глаза смотрел на нового гостя. В слабо освещенном дверном проеме темнел контур человеческой фигуры, какой-то первозданно черный. Казалось бы, что тут страшного, но от силуэта веяло неодолимой жутью; не находилось даже слов,

чтобы передать это ожидание притягивания, сближения и поглощения, за которым будут только холод и мрак.

-Довольно, ты произвел на него впечатление. Отойди в угол потемнее и давай уже рассказывай, как твой прапрадедушка первым ступил на эту землю. – От голоса белоглаза Николас пришел в себя и смог оторвать взгляд от гостя. – Познакомься, Николас, это Тульпа, кромешник. Прежде чем он начнет свое повествование, напомню тебе, что врагами детей Единого вполне закономерно были объявлены земные слуги Отверженного. Все беды, включая понос и заморозки, произрастали из одного корня, выкорчевыванием которого были заняты все светлые братья, в особенности стражи. Они работали очень усердно, Николас Бром, не зная покоя и усталости...

Время Роя: пора жатвы, год Первого Воплощения
Время людей: сентябрь, 1640 год

...Сколько раз мне приходилось слышать: «Хорошо тебе, брат Уббо, перышком чиркать; ни забот, ни хлопот... сидишь себе в тепле, в покое, только и дела, что пергамент марать». Сами бы попробовали. Кто только придумал, что пером три пальца правят; может, оно и так, только к концу дня все тело болит, будто камень в карьере ломал, голова трещит, глаза пухнут. А то еще пергамент подсунут невылощенный, весь в буграх да в волосьях, или дознаватель попадетса многословный, как пойдет заливаться, так и пятеро писцов не успеют, не то, что я один.

День тот был самый обычный. Мы в этом городишке с месяц уже трудились, первый вал доносов отработали, второй накатывал. Первое время я удивлялся козням ненавистника рода человеческого, а потом привык, и все одержимые стали для меня на одно лицо, мерзкое, исковерканное и бессмысленное. Однако эту я бы запомнил, даже если все прошло бы, как обычно. Девчушки пяти лет от роду нам еще не попадались. Служитель ее за шкуру притащил, швырнул в угол, как узелок с тряпьем; дознаватель, брат Гэль, как ее увидел, так прямо подобрался весь, глазами засверкал, да как заорет:

-Почему без надлежащей охраны доставили? Где стража?!

Служитель плечами пожал – мол, какая еще вам стража, для такой сопливки? Ну, и схлопотал покаяние на месяц; все как положено: хлеб, вода, вериги, да дружеские плевки от братии. А нечего бдительность терять. Брат

Гэль тут же распорядился: стражу удвоить против обычного, в пыточной чтобы лучший мастер наличествовал, и чтобы брата Поруса призвали. Ну все, подумал я тогда, плакали мои надежды на вечерний отдых. Не любил я с братом Порусом работать, да простит меня светлый круг. Больной он был человек, хоть и святости великой. Вот брату Гэлю все едино было, кого допрашивать, споро работал, не мешкая и не раздумывая: глядишь, еще к ужину не прозвонили, а у нас уже все готово: двоих к утоплению, четверых к повешению, одну на быстрый костер, троих на медленный. И даже вроде не устали.

А брат Порус... мало того, что мельчайшую букву правил соблюдет, самомалейшую, глазом не видимую, так еще и с одним одержимым весь день провозится до поздней ночи, а иной раз только к утру с табурета писцового и сползешь. Зато протоколы мои по его делам образцовыми становились. Но если ему девица малолетняя попадалась, то он прямо сам не свой делался, будто их сам Отверженный одолевал, а он с ним вступал в единоборство.

Пока распоряжения брата Гэля выполняли, я стол свой в порядок привел, чернил свежих налил, пергамент достал посвежее; краем глаза на одержимую поглядываю – девчонка как девчонка, мордашка чумазая, платишко драное, таких возле крестьянских хижин полным-полно копошится. Только плеснул ей слугитель водой в лицо, вроде как умыл, гляжу – а у нее вражья отметина в полщеки. Тут и брат Порус пожаловал, смотрю – у него лицо как есть располосовано, царапину глубокие, длинные, да много их. Пока суть да дело, мне его помощник втихую нашептал, что вчера брат Порус предместье обходил, благословения раздавал. А эта девчонка возле дома сидела, горох лущила. Брат Порус к ней было по-хорошему подошел, а у нее сам видишь, эдакая дрянь на лице; ну, схватил он ее, потряс маленько, даже слова не успел вымолвить, как вылетает из-за дома кошка – здоровенная, черная, глаза огненные, да как вцепится брату Порусу в лицо... Защитница, туда же. Пока ее оторвали, она...

Тут брат Порус обернулся и строго так говорит:

-Брат Уббо, стол вы в порядок привели, это похвально, однако мысли ваши, как клубок перепутанный. Ни разу на моей памяти вы против протокола не погрешили, надеюсь, и сегодня послужите ко славе светлого круга. Вознесем слова хвалы, братья мои, и приступим к делу.

И приступили. Через пару часов у меня уже пальцы ныли его словоблудие записывать. Девчонка, так та и не соображала ничего, только вздрагивала, даже всхлипывать уже перестала. Первый шаг дознания закончили, повели

одержимую в пыточную, показывать все, как полагается. Через час притащили обратно. Она все молчит. Однако брат Порус легко не сдавался; шепнул что-то своему помощнику, тот вышел на минуту, а вернулся с клеткой, в которой сидела кошка. Черная. Видимо, та самая.

Я при страже Светлого с десятков лет отслужил, всякого понавидался; меня ни слабостью, ни стойкостью человеческой не удивить, а уж что с людьми страх вытворяет – так я про это поболее иного дознавателя знаю. Однакоже тогда пришлось и мне удивиться. Когда брат Порус начал факелом в клетку тыкать, девчущка будто проснулась и поняла, что тут затеяли. И очень она за свою кошку испугалась, больше, чем за себя, как мне думается. Закричала что-то неразборчиво... собственно, тут все и произошло.

Ничего особенного, казалось бы: ни молний, ни грома, ни словес из ниоткуда. Вот только прямо посреди камеры возникло одно из тех существ, в которых ни один из светлых братьев не верил, хотя нам не единожды приходилось их живописать пастве в словах поучения. Или на стенах домов благодати малевать, в сценах посмертного воздаяния. Это было размерами с корову, а состояло все сплошь из серых лохмотьев, костей и пасти. Начало оно с того, что одним махом сожрало девчущку. Потом развернулось по кругу и слопало стражников, мимоходом и брата Поруса прихватило вместе с клеткой, напоследок угостилось братом Гэлем, который на заднице к двери полз. На меня оно и не взглянуло, дверь единым махом вышибло, да и загремело костями восвояси. Говорят, его потом где-то поймали, но это уже история не моего везения.

Николас с трудом оторвал взгляд от кромешника. Ему показалось, что он только что видел первый час воплощений глазами смиренного брата Уббо.

-Впечатляет? – поинтересовался Иероним. – Тульпа - мастер внушения. Можешь поверить, все именно так и было. И мне представляется весьма символичным, что последней каплей, соединившей сосуды наших миров, был страх. Вы боялись нас, не зная, есть ли мы на самом деле, пугали нами, сами не веря ни единому своему слову...

-И как оказалось, зря не верили. – Прошелестел Тульпа. – Все оказалось почти правдой. Иероним, я думаю, нашему новому другу надо отдохнуть. Всех историй сразу не расскажешь.

-Прерывать рассказ в самом начале чересчур жестоко даже для кромешника, - очередной посетитель не стал топтаться в дверях, а появился сразу посреди комнаты, с комфортом устроившись на кровати Николаса.

-Сколько вас там еще? - Николас пытался рассмотреть еще одного неожиданного гостя.

-*Впустил одного – впустил всех.* Это первое правило при общении с нами. Запомни его хорошенько, Николас Бром.

Это была девушка, похожая на сплав молока и меда: нежное личико, обрамленное тепло-золотистыми прядками, янтарные глаза, изящная, но весьма соблазнительная фигурка, легкое платье цвета чайной розы... ее хотелось оберегать и защищать еще до знакомства, при малейшей возможности целовать ее следы на песке, а если повезет – умереть ради одной ее улыбки.

-Знакомься, это Илле, белладонна. Наш прекрасный цветок зла, - не без иронии представил ее белоглаз.

-Так значит, - с трудом оторвавшись от созерцания полулежащей девушки, Николас повернулся к кромешнику, - всему причиной эти суды над одержимыми?

-Не совсем, - ответил ласковый голос белладонны. – Посмотри, - и она отвела волосы с уха и вынула из него круглую жемчужную сережку.

Казалось бы, ничего особенного, но Николас не мог отвести взгляда от ее нежного маленького уха, похожего на розовую морскую раковину, изящный завиток которой походил на лабиринт, в котором можно было блуждать целую блаженную вечность... теплое золото волос согревало его, щекотало тонкими отблескам. У Николаса сбилось дыхание, кровь застучала в висках. И тут же он некстати вспомнил, что его руки механика испещрены мелкими шрамами, пятнами от кислот и технических масел, а пальцы загрубевшие и шершавые. Разве можно такими руками прикасаться к живому шелку...

-Илле, - укоризненно прошуршал Тульпа. – Уймись.

-Ой, - у белладонны вспыхнули щеки, - простите... привычка, куда деваться. Так вот, Николас, представь, что это – и она покатила в горсти жемчужину, - ваш мир. А это – и она сомкнула ладони в подобие шарика, - наш. Мы всегда были рядом, не так, чтобы вплотную, но вполне досягаемо. И каждый раз, когда вы причиняли друг другу боль, когда плакали от страха ваши дети, когда обвиняли невинного и унижали слабого, - мы становились ближе. Ну а в упомянутый исторический период держаться на расстоянии стало просто невозможно. - Илле слегка картавила, возможно поэтому Николасу было сложно совсем серьезно относиться к тому, что она говорила, - И ты не прав,

Иероним, так строго судя о темных веках, сам знаешь, что равновесие нарушилось уже на их исходе. Заложив в фундамент нищету и невежество, вы с поразительным усердием строили лестницу, каждая ступенька которой украшена достойнейшим девизом...

-Ради мира и процветания нашей страны!

-Во имя чистоты нации!

-Сохраним и укрепим семьи!

-Памяти предков будем достойны!

-Нашим детям – достойное будущее!

Дети Роя перебрасывались трескучими фразами как мячиками; было видно, что каждая из них хорошо знакома им, как знакомы врачу симптомы болезни.

-По этой лестнице вы и добрались до нас. – Илле сидела, подобрав под себя ножки, опираясь руками за спину. Николас неосторожно задержал взгляд на ее шее, и уже не слышал, что она говорила, однако следующий гость, обнаружившийся прямо у него на коленях, заставил механика отвлечься от созерцания прелестей белладонны.

-Фхххлннн...глллвмммм... - эти звуки напомнили ему работающий на малой мощности насос.

-Это еще что? – на коленях у механика сидело существо, похожее на тряпичный мяч, изрядно послуживший на своем веку, где-то надорванный, где-то выставивший напоказ свою набивку (что-то вроде подгнивших суровых ниток), давным-давно потерявший и форму, и прыть. Существо, и без того малосимпатичное, страдало одышкой и косноязычием.

-А вот и паразиты пожаловали, - прошелестел Тульпа. – Это Мирель. Детка, пощади чувства нашего гостя, сядь где-нибудь подальше.

-Пусть сидит, мне не мешает. – Николас принял происходящее как должное и решил ничему не удивляться. – Я с самого начала хотел спросить вас насчет Единого и его светлого круга. Он вообще был или как? То, что вы нас ждали и встретили, как родных, я уже понял, а с той стороны что, мы сироты получаемся?

-Мммввлллл...ххххшшшшшнгллл... - Николас изо всех сил вслушивался в пыхтение Мирели.

-Не напрягайся так. Спуск должен быть легким. – Голос зазвучал в его голове сам, минуя слышимую мешанину звуков. – Нет, вы не сироты, Николас, вы любимые дети. Любимые дети, покинувшие дом отца и забывшие дорогу обратно. Однако несмотря на то, что вы ушли далеко, сам дом никуда не делся.

-Я смотрю, вечеринка в разгаре. – Николас обернулся – на подоконнике, положив ногу на ногу, сидела Джая. – Понимаю, что всем вам любопытно заценить нашу новую диковинку, но он нам нужен живым. Мирель, уйди от греха подальше.

Существо, неловко переваливаясь, пыхтя и кряхтя, сползло на пол и откатилось к окну.

-Ну надо же, - насмешливо протянула белладонна, - бестия-защитница. Не бойся, никто его не тронет.

-И, тем не менее, Джая совершенно права. – Иероним встал. – Пора и честь знать. Можете не прощаться, Николас, скоро увидимся. Мы, как-никак, соседи. – И он кивнул в сторону дома напротив. – Отдыхайте.

Они покидали комнату так же бесшумно, как и появились в ней; последней исчезла Илле. Когда Николас улегся в кровать, она оказалась теплой, подушка пахла липовым цветом. «Ничего себе соседи, - подумал он, засыпая. – Не соскучишься». И встрепенулся.

-Погодите-ка, - он был уверен, что ему ответят. – А разве возможно такое, чтобы кромешник с паразитом вот так запросто без носителя расхаживали?

-Дошло, наконец, - ответила Джая, задергивая шторы. – «Тихая заводь» не простая водолечебница, Николас. Здесь можно за определенную плату на время избавиться от своего спутника из Роя. Плата, сам понимаешь, немаленькая, но и услуга не из повседневных. Человек приходит, и мы... как бы это... отделяем от него его же собственную тень. Человек отдыхает, потому как за ним хотя бы неделю не таскается кромешник, не вытягивает все жилы паразит... мало ли кем одарил его час воплощений. Потом, конечно, опять все снова-здорово, куда деваться. Но, скажу я тебе, очередь желающих перевести дыхание давно перевалила за... очень много. Этот дом, - бестия кивнула на дом напротив, - как раз для отделенных теней и предназначен.

-А если человек попробует сбежать? – заинтересовавшись, Николас привстал на локте.

-От себя не убежишь, - бестия направилась к дверям. – А после разлуки любовь еще горячее. Представь себе стосковавшегося паразита. А впрочем, не стоит, приснится еще. Бывай, Николас Бром, - и Джая закрыла за собой дверь.

Время Роя: пора лихорадки, год от первого Воплощения 341

Время Людей: апрель, 1981 год

Работа по призванию

Прошло уже больше полумесяца с того дня, как незрелая фея искусала механика Николаса Брома, что было и само по себе неприятно, и к тому же изменило всю его жизнь. Рваная рана на шее Николаса почти зажила, сон налачился, вернулся аппетит. Однако он по-прежнему не покидал свою комнату, где в инкубаторе для недоношенных детей дозревала во сне его фея. Дети Роя, жившие по соседству, не навещали его; удовлетворив свое любопытство, они лишь приветствовали его, если им случалось заметить друга друга в окне. Это не значило, что механик скучал; после первого визита детей Роя его чувствительность стала обостряться не по дням, а по часам, и поначалу он изрядно нервничал.

Через его комнату проплывали темные, дымчатые змеи, свитые в пульсирующий клубок, проходили (стены им были не указ) существа, не поддающиеся определению, проходили, не задерживаясь, следуя куда-то по своим делам. Однажды Николас проснулся от неприятного ощущения пристального чужого взгляда; это чувство знакомо почти всем: сидишь себе в полном одиночестве, и вдруг пробегает по спине холодок, встают дыбом все волоски на теле, а то и легкой судорогой передернет – и кажется, будто на тебя смотрят в упор, пристально, недоброжелательно... только вот смотреть вроде некому. Оказывается, есть кому. Николас протер глаза и увидел, что у него в ногах сидит старуха, худая как гвоздь, одетая в черное глухое платье, с лицом сушеной рыбы. Она глядела на механика в упор, выкатив водянистые серые глаза, и будто что-то пережевывая беззвучным ртом; костлявые пальцы с заостренными желтыми ногтями беспокойно перебирали кружевной носовой платок. Николас опешил. Пока он раздумывал, здороваться ли с гостьей или звать на помощь, старуха встала и удалилась, попросту растворившись в темном углу. Вечером того же дня механик полез под кровать, достать закатившийся туда карандаш. Оказалось, там был не один карандаш; шаря по пыльному полу, Николас успел разглядеть очень длинный крысиный хвост, торчащий из щели в полу, и не совсем целую кисть руки. Указательный палец, наполовину обглоданный, подпихнул карандаш к Николасу; механик машинально пробормотал слова благодарности, на что кисть сделала жест, означавший «не стоит».

Все эти существа и сущности не делали попыток повредить Николасу Брону или напугать его, они просто были рядом, и они были рядом всегда. Постепенно он привык к ним; было даже что-то забавное в том, чтобы

наблюдать, как одна из медсестер, ставящих Николасу капельницы, морщится от боли в шее, да и как тут не морщиться, если на ней как уродское боа висит жирная гусеница, потеющая и сопящая. (Если бы Николас знал, что эта медсестра ласкова только с обитателями привилегированных домиков, а остальным дырявит вены почем зря, оставляя после себя кровоподтеки, которых не постыдился бы и дипломированный палач, то меньше бы жалел ее).

Вечерами Николас Бром наблюдал за домом напротив, это уже вошло у него в привычку. Соседи иногда замечали его, но в гости не напрашивались. И вот однажды Николас понял, что если вот прямо сейчас не выйдет из дома в холодные свежие сумерки, то свихнется, кого-нибудь убьет и пропустит через мясорубку. «Что она сказала тогда? Один влюбленный взгляд? Сколько это: десять метров, пятьдесят, сто? Откуда мне знать? Ну, не проверишь – не узнаешь».

Он накинула поверх больничной пижамы куртку, поверх куртки – плед, сунул ноги в ботинки и, не зашнуровывая их, зашаркал к дверям. Выйдя из дома, постоял на крыльце, привыкая к свежему воздуху и открытому пространству. И медленно зашагал по плиточной дорожке.

Нельзя было и предположить, что прогулка вокруг небольшого дома может оказаться столь восхитительной; после долгих дней взаперти, наполненных перевязками, уколами, болью и жаром, а потом еще и воплотившимся паноптикумом (который в этот день что-то совсем разошелся), просто идти и вдыхать хвойный аромат было настоящим счастьем.

-Николас! Где тебя носит? – механик удивленно обернулся: из дверей его дома выглядывала Джая. – Быстро вернулся, кому говорю.

-Ладно, иду, иду. – Механик не стал спорить и направился к бестии. - Знаешь ли, я уже просто головой опух взаперти сидеть. Да меня не было минут двадцать всего, неужели эта... проснулась?

-Дрыхнет твое счастье, не бойся. Не в том забота. Слушай, Николас, - бестия села на край кровати, пока механик снимал с себя плед и куртку, - а ты действительно такой хороший механик, как говорят?

-Кто говорит? – Николас подошел к инкубатору – так и есть, фея спит, только что не похрапывает.

-Люди говорят. И не переспрашивай меня больше!..

Николас посмотрел на бестию – она щурила на него налитые кровью глаза, лицо ее мелко и часто подергивалось, штопка у края губ поползла, открывая острые крупные зубы; бестия злилась и беспокоилась, стоило быть осторожнее.

-Те же люди могли сказать, что я заноза в заднице и перестраховщик. Джая, что случилось?

Слюна феи точно сильное снадобье; прежний Николас никогда бы так себя не повел. Он предпочел бы отмолчаться, получить точные указания и спокойно, обязательно в одиночку их выполнить.

-Он еще не готов? – в двери уже протискивался Виджая. – Джая, чего резину тянешь?

Николас готов был поклясться, что если бы не крайняя важность ситуации, бестия точно разорвала бы собрату лицо ответом на этот вопрос; но она только выдохнула со свистом, подтянула штопку и повернулась к человеку.

-Ну вот что. Ты нам нужен, Николас Бром. Так что одевайся, да по-рабочему, без всяких там пледов, и пойдём.

-Понятно. А как же Хэли? – механик впервые назвал фею по имени, а бестия, услышав неприятный вопрос, зарычала. – Джая, не надо... не сейчас. Думаю, если ты сможешь мне устроить ее в нагрудном кармане моего комбинезона, она прекрасно поспит и там. В общем, отвернитесь, дайте человеку переодеться.

Николас не без удовольствия избавился от больничной пижамы, натянул белье, носки, надел плотный хлопковый свитер, влез в любимый, выдавший виды темно-синий комбинезон, защелкнул пряжки на лямках, зашнуровал высокие ботинки, вынул из шкафа сумку со своими инструментами. Потом он разорвал пополам пушистое белое полотенчко (их в ванной комнате было предостаточно) и положил его на дно большого нагрудного кармана. Пока Николас болел, его вещи вычистили, выстирали, даже выгладили, теперь к привычному запаху машинного масла примешивался еще какой-то дешевый цветочный ароматец.

-Джая, помоги, а? – Николас аккуратно поднял крышку инкубатора. Пока бестия держала край кармана, механик вынул фею и переложил ее к себе. Та даже ухом не повела, спала себе и спала сытым младенцем.

-Отлично. Смотри, у тебя все предусмотрено, - и Джая застегнула карман на пуговицу. – Теперь не вывалится. Пошли, Николас Бром, время не ждет. Тульпа?

-Я давно здесь. – Из-под кровати вытянулась тень, уплотнилась, встала во весь рост. – Здравствуй, Николас. И добро пожаловать в Рой.

Николас перекинул сумку с инструментами за спину и, неизвестно почему прикрывая ладонью нагрудный карман, шагнул навстречу крошечнику.

Время Людей: конец марта-начало апреля, 1981 год

«Тебе понравится, Маришка!» - говорили они. «Ты только представь, какое приключение!» - говорили они. И вот я сижу в какой-то драной сорочке на голом дощатом полу, а на щиколотке у меня толстый железный браслет, цепь от которого тянется к ножке кровати.

Все началось с папиного старшего брата, будь он неладен. Что с того, что он принял семейный бизнес от отца полудохлым, а уже через пару лет тот зацвел как яблоня весной. На него, между прочим, оба младших брата работали, тоже не деревенские дурачки. Моего отца так вообще из банка со слезами провожали, когда он отправился в крестовый поход за семейное дело. Нет, я ничего не хочу сказать против дяди Дэнни, он вкалывал будь здоров, вот только радости ему от этого никакой не было. Казалось бы, живи и радуйся, все у тебя есть, так нет – чем больше он зарабатывал, тем больше боялся, что разорится и умрет в нищете. Даже улыбаться перестал, как будто за улыбку платить придется по повышенному тарифу.

В общем, загнал себя дядя Дэнни, а как узнал, во сколько ему лечение язвы будет обходиться, так и вовсе сник. А тут и час воплощений случился. И обзавелся дядя Дэнни отвратительным паразитом; с виду ни дать, ни взять мясной мешок, синюшный, невесть чем бултыхающий. А потом мою маму накрыло. Папа на ней женился до начала совместного братского бизнеса, а потому по любви. Денег у мамы ни гроша не было. А дядья женились, чтобы семейный капитал приумножить. Мама, конечно, старалась, даже какую-то бухгалтерию для фирмы вела, но все равно чувствовала себя виноватой. Дешевкой. Я, конечно, заметила, что неладно с ней; сами посудите, станет счастливая домохозяйка мыть посуду в шляпе с пером, истерить по поводу вовремя выброшенных (да они засохли уже!) цветов, и плакать по утрам, едва проснувшись. До папы дошло, что маму болиголов доедает, только когда она снотворного наелась на месяц вперед. Видела я его, симпатичный парень, сволочь. Осмелился к маме в больницу заявиться; я его из палаты выперла... и при этом номер своего телефона дала.

Следующим на очереди младший брат оказался. Поехал очередную лесопилку проверять, как там оборудование, то да се... и попал белоглазу на обед. В закрытом гробу хоронили, и могильщики его играючи несли (дядя при жизни едва в дверь проходил, и майки его моя мама чехлами на танк называла).

На поминальном обеде отец впервые за десять лет к бутылке приложился. Основательно так. На пару недель.

Про Город Света отец узнал от кого-то из больничных доброхотов. Рассказали на ухо, торопливым шепотом, что есть в лесах северных, глухих, место сильное, светлое, когда-то там дом спасения был, а теперь вот, снова... Тут, наверно, оглядывались и еще более тихо шептали. Есть один человек, ему слово Светлого было дано в откровении, он все нажитое бросил и в леса ушел. Поначалу землянку себе вырыл и принялся дом благодати отстраивать. Сила в нем чудесная обнаружилась, звери его не трогали, страсти человеческие не одолевали. Имя же ему стало – Валафар. Только в одиночестве он недолго оставался, люди к нему потянулись. Уезжали из шумных, суетливых городов, ставили себе дома рядом с валафаровой землянкой или покупали в соседней деревеньке. И через пару лет таких уже за сотню стало. И все прибавляется.

Представляю, как отец эту чушь слушал, это же как на губку воду лить, чтоб этому рассказчику самому сюда приехать! Пересказал он это нам с мамой и добавил, что живут в Городе Света дружно, одной семьей, кормятся тем, что мать-земля дает, и никакого мяса, никакого алкоголя, у каждой семьи свой дом, работают на огородах сообща, а воздух там! А красота какая! А благодаря Валафару и силе духа его – не властен над тамошними людьми час воплощения, еще ни разу его там не случилось.

За какой-то месяц мои родители и городское жилье продали, и в деревню эту треклятую перебрались. Даже не стали настаивать, чтобы я школу нормально закончила, хотя мне через год в колледж поступать. Приехали мы в Город Света по весне. Поначалу мне здесь даже понравилось; а что? Никаких тебе уроков, воздух и правда хорош, на огороде я не очень убивалась. Вот только молитвы доставали, каждое утро по два часа поучения слушать, да еще шесть раз в день по колоколу, да еще к дому благодати таскаться. Но я как-то мимо ушей все это пропускала. А вот мать с отцом нет.

Я ведь как думала? Отсижусь здесь годик, заниматься по книгам буду, оценки у меня отличные были, не поглупею же я разом. А потом уеду в город, поступлю в колледж. Родители как хотят, а мне жить хочется, а не молиться. Я ведь не знала, что они все свои деньги в общую казну отдали. И жить мне и негде, и не на что.

Ситуация прояснилась, когда у меня зуб заболел. Я сначала маме сказала, а она мне в ответ – встань пораньше, иди к роднику Валафара (это почти час по лесу) и прополощи рот. Я говорю – мама, конец марта на дворе, какие родники? А она смотрит на меня глазами прозрачными, благостными и повторяет – иди,

доченька, иди, не спорь. Ясное дело, никуда я не пошла. А зуб еще сильнее разболелся. Я к отцу. Он сначала тоже про родник, ну, я ему объяснила, что я о таком лечении думаю. Он посмотрел на меня и говорит – это старые обиды твои выхода ищут, покоя тебе не дают. И ушел. Вскоре вернулся, не один, вместе с одним из старожилков. Они меня держали, папа и мама, а этот урод зуб мне вырвал. Клещами. Не прощу никогда.

На следующем молитвенном собрании меня вытолкали в первый ряд, чтобы Валафар (если он выйдет) меня особо благословил. Вот тогда я его впервые и увидела.

-Тульпа. Не подходи ко мне. Больше. Никогда.

Николас Бром стоял, держась рукой за монументальный ремень Виджаи, и выблевывал свои кишки. По крайней мере, ему так казалось. Он даже про фею забыл, так плохо ему было.

-Прости, Николас. – Судя по голосу, крошечник был огорчен. – Я должен был провести тебя в Рой быстро. А быстро всегда отвратительно.

-Будет тебе, человечек, - Виджая поднял механика, слегка встряхнул. – Дыши глубже, полегчает.

Николас кивнул, пару раз выдохнул с силой, провел ладонью по лицу.

-Пошли уже, где там ваша машина. Пока моя Хэли спит.

Бестии переглянулись.

-Что?!

-Да ничего. – Улыбнулась Джая. – Вот ведь тварь – даже не просыпаясь, она тебя привязывает. Идем, Николас.

Они спустились по узкой тропе, осыпающейся гравием, вышли на каменистую дорогу, вилявшую меж скал. Николас оглянулся – было тихо, в низком небе толклись пухлые облака, пахло... ничем не пахло. Еще несколько минут, и дорога свернула на обширное плато, с которого открывался весьма впечатляющий вид. Далеко внизу простиралась унылая серо-сизая долина, и высились огромные, черные, каменные столпы, похожие не то на кости земли, не то на оцепеневших великанов, стоящих по стойке «смирно». Столпы были усеяны сотнями дыр, светящихся бледными огнями; впрочем, один сиял совсем не бледно.

-Ты смотри, что делается. – Виджая ткнул пальцем, похожим на батон колбасы, в сторону. Один из столпов был охвачен белым пламенем, вокруг него уже завивались реки лавы, и оттуда ветер доносил такие вопли, что механик

поежился. Снизу донесся торопливый шелест шагов и через минуту Николас увидел запыхавшегося, взмыленного Иеронима.

-Где вас носит?! Быстрее не могли?! Ну что уставились, бегом к машине!

Не отвечая, они метнулись вслед белоглазу. Николас даже оглядеться толком не успел, как оказался перед входом.

Пещера не разменивалась на лазы и коридоры, а сразу щедро распахивалась огромной каверной. Посреди нее и размещалась машина, чьи размеры соответствовали вместительности.

-Так. – Николас оглядел судорожно вздрагивающую, взрыкивающую машину. – Вот теперь вы меня напугали.

Вид у пастыря был что надо – легкие белоснежные волосы до плеч, глаза синие, улыбка добрая, одет в белую домотканую хламиду до полу. Посмотрел он на меня и говорит – выйди, мол, отроковица. Меня так в спину толкнули, что я не вышла – вылетела. Валафар руки мне на плечи положил, в глаза заглянул, потом по щеке нежно-нежно погладил и спрашивает, но уже не так благостно – кто те люди, что так дитячко мое обидели? И зырк глазами на толпу. Кто, говорит, болью боль лечить посмел в моем доме? Мои лекари на коленях выползли. Тут Валафар их так отчихвостил, что мне даже полегчало, и отправил на самую дальнюю делянку лес валить. После собрания меня кто-то из валафарова ближнего круга попросту за руку взял и отвел в их жилище, с виду та же изба, но внутри намного удобнее нашего домишки, напоил травяным чаем, и уложил спать.

Я так думаю, они мне в эти чаи настоящие таблетки подсыпали, во всяком случае, воспаление прошло и боль тоже. Дня через три я как новенькая была. Все это время меня никто не трогал, даже молиться не заставляли. Да что там, даже в ванную свою пустили, представляете, у них там ванная была. И горячая вода. И кресла мягкие. И шоколад.

Мне отвели маленькую комнатку, очень теплую, я даже думала, а не попроситься ли к ним на постой, дома-то вода к утру замерзала. Родителям скажешь, а они улыбаются в ответ – деревья наши братья, что же мы их понапрасну жечь будем? Они вон зиму выстаивают, и домов у них нет... поднимай, доченька, вибрации, хотя бы до их уровня. И мерзнуть перестанешь, и по тяжелой еде скучать. Хотела я им сказать, что в таком случае согласна быть пальмой и расти где-нибудь в теплых краях, но не стала. Толку-то.

Вечером четвертого дня, когда я уже спать улеглась, ко мне сам Валафар пожаловал. Рукой махнул – лежи, мол, не вскакивай – и на кровать ко мне сел. Я и не заметила, как мы с ним разговорились. Про школу расспрашивал, про

увлечения, кем быть хочу, о чем мечтаю. Очень душевно поговорили. Назавтра он опять пришел. Сел в ногах, улыбается, спрашивает, не оставила ли привязанности какой в городе. Нет, говорю, не до глупостей мне было, провожал меня соседский сын иногда до школы, вот и вся любовь. А Валафар и пошел разливаться соловьем, как важно для девушки быть любимой, что только в любви расцветает человек, что ничего прекраснее нет и быть не может. А сам руку под одеяло засунул, и мои ноги гладит, забираясь все выше и выше. Я отодвигалась, сколько могла, пока спиной в стену не уперлась. А когда он с меня одеяло стаскивать начал, на меня как затмение нашло, во всяком случае, отпихнула я его так, что он с кровати слетел. А я, в чем была, на улицу выбежала и в сторону дома рванула.

До общего поселения путь не самый близкий, особенно в последнюю мартовскую ночь, босиком и в одной сорочке. Но я добежала. Думала, до утра пересажу в родительской домушке, а там до деревни доберусь, оттуда до города, а там еще как-нибудь, неважно. Лучину зажигать не стала, напялила на себя всю одежду, какую нашла, воды попила, хлеб размочила, поела. Пока ела, вспомнила – сегодня мой день рождения. Пятнадцатый.

Проснулась я от песнопений за окном. Эти, из ближнего круга, домушку окружили и молитвы распевали. Когда я на крыльцо вышла, кто-то завел про дух нечистый, отроковицу обуявший, сгинь-пропади и все в таком духе. А меня два бугая под руки взяли и повели, все в тот же дом, поближе к Валафару. Вот только окон у моей теперешней комнаты не было, зато полагались кандалы.

-Никакой механик не станет ремонтировать машину на ходу. – Безнадежно повторил Николас. – Отключите ее.

-Это невозможно. – Иероним развел руками.

-Покажите, где источник питания, я сам отключу.

-Еще невозможнее.

-Тогда сами и ремонтируйте.

Николас плюнул и отошел в сторону, еще раз оглядеть машину. Такого за всю свою многолетнюю практику он не встречал никогда. Это было нечто, не поддающееся определению, какое-то нагромождение узлов, передач, ряды циферблатов, гибкие шланги, шестерни, клапаны. И это работало. До этого момента, по крайней мере; а сейчас механизм вздрагивал, дергался – болел, одним словом.

-Отлично. Имеем поврежденный механизм неизвестного назначения на ходу. Не смотри на меня так, Джая, я даже не знаю, что здесь надо чинить, я эту вашу машину в нормальном состоянии не видел.

-Почему же неизвестного назначения? – Белоглаз подошел к механику. –
Николас, машина определяет час воплощений.

-Иероним, - механик поднял руку, - пожалуйста, расскажи мне что происходит, когда машина работает исправно.

-Хорошо, Николас. Сначала определяется, будет ли час воплощений, или же нет, - на самом верху круглилась массивная шкала. – Потом выбирается клан Роя.

Много ниже располагались пять узлов, обозначенных цветными маркерами.

-Погоди-ка, - Николас остановил белоглаза. – Смотри, четыре работают исправно, а крайний слева, красный, явно сломан. Там вхолостую крутит, даже отсюда видно.

-Ну разумеется, это выродки леса. Они у нас привилегированные, - подала голос Джая.

-Джая, завидуй молча. – Николас готов был поклясться, что белоглаз показал бестии язык. – Николас, работающие слева направо: белый маркер - паразиты, желтый – бестии, черный – цветы зла, серый – крошечники. Рядом календарные циферблаты, они исправны, потом разберешься. После клана выбирается точный подвид, у бестий их два, у цветов столько же, у крошечников больше, паразитов вообще хрен разберешь.

-Уже понятнее. – Николас подошел к нижнему уровню механизма. – А что у вас на выходе? Результат работы какой?

-Когда... эээ... когда определяется конкретная персона на выход в свет, машина выпускает ее - или его – жребий, и он находит своего хозяина. И тот может пройти к месту воплощения. Без жребия никак. Николас, умоляю тебя, поторопись.

-Постараюсь. – Николас Бром уже возился на ветке бестий. – Сейчас разберемся.

Через полчаса нижняя секция ветки бестий выглядела неприлично разобранной, Николас уже по локти залезал в нутро механизма, что-то продувал, что-то протирал, снимал и ставил на место. Джая прогнали наружу, поскольку она лезла к Николасу под руку с дурацкими советами.

-Здесь. – Николас снял крышку с очередного агрегата. – Надо же, на самом выходе.

Он осторожно вытянул два плотно пригнанных диска размером с ладонь, вращавшихся с едва слышным скрежетом.

-Иероним, держи, - одной рукой механик протянул белоглазу плоскую крышку. – Не хватало, чтобы это еще куда-нибудь завалилось.

И Николас с силой подул на диски. Из едва заметной щели вылетело нечто крохотное, блестящее и со звоном упало на подставленную крышку. Диски плотно сомкнулись, и буквально через минуту из раструба, сделанного в виде распахнутой пасти, вырвалась искра. Скорее, небольшая молния. И метнулась из пещеры. Снаружи радостно завопила Джая. А еще через минуту до пещеры донесся безумный рев яростного ликования.

-Пронесло. – Иероним смог, наконец, унять дрожь в пальцах. – Пойдем, глянем, кого бестии выпускают?

-Погоди. – Николас аккуратно уложил диски на место. – Ладно, пойдем. Потом все соберу.

Каменный столп бестий, казалось, ходит ходуном и подпрыгивает. Николас пошарил в сумке с инструментами и вытащил миниатюрную подзорную трубу. Он навел ее сначала на столп, потом на долину. То, что он смог разглядеть, заставило его вздрогнуть. По унылой равнине сломя голову неся здоровенный монстр, ростом метра три, не меньше, с четырьмя ручищами, что твои заводские молоты, грудной клеткой объемом с железнодорожную цистерну, его мышцы перекачивались, как валуны в камнепаде, а от шагов трескалась земля.

-Чудовище, - удовлетворенно протянул белоглаз. – Неудивительно, что они так бесились. Разве можно эдакую силищу перекрывать.

-Кстати, Иероним, - Николас опустил подзорную трубу, - о перекрытии. Что там такое попало в вашу машину?

Они посмотрели на плоскую крышку, которую белоглаз так и держал на манер подноса. На крышке пронзительно поблескивало что-то вроде малюсенького камешка.

-На. – Иероним с такой силой пихнул крышку Николасу, что тот даже отшатнулся. – Держи это при себе.

Николас с трудом взял камешек двумя пальцами; острые грани слегка покалывали кожу, яркий блеск покалывал глаза. Когда он поднял взгляд, то увидел, что дети Роя стоят вокруг него и смотрят на камешек так, как смотрел бы завязавший алкоголик на бесплатный бар.

-Убери это подальше. – Прохрипел Виджая. – А то я ни за кого не ручаюсь.

Николас завернул находку в клочок промасленной ткани и убрал в коробку с мелкими гайками.

-И что это такое, не скажете?

-Страшная дрянь, вот что это такое. – Иероним покачал головой. – Это добро в чистом виде, Николас Бром. Страшная дрянь. Любопытно, каким образом оно попало в машину. Смотри. Врата открываются.

Николас взгляделся: верзила успел добежать до маленького озерца, заполненного чем-то густым и вязким на вид (таких по всей долине было предостаточно, некоторые пересохли и покрылись сетью трещин, другие поблескивали нетронутой поверхностью). Бестия с разбега, с размаху прыгнул прямо в центр озерца, разметав половину его на маслянистые брызги. Со стороны его столпа раздался торжествующий вой. В следующее мгновение воплотившийся исчез, на месте озерца осталась невнятная ямка. Николас опустил трубу. «Не хотел бы я оказаться там, куда его вынесло», - подумал он.

Я просидела в этой гнусной комнате два дня. Мне не давали ни есть, ни пить. Потом принесли кувшин воды, не знаю, чего они в нее намешали, у меня судороги были такие, что кости трещали. Кажется, меня вытаскивали на улицу и там поливали ледяной водой и опять пели свои молитвы. Когда я пришла в себя, пришел Валафар. Он сказал, что процедура изгнания нечистого духа может повторяться сколь угодно раз, по полного просветления. При этом он гладил меня по голове и повторял, что надо быть послушной девочкой. Тогда все будет хорошо.

«Будет весело, Маришка», говорили они. «Будет весело». Быть послушной, как же. Когда мне было шесть лет, мама пыталась заставить меня есть гороховое пюре. Тогда я разбила тарелку о свою собственную голову. В другой раз одноклассница докапывалась до меня, так я вытрясла ее ранец в окно, надела его ей на голову и изо всех сил затянула ремни на шее. Приступы неконтролируемого гнева, так сказал доктор. Куда уж веселее.

Когда члены ближнего круга вошли к одержимой, она стояла прямо посередине комнаты, в одной руке держа цепь с разорванным и смятым в комок ножным браслетом, а в другой – массивную кроватную ножку, из которой торчал толстый гвоздь. Она подняла голову, и они увидели, как на ее чумазом миловидном личике расцветает приветливая улыбка.

-Повеселимся?

Если бы у них было время, они бы смогли еще увидеть, что девушка отбрасывает отчетливую тень – силуэт огромного, плечистого мужчины с четырьмя руками, повторяющего каждое ее движение. Если бы было время у тех, кто собрался на улице в ожидании ритуала, они бы разглядели, что одержимая орудует словно бы не двумя, а более руками, причем очень длинными. Но когда тебе вгоняют в глаз здоровенный гвоздь, или плющат лицо железным комком, или ломают хребет о колено, или голыми девичьими руками разрывают горло – как-то не до созерцания. Сначала одержимую пытались остановить. Потом от нее намеревались убежать. Немногие верные загородили собой вход в землянку, в которой укрылся сам Валафар. Она прошла через них как через стайку мошкеры. Из землянки она вышла, волоча за собой Валафара, и на какое-то время отвлеклась, чтобы украсить деревья частями его тела, хотя полюбоваться этим было некому, все собравшиеся были либо уже мертвы, либо умирали. Закончив рвать просветленного на куски, девушка насадила его голову на все ту же кроватную ножку и воткнула в насыпную крышу землянки.

Когда меня понемногу стало отпускать, мысли развернулись в другую сторону, а сила стала уходить. Я знала, что он еще здесь, рядом... я видела его в глазах своих неудавшихся палачей. Я скинула изодранную, грязную рубаху и упала в уже осевший сугроб; от меня шел такой жар, что жесткий, слежавшийся снег таял, стекал по моему телу теплыми ручейками. Это позволило смыть пот, кровь и всякую налипшую гадость. Потом я подобрала себе одежду получше, стащив у одной верхнее платье, у другой парку и сапожки. А его четырехрукая тень покачивалась рядом на грязном снегу. Я знаю, что мне делать. У этой крысы полно денег в землянке, он что-то кричал мне о них, хотел откупиться. Возьму себе немного, чтобы хватило на первое время. Дойду до деревни, я смогу, он не позволит мне не смочь. А там и до города недалеко. И я не буду вспоминать о том, что случилось сегодня, в его час воплощения.

-Я вот только не понял, в чем тут зло, - спросил Николас Бром, заканчивая профилактический осмотр машины.

-Спроси это у тех, кому она руки поотрывала, - отозвалась Джая. – Вряд ли они назовут произошедшее с ними добром.

-Славно сородич порезвился, - прогудел Виджая. – Как думаешь, сам уйдет или зацепится?

-Думаю, зацепится. Николас, ты закончил?

-Да ты что, Джая. Более запущенного случая у меня еще не было.

-Машина работает. – Подал голос белоглаз. – Так что на сегодня хватит с тебя любимой работы. Человеку нельзя долго быть в Рое. Тем более, со спящим хозяином. Пора домой, Николас. Тульпа?

-Да чтоб вам! – Искренне пожелал механик. – Сейчас инструменты собираю и иду. И сделай милость, Тульпа, поаккуратнее. Но в следующий раз придумайте какой-нибудь другой способ доставки.

Время Роя: пора лихорадки на исходе, год от первого Воплощения 341

Время Людей: май, 1981 год

Моя семья

Когда май уже заканчивался, Хэли, незрелая фея, свалившаяся в капюшон механика Николаса Брома, неосторожно зашедшего в мартовский лес, проснулась. Откинула крышку инкубатора, высунулась по пояс и заявила:

-Хочу гулять.

Николас отложил в сторону журнал (директор Линдемманн любезно принес ему несколько годовых подшивок «Наука механика»).

-Привет. Пойдем, а то мне вокруг дома надоело расхаживать.

Он подошел к инкубатору, подставил ладонь, и фея влезла на нее, легкая и прохладная на ощупь. За время сна она не похорошела, разве что крылья просохли и стали похожи на два неаккуратно вырезанных лоскутка грязно-белой марлевки.

-Куда хочешь? В карман или на плечо?

-На плечо. В кармане я уже накаталась, - заявила фея довольно противным, тонким голосом и проворно вскарабкалась на плечо механика. Уселась, поерзав тощим задом, и приказала:

-Пошли.

Николас усмехнулся, прихватил с кровати плед, сунул в висевший на крючке у двери рюкзак бутылку воды, закинул его на плечо и вышел из дома.

Солнце уже клонилось к закату, но еще вполне ощутимо припекало; Николас быстро прошел мимо гостевых домиков, корпуса водолечебницы, миновал символический заборчик, обозначивший границу «Тихой заводи» и оказался на невысоком берегу лесной реки. И пошел вверх по течению по узкой

тропке, тянувшейся вдоль ивняка. Фея вертела головой, попискивала от удовольствия и вскоре потребовала:

-Остановись!

Она встала у него на плече во весь рост, расправила крылья и прынула в воздух. На секунду зависла и полетела, неровно, теряя и набирая высоту, выписывая зигзаги, дрыгая ногами. Она не обратила ни малейшего внимания на предостерегающий оклик Николаса и вскоре оказалась над рекой. Разумеется, долго она не продержалась, ее опять потянуло вниз, на этот раз прямо в очень холодную, прозрачную, коричнево-зеленоватую воду.

-Ну и зараза!.. – механик отшвырнул рюкзак и шагнул в реку, где визжала, барахталась, тонула и всплывала его фея. Он подцепил ее ладонью (воды было всего-то по пояс), вынул, посадил на плечо и пошел на берег. Пока он выбирался из реки, фея заплывала всю его куртку. Оказавшись на берегу, он стянул с себя мокрые ботинки, вылил из них воду и поставил на песок, снял брюки, набросил их на прогнувшиеся ивовые ветки, расстелил на теплом песке плед; когда он сел, фея слезла с плеча и принялась вытираться майкой Николаса, топчась по нему мокрыми ледяными ножонками.

-Куда ты рванула, скажи на милость? Ты, наказание мое пожизненное!

-Мне скучно! – Фея выглянула одним глазом из-под майки. – Я столько времени проспала без толку. Думала, вылезу пораньше, больше успею.

-Так ты и успела. Сразу стала особенной, - Николас усмехнулся, - на тебя смотреть столько ваших приходило!

Фея фыркнула в ответ; обсохнув, она вновь вскарабкалась на плечо механика и принялась разглядывать розовый, свежий шрам на его шее, довольно безобразный, надо признаться.

-Я так больше не буду, - хмуро пообещала она.

-А как будешь?

-А вот так. – Хэли перебралась на другую сторону, и Николас тут же почувствовал ощутимый, но довольно легкий укус в шею, возле уха.

«Не на сгибе... здесь ты не бреешься... и ты не носишь рубашки с воротничками, а значит, не натрет». Он услышал это в своей голове, как тень чужих мыслей. «Откуда ты знаешь, что я не ношу рубашки?» «Николас, я столько твоей крови выпила, я про тебя почти все знаю». И Николасу показалось, что фея хихикнула.

-Наелась? – спросил он уже вслух. – Проснулась, искупалась, пообедала. Чтоб я так жил.

Хэли остановила кровь и спустилась вниз; Николас лежал на спине, опираясь на локти, а она устроилась у него на колене, подставив солнцу мокрые слипшиеся крылья.

-Может, ты расскажешь мне о своих сородичах? А то я до сих пор так и не разобрался, кто кому кем приходится. Или ты сама пока не в курсе?

-Ничего подобного. – Возразила фея, поглаживая свой живот. – Что ты хочешь знать?

-Ну... начнем с вас. Вы не зависите от машины жребиев, час воплощений вам тоже не указ, по-моему, остальные вам завидуют.

-А мы изначально им не чета. Выродки леса – дети смерти. Остальные – всего лишь порождения эмоций, чувств, мыслей, состояний, короче – эфемериды. Ярость что? Вспыхнула и угасла. Печаль живет до первого смеха. А со смертью не поторгуешься, не договоришься.

-И вы единственные, кто питается нами, так сказать, буквально.

-Мы - дети смерти, потому и едим жизнь.

-А белоглазы, они упыри или людоеды?

-И то, и другое. – Фея улыбнулась. В ее исполнении улыбка получалась жуткой и одновременно трогательной. – Меры они не знают, вот что. Кто дальше?

-Цветы зла.

-Эти воплощаются в ответ на разбитые сердца, поруганную добродетель и прочую фигню. А еще их здорово притягивают чувство вины и стыд. Для мужчин – белладонны, для женщин – болиголовы; и те, и другие красавчики, бездна обаяния, чуткости, полное соответствие ожиданиям, - Хэли скорчила гримасу. – В общем, идеальные любовники. Во всем, кроме одного. Они не умеют отдавать, только берут, причем все разом.

-Понятно. Приходит такая белладонна, забирает твое сердце, съедает его без остатка, и говорит: «Благодарю за угощение, я пошла». И уходит. А ты остаешься с дырой в груди и ветром в карманах. Они привязаны к носителю?

-Еще чего. Не они к нему привязаны, а он у них на коротком поводке.

-Слушай, а не бывало такого, чтобы болиголов разбил сердце белладонны? Или наоборот?

-Так разбивать-то нечего, Николас. Чарами можно померяться, это другое дело.

-И что в результате?

-П****ц, - коротко ответила фея.

-Кто дальше? Бестии? Обожаю их! – И кровохлебка оскалилась во весь рот. – Они красавы! Чудовища приходят в ответ на гнев, если он до белого каления, до кровавой мути в глазах. Ты же сам видел. И разряжаются в первом взаимодействии почти в ноль. Поэтому они обычно сразу возвращаются в Рой, не переносят слабости.

-А Виджая спрашивал, может ли тот четырехрукий зацепиться, это задержаться, что ли?

-Бывает и такое. Бестии могут восстановить силы, не полностью, но могут; только для этого им нужны особые места, поля битв, например. Но туда надо еще дойти, а по дороге всякое случается.

-Например?

-Охоту могут устроить. Люди. Или свои же. Охотники, те поосторожнее. Они воплощаются, если гнев долго копить, давить его, утрамбовывать в горле, глубже, плотнее! Если забыть, что бездонных пропастей не бывает, и продолжать складывать старые обиды, пересыпая их злостью, пока шкаф не треснет и все это не вывалится прямо на голову. И ты не начнешь так же методично на все - про все отвечать.

-Джая – охотник? – поинтересовался Николас.

-И не простой. Они с Виджаей пара, охотник-чудовище, живут здесь и свободно шастают в Рой. Они у нас что-то вроде ваших полицейских. Так, теперь о кромешниках. Они в Рое самые сильные. Ты из своей семейной истории знаешь, что кромешники приходят в ответ на страх.

-Я так и не понял, чего так боялась моя бабушка. С дедом они жили душа в душу, с сыном своим она ладила, пока работала и жила в городе – тоже все было благополучно.

-Чего только люди не боятся, Николас Бром. У кромешников вариантов уже больше: упокойники, креатуры, безобразы, дрожачки и иже с ними. К человеку они привязываются насовсем, таскаются следом как домашние питомцы, или сидят в каком-нибудь излюбленном месте, украшают собой пейзаж. Силы у них не убывает, в Рой возвращаются после смерти носителя.

Фея потянулась. Солнце припекало, крылья ее просохли и вновь затопорщились лоскутами марлевки. Сквозь серо-зеленую ткань непонятной одежки просвечивали тощие, мосластые конечности.

-Мне голову напечет! Пойдем в тень сидеть.

Николас перетащил плед поближе к ивам, в решетчатую, сквозную тень. Хэли присела на ветку, раскачивалась, что-то нестройно напевала.

-Кто еще остался? Парр-рразиты! Хо! Самый многочисленный и самый дурной клан Роя. Толком ничего не могут – ни говорить, ни развлекаться, ни убивать, - вообще ничего! Только и знают, как из своих подопечных жилы тянуть. Приходят как долгожданный ответ на тоску-печаль. Эти уж точно к носителю привязаны, знаешь, когда здесь паразита отцепляют, чтобы человек малость передохнул, они плачут! Слезами заливаются, истерики закатывают! Вот придурки. – И фея презрительно сплюнула.

-А когда носитель умирает?

-Тогда катятся обратно в Рой. Кончилась еда – кончилась любовь.

Фея попробовала взлететь. Все еще неуверенно держась в воздухе, сделала пару кругов вокруг ивы, и, отпыхиваясь, села Николасу на колено.

-Чем сегодня займемся?

-Не знаю как ты, а я собираюсь пойти и поужинать. Хочешь, оставайся здесь, грейся, учись летать. Я за тобой приду.

Фея скорчила невообразимую гримасу.

-Еще чего. Я с тобой.

Николас поднялся, морщась, натянул влажные штаны, ботинки решил не надевать. Когда они уже подходили к «Тихой заводи», он спросил:

-Послушай, может, ты и про добро в чистом виде знаешь? Готов поспорить, ты тогда все видела. Почему ваши так на него глаза таращили, как старушки на чекушку? По сути, оно должно вам быть противно...

-Оно нам и противно. Тем и манит. Ты вспомни тот случай в мастерской, когда тебя мастер обидел, что ты тогда сделал? А ведь знал, что... хммм... нехорошо поступаешь, а все равно, как приятно было! Или вот еще: человек всю жизнь упражнялся в добродетелях, а потом вдруг его накрыло, а свидетелей не было, - и фея мерзко хихикнула.

Николас представил себе паразита, оказавшегося в центре детского праздника, разворачивающего коробки с подарками, задувающего свечи на огромном торте... бестию, тихо покачивающуюся в гамаке, под начинающим желтеть деревом, и как потом она встает и идет в дом, где уже кипит чайник и пахнет яблочной пастилой. Механик вздрогнул.

-Вот-вот. Страшная дрянь, - подтвердила Хэли.

Возле дома, где жили отделенные дети Роя, в кресле-качалке сидел Иероним. При свете дня он выглядел гораздо более устрашающе, чем в полумраке: белые глаза смотрели тяжело и неотступно, на лице змеилась холодная улыбка. Белоглаз приветственно помахал рукой.

-Не рановато ли для купания, Николас? Хэли, ты не успела проснуться как следует, а уже заставляешь своего человека бегать без штанов.

Фея показала белоглазу язык.

-А ты своих людей заставляешь валяться без головы!

Иероним вздохнул.

-Уж и не помню, когда это было.

-Ах ты бедняжка!.. – с этими словами из-за угла вышел ребенок – по крайней мере, Николасу так поначалу показалось. Однако когда тот подошел поближе, стало понятно, что это взрослый мужчина, только очень маленького роста, еще десять сантиметров в минус – и это был бы уже карлик. Крепкого телосложения, с очень коротко стриженными рыжими волосами, яркими карими глазами, веснушчатым носом и большим, красивым ртом, он действительно был симпатичен, несмотря на рост, и производил впечатление уверенного в себе, жизнерадостного человека.

-Эрик, - он протянул Николасу широкую ладонь. – Рад познакомиться. Поужинаем вместе? Иероним, я тебе принес кое-что, сегодня в похудательном отделении была резекция желудка, - и протянул бегоглазу плотно закрытый пластиковый контейнер.

-Эрик, - белоглаз разулыбался во весь рот, - ты мой спаситель.

-Только сделай милость, ешь у себя в комнате и в одиночестве.

-Эрик у нас хирург. – Доверительно сообщил белоглаз Николасу. Николас неуверенно улыбнулся в ответ. – Пре-е-екрасный доктор.

-Иероним, не порть гостю аппетит. Пойдемте со мной, Николас, а то вы как отшельник у себя засели. Поешьте ради разнообразия в компании.

Николас зашел к себе в дом, переоделся в сухое, и они с Эриком отправились в ресторан для служащих «Тихой заводи». Фея демонстративно уселась Николасу на плечо, и только когда он начал есть, устроилась на абажуре лампы, висевшей над столом.

-Ну, как вам у нас? – поинтересовался Эрик.

-Предпочел бы не знать, - коротко ответил Николас. – Я планировал только с насосами разобраться, а вышло несколько по-другому.

-Я тоже никогда не думал, что смогу жить в такой глуши. Но, поверьте мне, здесь происходит столько интересного, что даже столичная жизнь меркнет.

Николас пожал плечами; его мало волновали обстоятельства жизни бывшего столичного жителя, он вообще трудно сходил с людьми.

-Не очень общительны, да? – Эрик понимающе кивнул. – Это даже к лучшему. Вас взяли из-за феи, заодно будете помогать с машиной. Давние привязанности только помешали бы.

-А вы откуда знаете?

-Про что? Про фею секретарша Линдемманна на весь свет раструбила, расписала так, что будь здоров. Кто не в курсе, испугается. А про машину нетрудно догадаться. Когда я в последний раз ее видел, она была не в лучшем состоянии.

Николас отложил ложку в сторону.

-Вы видели машину? А какими судьбами попали в Рой?

-А вы думали, Николас, вам одному такое везение? – Слово «везение» Эрик подчеркнул, ожесточенно пырнув вилкой великолепный кусок мяса. – Да и я в своем роде не первый, и не последний. Слушайте, мне один пациент оставил бутылку чиппуру. Прозрачное как слезы первой любви, а когда разбавляешь его ледяной водой, становится как белое матовое стекло, пахнет анисом, и так легко после первого бокала становится...

-У тебя или у меня? – Николас отодвинул тарелку, взял из вазы яблоко.

-У тебя. Вынесем на крыльцо шезлонги, оно на лес выходит, не на соседей твоих.

На лиловом небе тонкой серебряной стружкой светился молодой месяц, из леса тянуло сыростью, уставшая фея осталась спать в своем инкубаторе, а Николас и Эрик постигали душу чиппуру, а чиппуру открывал их.

Время Людей: июль, 1540 год

-И единственное, что на этом острове было достойного, так это чиппуру! – Просперо Меризи щедро плеснул гостю из глиняной бутылки прозрачного напитка. – Шемхамфораш!

Гость выпил, вытаращил глаза и протянул бокал за добавкой. Меризи засмеялся и добавил.

Он всегда был баловнем судьбы. Сын портного, он в двенадцать лет удрал из дома и принялся бродяжничать. Подрабатывал в мастерских у художников, в трактирах, был подручным палача, учился переплетному делу. Как-то между прочим научился читать и писать, рисовать и анатомировать, реставрировать картины и писать стихи. Из мастерской художника он попал в дом банкира-

мецената, любителя изящной словесности и красивых юношей. Поначалу на него смотрели свысока: какой-то простолюдин, выскочка, не знающий ни языков, ни приличий. Его это не волновало, слишком хорошо он знал себе цену. И протискивался вперед, наступая на ноги и толкаясь локтями. Если кто-то пытался осадить молодого Меризи, то неизменно получал сдачи. Один художник нелюбезно выразился о манерах Просперо Меризи; на следующий же день все читали, давясь от смеха, стихи, в которых перечислялись картины, от которых отказывались заказчики, и было сказано, что востребованные полотна приобрел через подставное лицо сам художник, бездарный, но состоятельный бездельник. Многие знали об этом, но боялись сказать - зачем портить отношения с влиятельным человеком? А вот Просперо Меризи не боялся.

Его стихотворные сатиры, часто сопровождавшиеся уморительными карикатурами, ходили по рукам, составляя ему славу самого злого языка в государстве. Понятное дело, что вскоре этот язык заинтересовал первых лиц этого государства. Не все сходило Меризи с рук; его избивали, даже подсылали убийц. Он отлеживался, залечивал раны и, безошибочно вычисляя обидчиков, платил им сторицей.

Просперо Меризи называли «язык-стилет» и «чума-в-чернильнице». Государи стремились заручиться его благосклонностью, назначали ему жалование, слали дорогие подарки, льстили ему. В ответ он служил им своим пером, что не мешало ему время от времени прохаживаться по своим же благодетелям. Меризи сумел превратить многих придворных и официальных лиц в своих осведомителей, поставлявших ему самую разную информацию: какого цвета нижние юбки у королевской фаворитки или сколько заплатили министру за проваленную военную кампанию.

Меризи жил в огромном доме, всегда полном гостями, любил шумные праздники; само время было бессильно перед ним – статным, громогласным, жизнерадостным южанином. В каштановой шевелюре не было ни одного седого волоса, спина была прямой и широкой как фасад княжеского особняка, и женщины по-прежнему сходили от него с ума. В его доме постоянно проживали как минимум три возлюбленных, и с десятков стремящихся стать таковыми; их называли «просперинками». Просперо баловал их, развлекал; он был очень щедр со своими женщинами, любая уходила от него в гораздо большем довольстве, чем приходила. Но ни одна не могла похвастать тем, что прихватила с собой сердце Просперо Меризи.

-Мой помощник скоро вернется, - доверительно сообщил Просперо собеседнику, - и не один. Этот дурень женился в свои двадцать лет, при своих-то талантах! Я разрешил им жить в северном крыле, все равно комнаты стоят пустые.

Помощника Просперо Меризи ценил как свою правую руку. Парень пришел к нему без единой рекомендации, в заплатанном платье, но со своими рисунками и переводами; Меризи посмотрел на них и тут же нанял автора. Джулиано Бентивольо – так звали помощника, - был образованным самоучкой, талантливым и бедным; внешне он напоминал Просперо его самого в юности – те же вьющиеся кольцами темно-золотые волосы, нос с небольшой горбинкой, улыбчивый рот. Кроме того, у парня было чувство юмора, весьма схожее с тем, что было у Меризи.

Однажды Джулиано заказали расписать небольшой зал в летнем дворце сюжетами из древней (еще до времени от Первого Воплощения) мифологии, которую он знал как свои пять пальцев. Юноша блестяще выполнил работу и не получил за нее даже дырки от бублика, поскольку заказчик оказался недоволен фривольностью некоторых фресок. Просперо Меризи метал громы и молнии, но Джулиано попросил его не вмешиваться. Целый месяц он пропадал невесть где, а потом пригласил своего хозяина с друзьями в тот самый дворец. Когда те вошли в зал, заново расписанный Джулиано Бентивольо, то окаменели и потеряли дар речи. Фрески, дышащие свежей краской, представляли ровным счетом двадцать способов получить наслаждение мужчине от женщины. Фигуры, застывшие в расслабленных или замысловатых позах, покрасневшие лица, полуоткрытые рты... Будто в борделе исчезли разом все стены.

-Да чтоб тебя, Джулиано! – Меризи был сам не свой от восторга. Он обнял помощника, хлопнул его по спине. – Твою же мать! Бери все эскизы и марш к граверу! Вы все свидетели – я клянусь, что к каждой картине я напишу сонет, и нашу книгу будут передавать из-под полы не одно столетие!

Пока новость дошла до хозяина дворца и он, задыхаясь от гнева, приказал замазать фрески, многие еще успели посмотреть залу, расписанную Джулиано. А потом вышла книга, которую называли «Двадцать способов Бентивольо», ее торжественно запретили, а тайком переиздали.

Через полгода Джулиано женился. И вот он с молодой женой входил в двери пиршественной залы особняка Меризи. Его хозяин встал, прошел им навстречу, оглядел новобрачную.

-Как тебя зовут, дитяtko?

-Деметра, - дрожащим голосом ответила невеста, стройная и легкая как перышко, прячущая взгляд светло-аметистовых глаз.

Просперо посмотрел на своего помощника и захохотал.

-Деметра! Де-деметра!!! – он протянул руку Джулиано. – Мои поздравления!

Помощник нахмурился было, но не выдержал и тоже засмеялся. Деметра (к слову сказать, богиня плодородия в южной мифологии) была изображена на одной из самых непристойных его фресок, и это была женщина с более чем пышными формами. Просперо прозвал девушку Бискотти (так назывались шоколадные сухарики у него на родине), и это прозвище вскоре стало ее именем. Он очень привязался к молодым супругам, они были ему как дети; он давно не скрывал, что прочит Джулиано в свои преемники и наследники.

Когда Бискотти заболела, и стало ясно, что недуг ее неизлечим, неизвестно, кто горевал больше – ее муж или его хозяин. Джулиано поскучнел, ему было тоскливо сидеть возле больной; после очередного сурового выговора, полученного от Просперо, он попросту бросил жену, удрав на южные острова служить управляющим канцелярией тамошнего королька. Бискотти собрала свои нехитрые пожитки и собралась восвояси. Просперо поймал ее уже на улице и силой вернул в дом. Он приводил к ней самых лучших врачей, покупал снадобья астрономической стоимости; он выхаживал ее как самая заботливая сиделка. Слуги не верили своим глазам, когда Меризи, шумный, самодовольный, бесцеремонный, носил Бискотти на руках по саду, расчесывал ее длинные черные волосы, рассказывал ей сказки. Немудрено, что девушка не устояла перед такой нежностью.

Когда Бискотти выздоровела вопреки всем врачам и лекарствам, радости Просперо не было предела. Он задаривал ее подарками, сундуки в ее комнате ломились от нарядов. Мало того, она осталась единственной женщиной в доме и в сердце Просперо Меризи; он полюбил ее как собственную душу.

Спустя три месяца Бискотти сбежала с молодым гвардейским офицером. Просперо закрылся в своих покоях и не выходил оттуда неделю. А когда вышел, то слуга его увидел изморозь на волосах хозяина. Меризи пропускал мимо ушей все насмешки, все сочувственные замечания; он тосковал – так же искренне, как и любил. Прошло четыре года; в его доме уже не было прежнего веселья, и женщины не задерживались в нем.

Поздней осенью, когда ветер злобно свистит в голых ветвях, Просперо Меризи, возвращаясь с прогулки, нашел на ступенях своего дома плохо одетую, еще молодую женщину, лежавшую ничком.

-Не хватало еще, чтобы нищенки умирали у меня на крыльце! А ну, пошла прочь! – и он ногой перевернул лежащую без сознания. Это была Бискотти.

И снова Просперо Меризи, «чума-в-чернильнице», гроза государей, распутник и себялюб, превратился в сиделку. Он никому не доверял уход за вернувшейся возлюбленной, почти не выходил из ее комнаты. Но чудеса не умеют повторяться. Бискотти становилось все хуже, и на исходе года она умерла на руках у Просперо Меризи. А ему показалось, что он сам умер в этот миг; во всяком случае, самое лучшее, что было в нем и для него, ушло безвозвратно.

Он прожил долгую, яркую жизнь; в ней были еще и друзья, и враги, и бессмертные стихи, и судьбоносные слова, вот только любви в ней больше не было. Может, оно и к лучшему. Шемхамфораш.

-Шемхамфораш, - повторил за Эриком Николас. – Ты хочешь сказать, что мне с феей еще повезло?

-Из-за Просперо Меризи я сейчас здесь, - Эрик разлил по бокалам остатки чиппура. – Из-за него стало вообще возможным то, чем я сейчас занимаюсь.

Одна из девушек, живших в доме Меризи и носивших прозвище «просперинка», носила высокое ожерелье из глянцево-черных, блестящих агатовых бусинок, похожих на ягоды. К ней Просперо был очень равнодушен, многие думали, что ей удастся приручить сердцееда. Не тут-то было. Когда Просперо почуял, что девушка забирает над ним слишком много власти, он сделал все возможное, чтобы разбить ей сердце, а самому остаться невредимым, и преуспел в этом. Так вот нам с тобой нетрудно догадаться, что это была не простая девушка; это была белладонна. Она не справилась с человеком, по чью душу пришла; мало того, она так горевала из-за своей неудачи, что весь клан цветов зла поклялся отомстить Просперо Меризи.

Не знаю, что они сделали с машиной, как выторговали себе два жребия подряд на одного человека. Они пришли к Просперо вдвоем: болиголов Джулиано и белладонна Бискотти. Вдвоем они смогли добраться до его уязвимых мест, став его семьей. Они сочинили и сыграли великолепную трагедию, где Просперо была отведена главная роль. Однако когда об этом узнали те, кому подотчетны дети Роя, нарушителям здорово влетело. И пришлось придумывать ответные меры, чтобы как-то уравновесить взаимодействие.

Тогда кто-то из выроdkов леса предложил давать людям, попавшим под час воплощений, недолгий отдых за плату. Это показалось даже забавным. И вот теперь я, Эрик Хартманн, служу надзирателем в приюте для детей Роя, отторгнутых от своих носителей.

Николас с уважением посмотрел на собеседника.

-Тебя тоже покусали? Или как?

-Или как. Я умудрился повторить достижение Просперо Меризи, и одна из белладонн обломала на мне свои зубки. Кстати, заполучил ее я вовсе не за сотню девичьих сердец, а за то, что не смог справиться с чувством вины. Врачебная ошибка.

Эрик одним махом допил свой чиппуро, не разбавляя его водой.

-Я доказал свою устойчивость перед детьми Роя, после чего меня очень настойчиво пригласили на работу в «Тихую заводь». Я продолжаю практиковать как врач...

-А я, видимо, продолжу как механик...

-Но мое призвание теперь - они, твои соседи. Я встречаю их, провожу процедуру отделения, слежу за ними, чтобы не натворили чего. Даже утешаю.

-А мое призвание теперь, судя по всему, следить, чтобы мелкая упырица не убилась и не голодала, - Николас опустошил свой бокал.

-Николас, ты все еще не понял? Ты наш переводчик. Посредник. И, возможно, не только это.

-Ну не знаю. Общение никогда не было моей сильной стороной. Слушай, Эрик, я хотел спросить: а чем платят люди за отдых здесь? Не деньгами же, в самом деле.

-Как чем? Платить полагается добром. Вот добром и платят. У людей его не так мало, как они думают. У любого найдутся счастливые воспоминания, хотя бы детские. Мы забираем их; не все разом, конечно, кусочек, капельку. Этого вполне достаточно.

-И что, они действительно он них... эээ... пьянеют?

-Не то слово. Пьянеют – не то слово. Мне случалось видеть безнадежных наркоманов, так вот они в сравнении с вкусившими добра детьми Роя не больше чем школьники, кашляющие от первой сигареты.

Он замолчал. Молчал и Николас. Он закрыл глаза и думал о том, что рассказал ему Эрик. Он представлял себе старика с белоснежной шевелюрой, сидящего у высокого окна, насытившегося жизнью и спокойного. Где-то хлопала дверь и в комнату к старику входили двое – юноша в венке из белых ажурных соцветий на кудрявой голове, и девушка, в длинные темные волосы

которой были вплетены мелкие синие цветочки, перемежающиеся блестящими черными ягодами. Болиголов и белладонна. «Моя семья», - улыбался старик и протягивал им руки. Они простили друг другу: они ему – его победу и их унижение, он им – свое разбитое сердце. Старик опирался рукой на плечо юноши, и они уходили вместе, куда – Николас не успел разглядеть. Все заволочло дымкой, расплылось...

-Тихо, - Эрик приложил палец к губам, поворачиваясь к вылетевшей из двери фее. – Не шуми, Хэли. Он спит.

Время Роя: пора маеты, год от первого Воплощения 341

Время Людей: июнь, 1981 год

Вместе навсегда

На дворе был солнечный июнь, в небе ни облачка, времени – немного после полудня, а Николас Бром сидел в техническом отсеке водолечебницы, куда так и не успел попасть в марте, когда приехал в «Тихую заводь» разбираться с неполадками. Причина этого, фея-кровохлебка, сидела на теплой трубе у него над головой и насвистывала что-то довольно немелодичное. Николас уже успел найти три грубых ошибки, допущенных при монтаже новых насосов, и с десятков мелких; немудрено, что насосы пыхтели и ревели, вместо того, чтобы просто работать.

-Николас? Николас Бром? – в комнату кто-то вошел с улицы, прикрывая глаза ладонью, ничего не видя с уличного яркого света.

-Да, это я, - механик вытер руки мягкой ветошью, подошел поближе к гостю. Это оказалась молодая женщина, невысокая, с коротко стриженными темными волосами, довольно симпатичная; одетая в полотняные брюки и майку-безрукавку, она чем-то неуловимо отличалась от множества других отдыхающих. Приглядевшись, Николас заметил, что рядом с нею лежит на полу большой клубок как будто бы красных пушистых ниток, а конец нитки женщина держит в руке. Заметив взгляд механика, она усмехнулась и раскрыла ладонь – нитка уходила прямо под кожу, в тонкую голубую веточку вены, пульсирующую на запястье.

-Меня зовут Роми, - представилась гостья. – Доктор Хартманн просил вас подойти к нему. Он сказал, что вы, возможно, сможете нам помочь.

-Эрик просит о помощи? – удивился Николас. – Хэли, ты это слышала?

-А что тебя удивляет? – фея подлетела, уселась ему на плечо и уставилась на Роми. – Тут паразит, с ними договариваться очень сложно, их же никто не понимает, а ты у нас чудо-посредник.

-Ясно. – Николас с тоской оглянулся на прерванную работу. – Пойдемте, Роми, я только зайду к себе, переоденусь.

Эрик ждал их в своем кабинете, в лечебном корпусе; кроме него, в комнате были еще двое – хорошо знакомые Николасу бестии, сестра и брат. Джая сидела на полу, Виджая подпирал стену. Сам Эрик расхаживал взад-вперед, заметно нервничая. Увидев механика, он явно обрадовался.

-Вот теперь можем и начинать разговор. Присаживайтесь все, куда вам удобно, и побеседуем для начала.

Роми села в кресло для посетителей, Николас на стоящий в сени гигантского фикуса диванчик, сам доктор, ничуть не смущаясь, вскарабкался на свой стул с перекладиной для коротких ног, и жестом предложил Роми начинать.

-Меня зовут Роми Орсини, я реставратор. Работаю в основном с мебелью, иногда с резьбой и лепниной. Работу свою люблю, хотя бывают и скучные заказы. У меня семья, муж и две дочки, здесь все благополучно, - и она улыбнулась. – Я здесь, чтобы на месяц освободиться от своего паразита. У меня было очень счастливое детство, и я уверена, что смогу расплатиться за подобную услугу.

-Предпочитаете расстаться с детскими воспоминаниями? – уточнил Эрик.

-Да.

Николас внимательно рассматривал Роми; она производила впечатление благополучной, довольной жизнью, хотя и несколько нервной особы: то, как она то и дело непроизвольно стискивала пальцы, напоминало Брому работу отлаженного механизма, в котором чересчур плотно пригнаны детали.

-Роми, а вы сами не пробовали ослабить его? – Неожиданно для себя самого задал вопрос механик. – Вы же лучше всех знаете, почему он с вами.

-Николас, это неприлично, - укоризненно заметил рыжий врач, а бестии переглянулись, пряча ухмылки.

-Почему? – Совершенно искренне удивился механик.

-Потому, - фея дернула его за ухо, - это тебе не мотор, чтобы крышку отвертеть и разглядывать, что там и как. Он, - Хэли кивнула на врача, - не спрашивает, как так вышло, а устраняет последствия, хотя бы на время.

-Странно. Разве причина не менее важна?

-Даже более, но люди не любят исповедоваться, - подала голос Джая. – Тем более прилюдно.

-Я пробовала. – Неожиданно ответила Роми. – Ничего не вышло. И я могу сказать, почему он со мной. Вернее, она. Потому что я – певица.

-Вы же сказали, что вы – реставратор? – Переспросил Николас.

-Ну да. Работа у меня такая. А призвание другое.

-Позвольте, - Эрик развел руками, - неужели только по этой причине вы вырастили вот это? - И он указал на красный клубок. – Роми, вы, взрослый, состоявшийся, счастливый человек, так пали духом только из-за того, что решили, что лучше бы вам петь, чем рисовать? Помилуйте, что за блажь!

-И после этого он называет монстрами нас, - прогудел Виджая, - живодер рыжий.

-Роми, но вы точно уверены? А вдруг вы ошибаетесь? – Николас старался быть вежливым и осторожным. – Откуда такая уверенность? Кто-то похвалил ваше пение на какой-нибудь вечеринке, или родители любили ваш детский голос, или...

-Я не пою на вечеринках. И в детстве я не любила петь. – Роми казалась спокойной, но механик почувствовал, что больше не стоит задавать вопросов. – Неужели вы, доктор Хартманн, думаете, что я пришла бы сюда, мало того, что отдавая безвозвратно свою память, так еще рискуя жизнью из-за какой-то, как вы изволили выразиться, блажи? Вам нужны доказательства?

-Да. Нужны. – Эрик сложил руки на груди. – Чтобы со спокойным сердцем сначала отнять у вас часть вашей памяти, а потом еще и поставить под угрозу вашу жизнь. Я должен быть уверен, что этот красавец, - и он кивнул в сторону паразита, - именно тот, кем кажется.

Роми невесело улыбнулась.

-Нам не верят, - сказала она своему клубку. – Покажем, чего мы стоим?

Она встала, отошла к окну. И, выждав неуловимо верную паузу, запела. И с первых же слов ее песни все изменилось вокруг.

Засыпает зимнее солнце, тихо, неслышно,

Опускается в море.

Вот бы и мне – отпустить мое сердце

В бесконечную ночь.

Николасу казалось, что голос Роми разворачивается, как огромные темные крылья, сначала одно, потом второе; крылья обняли их всех, они замерли, затаив дыхание, и вот – крылья плавно, мощно взмахивают, поднимая их на немыслимую высоту, под самые облака, и еще выше, где восторг стискивает горло, и слезы подходят к глазам. Голос Роми, как сказочная птица Рух, нес их над зимней стылой землей, они видели ее, простертую под бесстрастным небом, во всей ее сиротской пронзительной красоте.

*Я хочу, чтобы жизнь моя стала тьмою,
В берега которой бьется солнечное золото,
Закатится мое сердце
И мир закончится.*

Ледяной ветер обжигал щеки, перехватывал дыхание; не было ни комнаты, ни июньского полудня за окном, ни самой певицы не было – только темный океан, последние лучи заходящего солнца и конец времени.

Мощные крылья голоса мягко опустили их на землю. Роми шагнула назад, присела на подоконник. Николас глянул на Хэли: кровохлебка сидела, стиснув кулачки, прижав их к груди, по серой щеке стекала крохотная слеза. И тут маленькая фея выкинула такое, чего никто не ожидал. Она прыгнула в воздух, подлетела к Роми и закричала прямо ей в лицо.

-Ты дура! Как ты можешь отказываться от такого прекрасного проклятия?!

Все вздрогнули; Эрик чуть не свалился со стула.

-Предательница! Дура! – Фею колотила крупная дрожь, крылья потрескивали, ее пронзительный голос впивался в уши ржавыми иголками.

Роми подняла склоненное лицо и неожиданно оскалилась в ответ не хуже самой феи.

-Как? Спрашиваешь, как я могу отказаться? А вот так! - И она изо всех сил дернула тянущуюся из вены толстую нить. От боли слезы брызнули из глаз Роми, но голос остался ровным. – Если бы не дети, я давно бы повесилась на этой веревке! И сама ты дура, кусака. Куда податься певцу без слушателей? Кому нужна песня без голоса? Книга без читателя? И не хочешь ли ты почувствовать себя картиной, которую никто не видит? Как сама думаешь, насколько хватит твоего духу? Когда ты насытишься сама собой, и поймешь, сколько можешь дать этому миру, и с радостью отдашь все, и никто – слышишь, никто! – не возьмет... - Роми говорила очень тихо, почти шептала, но Николас слышал каждое ее слово.

-Сама ты дура, фея. Ты даже представить себе не можешь, как я благословляю свое проклятие, сколько мне счастья в нем. И как я хочу хоть ненадолго от него избавиться. Слишком много его во мне, я не вмещаю столько. Ведь никто теперь, - Роми оглядела собравшихся, - не скажет, что это блажь.

-Хэли, ну что ты, - Николас потянулся было за феей, но осекся. - Посмотрите, - только и сказал он.

На месте красного клубка рядом с Роми стояла девушка. Она была немного похожа на певицу, но была так красива, как человеческая женщина быть не может. Словно нарисованная одним движением, легкая, хрупкая, одетая в пышный сказочный наряд, с длинными светлыми волосами, большеглазая; она улыбалась.

-Что? – Вскинулась Хэли. – Что ты так вылупился на этот клубок?

-Какой клубок? Да вы что так на меня смотрите? - Николас встал и шагнул к Роми. – Вы-то сами видите ее?

-С ума сойти, - протянула бестия. – Он узрел истинный облик паразита. Ну и дела.

Девушка протянула механику тонкую руку.

-Меня зовут Глика. И ты права, маленькая зубастая фея, я тоже не понимаю, как можно отказаться от своего проклятия.

Когда все немного успокоились, Глика и Роми сели рядом на подоконник, Хэли вернулась на плечо Николаса, и механик спросил ее:

-Почему ты назвала талант Роми проклятием? Это дар, разве нет?

-А что, между ними есть разница? - Ответила ему сама Роми.

Николас подумал и не нашелся с ответом.

-Роми, простите меня. – Эрик выглядел смущенным и даже расстроенным. – Но я все-таки спрошу. Неужели люди не хотят вас слушать? Вы что, живете среди глухих?

-Эрик, - певица покачала головой, - когда я поняла, в чем мое призвание, было уже поздно. Поздно начинать завоевание мира и прочие безумства. Я была - как вы сами сказали, - взрослым, состоявшимся человеком, связанным взаимными обязательствами. Жизнь уже получилась. Да, мне предлагали поучаствовать в громких конкурсных шоу. Но я совсем не умею соревноваться, еще в школе я специально проигрывала в спортивных играх, чтобы только избежать злобного взгляда соперника. Меня звали в хороший любительский

хор. Но я могу петь только одна. Были еще приглашения, на какие-то я откликнулась, и иногда даже получались неплохие концерты, но сути дела это не меняло. Неужели вы думаете, что я не пыталась?

-Но вакансии оперных див заняты, а петь в подземном переходе вы считаете зазорным, - подытожил Эрик. – И слишком деликатны, чтобы сколотить и удерживать вокруг себя команду поддержки. Бездарный случай. – И он дотянулся до телефонной трубки, поднял ее и скомандовал кому-то:

-Готовьте операционную. Да, прямо сейчас.

Эрик придвинулся к столу, взял бумаги.

-Как я вижу, вы заполнили все обязательные формы. Здоровье ваше вполне удовлетворительно. Роми, - он отложил листки в сторону, - я напоминаю вам, что процедура отделения вашей спутницы связана со смертельным риском. Не более, но и не менее. Чтобы дитя Роя покинуло вас, вы должны умереть. И я помогу вам сделать это.

Николас не верил своим ушам – чтобы врач говорил такое, разве это возможно?

-После того, как они, - и Эрик махнул рукой в сторону бестий, - заберут паразита, я сделаю все, что в моих силах, чтобы вы вернулись к жизни. Я лучший реаниматолог в мире, Роми. Не сомневайтесь, - и рыжий врач неожиданно подмигнул.

-Я знаю, - улыбнулась ему в ответ Роми, - и давайте уже оставшиеся бумаги, я подпишу все, что нужно. Я не боюсь смерти, доктор Хартманн, мне есть, что спеть ей.

-Тогда подписывайте, и закончим с формальностями. Николас, нам нужна ваша помощь. Прошу, спросите у паразита, где он будет пережидать время отделения и сколько он требует отступного.

-Николас, - Глика разгладила кружево в вырезе платья, - передайте этому коротышке, что если он еще раз назовет меня паразитом, я натравлю на него кромешника. А пережидать я буду дома, в Рое. Здесь без Роми мне нечего делать. Отступного мне довольно и малого, я вам не белладонна какая-нибудь. Когда Роми исполнилось пять лет, ей подарили велосипед, трехколесный, с цветочком на руле. Я хочу себе это воспоминание.

Николас пересказал все врачу, тот согласно кивнул и протянул руку Виджае:

-Обруч.

-Прошу, - прогудел в ответ Виджая и стянул с предплечья узкий браслет. Потемневший от времени металл, острые засечки узора и, судя по дрогнувшей руке Эрика, немалый вес.

-Роми, усаживайтесь поудобнее. – Эрик подошел к женщине, успокаивающе провел рукой по ее голове. - Мы делали это столько раз, что научились обходиться без формальностей и лишних слов. Вы позволите мне надеть на вас этот обруч, которому лет больше, чем всему нашему миру, и постараетесь не отдать ему больше, чем попросил па... Глика. Вспоминайте ваши пять лет, маму с папой – молодых и красивых, новенький велосипед, дорогу, по которой вы ехали в первый раз.

И Эрик осторожно опустил обруч на голову Роми.

Тихо было в комнате. Только тяжело дышал Виджая. Поначалу ничего не происходило; Роми сидела, закрыв глаза и безотчетно улыбаясь. Через несколько минут Николас заметил, что на обруче, в самом центре, в углублении узора засверкала сначала точка, а потом небольшой камушек, подобный тому, что он вынул из Машины Жребиев и хранил у себя в инструментах.

-Довольно. – Эрик снял обруч с Роми и протянул его Виджае. – Это теперь ваше.

Виджая взял обруч, стараясь не смотреть на сверкавший камешек.

-Возьми свое, - попросил он Глику. Она подошла, взяла тонкими пальчиками кусочек детского счастья и положила его в маленькую атласную сумочку, висящую на запястье.

Зазвонил телефон, Эрик поднял трубку, выслушал и ограничился коротким «да».

-Роми, мы можем идти. Все готово. Медсестра проводит вас и поможет переодеться. Я буду ждать вас в операционной. Впрочем, как и все остальные.

Николас ненавидел больницы сильно и искренне, но последовал вслед за Эриком. Операционная, белая, бесстрастная, встретила их тишиной и покоем; стол, потолочная лампа, в образцовом порядке разложенные инструменты. Эрик Хартманн, одетый в салатового цвета пижаму, что-то проверял, явно без нужды. В сопровождении медсестры вошла Роми, смешная и беззащитная в больничном халатике; Глика держала ее за руку.

-Клянусь, я предпочел бы уложить вас в постель совсем в другой обстановке, - Эрик надавил Роми на плечо, усаживая ее на стол. – Все готовы? С этой минуты первое слово здесь – мое.

Медсестра пристегнула руки и ноги певицы ремнями к столу, и врач ввел Роми сосудистый катетер в вену, так легко, что она даже не поморщилась, и взял первый из приготовленных шприцев.

-Анестезия.

Выждав несколько минут, Эрик взял следующий шприц.

-Не делай этого, Роми, - Глика стояла рядом. – Не убивай меня.

По ее лицу, ставшему невыносимо прекрасным, текли слезы, она сложила руки в молящем жесте. Роми посмотрела на нее и еле заметно качнула головой.

-Прости.

В этот момент Эрик нажал на поршень шприца и по вене Роми отправился препарат, обязанностью которого было остановить ее сердце. Когда судорога прошла по телу женщины, до Николаса вдруг дошло, что он вообще-то присутствует при убийстве.

Эрик наблюдал за агонией Роми, не снимая руки с ее запястья; когда волнистая линия на экране кардиомонитора стала ровной, и раздался истошный писк датчика, он, не глядя, отключил аппарат.

-Освободите ее.

Он стоял возле затихшей Роми как нелепый ангел смерти, низкорослый, рыжий, в зеленой пижаме, опустив красивые сильные руки и сторбившись.

-Торопитесь, ее сердце слишком легко сдалось.

Джая шагнула к Глике, спрятавшей лицо в ладонях.

-Пора, Глика. Идем с нами.

-Нет! – Глика выкрикнула это слово в лицо бестии. – Нет!

-Ну что такое, - вздохнул Виджая, отрываясь от стены, - зачем, детка?

-Нет!

И Глика одним махом запрыгнула на стол, прямо в изголовье Роми. Только это была уже не прелестная плачущая девушка-греза; на них сверкала безумными глазами и шипела сквозь оскаленные зубы хищная, вечно голодная тварь. Джая, попытавшись схватить ее, отлетела в сторону, опрокинув медсестру. Виджаю вдавило в стену, из-за его спины посыпались осколки плитки.

-Глика! Ты должна идти! Рой зовет тебя!

В ответ Глика обхватила голову Роми и завывала, и от этого звука задрожали хирургические инструменты, выстукивая металлическую дробь по стеклянным столикам. Несмотря на все старания, бестии не смогли даже подойти к операционному столу, возле которого невозмутимо стоял Эрик Хартманн. Он терпел это безумие ровно пять минут.

-Время. – Его голос покрыл грохот плитки, вой обезумевшего паразита, ругательства бестий. – Последняя минута.

-Имя! Зови ее по имени! – Виджая цветом напоминал свежееотбитый кусок мяса.

-Глика!– Джая отчаянно выкрикивала имя, но оно явно не годилось, чтобы успокоить и увести спутницу Роми Орсини.

-Николас, помоги им, - не поворачивая головы, попросил Эрик. – Назови ее имя.

Николас, придерживая сидящую на плече фею, подошел к столу.

Позови меня. Голосом тишины, песней моря, шепотом снега.

Узнай меня. Прими всем сердцем. И помоги мне стать таким,

Каким ты видишь меня.

Он смотрел в глаза творения Роя, узнавая его, открывая ему свое сердце, – и читая его суть.

-Мечта. – Тихо произнес механик Николас Бром.

И тишина застыла в разгромленной операционной.

-Мечта, которой не суждено сбыться. Созданная прекрасной и сильной. Любимая создателем прежде себя самого. И убитая им - от отчаяния, от невозможности дать мечте жизнь.

Плечи Глики поникли, она отпустила голову Роми, вой стих и перешел в тихий плач. Так плачет дождь, оплакивая последний лист, дрожащий на ветке; нет утешения в этом плаче, только смирение и боль. А через секунду она обмякла, осела горкой атласа и кружев.

Николас осторожно снял Глику со стола и, не спуская ее с рук, шагнул к Джае.

-Куда? - И краем глаза успел увидеть, как Эрик схватил дефибрилятор.

Только оказавшись в своей ячейке, Глика слезла с рук Николаса. Фея к тому времени уже совсем озверела от ревности и исколола ему все плечо своими острыми коготками. Глика опустилась на низкое каменное ложе, не глядя ни на кого, достала из сумочки сверкающий камешек и положила его в рот, как конфету. И вытянулась во весь рост, свесив волосы на пол.

-Ладно, идем. – Джая выдохнула с облегчением. – Сейчас ее унесет, тебе на это смотреть не стоит.

-Хорошо, что вместе с Хэли я могу попасть в Рой по ее слову. – Николас погладил фею по голове-тыковке; в ответ фея укусила его за мочку уха. – Ай! Больно же. А если бы я не услышал имени, которого ждала Глика? Что тогда?

-Тогда Роми бы умерла. Может, прямо на столе, может, немногим позже, потому что выведенные из равновесия паразиты, вскормленные на мечте, убивают быстро. Пожирают изнутри. А ты молодец, Николас. Не побоялся.

-Все мы хороши, - примирительно прогудел Виджая.

Очнувшись, Роми огляделась по сторонам. На больничную палату комната совсем не походила. Стены – одна черная, украшенная огромной картиной с кружевным зимним деревом, три других темно-серые, и по ним бегут торопливые черные строчки. На полу – белый мех. Постельное белье цвета волчьих ягод, мягкое, шелковистое.

-Роми? – Доктор Эрик Хартманн сидел возле нее в низком кресле, рядом на полу стояла бутылка чего-то явно крепче вина и тяжелый бокал.

-Доктор?

-Вы снова с нами. Поздравляю. Обычно я не задерживаю своих клиентов за порогом более семи минут. А вы пробыли там десять. – Он взял бокал, отхлебнул. – Целых десять минут смерти, Роми. Но ваше сердце удивило меня дважды: сначала тем, как легко сдалось, ну, а потом тем, как легко воскресло.

Роми вздохнула; если не принимать во внимание слабость, чувствовала он себя легко и хорошо, будто поправилась от долгой болезни.

-Обычно люди в похожих случаях чувствуют себя одиноко, - Эрик встал, налил второй бокал и протянул его Роми, - поэтому я решил, что вам будет лучше у меня. Кроме того, я сказал, что уложу вас в постель в другой обстановке, и вы не протестовали. А завтра мы пойдем гулять на реку, а вечером напьемся вместе с Бромом и его феей, - ведь вам домой только через три дня, и будем петь песни у костра. Вы споете с нами, Роми?

-Я? – Роми засмеялась. – Увы, Эрик, хоть в чем-то, но я откажу вам. Я не умею петь, у меня с детства ни голоса, ни слуха. Вы переживете это разочарование?

-Да плевать я на это хотел, - и Эрик сел рядом с Роми. – Кому они вообще нужны, эти песни.

Он наклонился и очень нежно поцеловал ее, опрокидывая в черную прохладу постели.

Николас сидел на террасе, пил горячий шоколад из белой кружки, рядом на ступенях сидел Иероним. Хэли лежала на сгибе локтя механика.

-Вы удивительные существа, - сказал, ни к кому не обращаясь, белоглаз. – Взять того же Эрика. Сначала он своими руками убил эту бедняжку, потом вернул к жизни, теперь вот... любит... что дальше?

-Какая разница, - Николас поморщился – шоколад был очень горячим.

-А знаешь, как он сюда попал? Наш доктор, конечно, еще тот ловелас, но белладонна пришла к нему не поэтому. Он однажды заигрался на операции, наш чудо-реаниматолог. Чуть ли не поспорил с кем-то из коллег, что сможет вытащить пациента спустя десять минут после смерти. И проиграл. – Иероним улыбнулся, а Николас подумал, что лучше бы он этого не делал.

-Чувство вины, подогреваемое белладонной, почти невыносимо. Но наш рыжик оказался весьма огнеупорным. Он все выдержал, поэтому мы пригласили его сюда. И здесь он повторяет свою игру раз за разом, убивая и воскрешая. Но в свою постель давно уже гостей не затаскивал. Видимо, эта его чем-то зацепила. Особый случай.

Он замолчал. Николас качнул головой и поморщился – по возвращении из Роя злющая и голодная фея опять разодрала ему шею. Хорошо хоть не на сгибе.

-Иероним, я хотел вас спросить.

-Спрашивайте, Николас.

-Я видел, что с разлученным расплачиваются человеческим добром, взятым из воспоминаний. И он употребляет его, как только оказывается в своей ячейке. Возможно такое, чтобы разлученный отказался от платы или не стал пожирать свою долю сразу? Отложил бы ее на потом?

-Исключено. Им очень больно, Николас, кто же откажется от обезболивающего? Им голодно, им надо как-то справиться с пустотой, с одиночеством, - что вы так на меня смотрите? Мы слишком рядом, чтобы не заразиться от вас этими хворями.

-Тогда откуда взялся тот камешек в вашей Машине? И воспоминания Роми были как ограненная драгоценность, правильной формы, я разглядел. А тот больше похож на осколок, отбитый впопыхах, выброшенный за ненадобностью.

-Николас. – Иероним повернул голову, и механик увидел, как его белые глаза наливаются чернотой, грозя лопнуть и вытечь. – Поверьте мне, белоглазу-лжецу, вы мне очень нравитесь. – Его голос понизился до шепота. – Но если вы еще хоть словом продолжите этот разговор – со мной ли, с кем-то еще – смерть встанет за вашей спиной так близко, что даже лезвие ножа не войдет между вами. И никто, даже Хэли не станет спорить с ней.

-Говори за себя, братец. – Фея положила на механика свою корявую ручонку таким хозяйским жестом, что тот не знал, радоваться ему или плакать. – Я стану.

-Даже если и так. Николас, забудьте. Неужели вам еще мало приключений?

Время Роя: пора маеты на исходе, год от первого Воплощения 341

Время Людей: конец июля, 1981 год

Коса и камень

-Мне плохо! И это ты виноват! Ууу... - Фея висела вниз головой на плече Николаса, болтая конечностями как переваренными серыми макаронами.

-Ну откуда же мне было знать, что у вас похмелье такое быстрое и тяжелое, - Николас помимо воли чувствовал себя виноватым перед мелкой зубастой кровохлебкой. – И, между прочим, я просил тебе подождать до утра. Не померла бы с голоду.

-Еще чего, ждатель! И что вы с Эриком пили такое мерзкое?

-Спирт, - покаянно признался механик. – Хороший, медицинский...

-Ыы... - От его слов фее не полегчало.

Николас взял носовой платок, как следует прогрел его утюгом и, уложив фею на сгиб своего локтя, положил теплое ей на живот. Она сначала недовольно заскрипела, но потом, видимо успокоенная, прикрыла глаза и перестала изображать предсмертные муки.

-Пойдем на улицу, там прохладно, - предложил механик. – Сна все равно теперь никакого, да и рассветет скоро.

-Только ты мне что-нибудь расскажешь, - согласилась фея. – Я люблю, когда ты мне рассказываешь что-нибудь.

Николас сел в стоящий на крыльце шезлонг, вытянул ноги. Летняя ночь была все еще теплой, хотя июль уже заканчивался.

-Ну что тебе рассказать, Хэли? Может, сказку? Сказку про зайчика, лисичку и их избушку...

-Ты что, издеваешься? – Буркнула фея. – Ты мне еще колыбельную спой.

-Не скажи, это не простая сказка. В детстве мама мне ее никогда не читала, просто пролистывала и не отвечала, за что сказке такая немилость. Так рассказывать? – и, уже зная ответ, продолжил.

Ну так вот, Хэли, жили-были муж с женой, и была у них дочка Мария. Хорошие они были люди, добрые и отзывчивые, работали оба честно и много. И вот однажды решили они купить себе дом за городом, чтобы Мария летом могла играть в саду, а они отдыхали бы от шума и суеты. Нашли деревню красивую, зеленую, дом выбрали и купили. Конечно, поначалу пришлось потрудиться, чтобы дом стал таким, как им мечталось; но, как я уже сказал, работы они не боялись, так что в скором времени появились у них и резные перила, и кружевные занавески, и разноцветные изразцы на печке. И Мария спала в кроватке с ситцевым пологом, а за окном ее покачивались ветки яблони.

Однажды, когда Мария играла в саду, к забору подошла девочка - примерно ее возраста, лет десяти, но полная противоположность внешне: Мария была беленькая и пухленькая, а гостя – смуглая и худая. Да и одета намного хуже.

-Давай играть, - предложила гостя так, будто это она была в своем саду, а не стояла за забором.

-Давай, - согласилась Мария и побежала открывать калитку. – А как тебя зовут?

-Мирабела. Красивое имя, да? - И гостя без спросу взяла самую дорогую из кукол Марии.

Они играли почти каждый день, и родители Марии только радовались этому – их дочь наконец-то бегала и смеялась, а не сидела под яблоней целыми днями, на ее бледных щечках появился румянец, а глаза заблестели. Они, конечно, знали, что Мирабела из семьи, которые стыдливо называют неблагополучными, что ее отец, несмотря на очевидную нищету, к работе был не очень-то расположен, чего не скажешь про пьянство. Но девочка не может отвечать за пороки взрослых, рассудили они и продолжили привечать Мирабелу. Когда наступила осень, и пришло время уезжать в город, Мария заметно погрустнела, и родителям ее тоже было не по себе. За день до их отъезда в деревне случился пожар – дотла сгорел дом Мирабелы вместе со всеми обитателями; девочка спаслась только потому, что побитая пьяным до беспамятства отцом убежала за околицу, в заброшенный сарай, и там и ночевала.

Они подумали, посоветовались, поговорили с дочкой – и в недолгом времени удочерили Мирабелу. И стало в их семье две дочки.

-Идиоты. – Резюмировала фея. – Ну, а что дальше?

Девочки росли вместе; хотелось бы сказать – как два цветка у ручья, но это было бы ложью, достойной Иеронима. Мария была умной, доброй, ответственной девочкой, как картинка в букваре, а вот Мирабела отличалась только яркой, скороспелой красотой. А так мир не видывал такой лентяйки и неряхи. Школу она закончила только благодаря сестре, делавшей за нее все домашние задания, да еще своему феноменальному нахальству. Приемные родители старались изо всех сил, и уговаривали, и учителей нанимали, даже пытались ругать – но чем старше становилась Мирабела, тем меньше она их слушала. После школы Мария продолжила учиться, а Мирабела – гулять и развлекаться. Вскоре она выскочила замуж за подобное себе насекомое, потом развелась, и появлялась дома только тогда, когда заканчивались деньги.

И все так же родители девочек приезжали летом в свой дом за городом, мама выхаживала цветники, папа украшал резьбой двери, а Мария сидела все под той же яблоней, но уже не с куклами, а с толстыми скучными книгами. И все были счастливы.

Марии было уже за тридцать, когда умерли родители; сначала мама, а через полмесяца и отец. По завещанию все отходило ей, приемной дочери оставили только маленькую квартирку на окраине города. Кстати, она не появилась ни на одних похоронах, но за ежемесячным пособием пришла, как ни в чем не бывало.

-Как живешь, сестричка? – И, не дожидаясь приглашения, вошла в квартиру. – Все толстеешь да бледнеешь над пробирками своими. Нет бы пожила в свое удовольствие. Ну, что на стол не накрываешь? Выпить-то поставь, родителей помянуть.

-Ты забыла, что в нашем доме выпивки не держат. – Мария стояла в дверях. – И тебе давно пора жить своим умом.

-Ах вот оно что. – Мирабела подбоченилась. В этой разбитной, хабалистой тетке с трудом можно было разглядеть что-то от прежней девочки. - Гонишь меня, значит, из отчего дома.

Мария собиралась высказать сестре все, что накопилось, но та на удивление быстро собралась и ушла. А когда пришло лето, Мария поехала за город, в родительский дом.

-И нашла обгоревшие стены? – Спросила уже задремавшая фея.

-Погоди, не все сразу. Сейчас самое интересное начнется.

Дом показался Марии каким-то не своим, пришибленным, что ли. Войдя внутрь, она поняла – все очень плохо. Мало того, что было грязно и мусорно, так еще некоторых вещей попросту не было. В комнате родителей вповалку спали пьяные мужики, в спальне самой Марии – Мирабела. После того, как Мария выгнала всех чужих (сестра спала мертвецким сном), она целый день отмывала дом, стараясь стереть жирные следы пальцев, липкие кружки из-под бутылок, копоть и сажу. Проспавшись, Мирабела сначала тупо оглядывалась, потом расхохоталась.

-Вот и работница пожаловала! Что уселась? Окна еще не намыты.

-Уходи из моего дома. – Мария, обычно мягкая и спокойная, была настроена решительно.

-А это не твой дом. Он теперь мой. Вся деревня знает.

-По завещанию это мой дом.

-Фу-ты, ну-ты, по завещанию! Ты, небось, эту бумажонку с собой приволокла. Видела я его, - и Мирабела вышла на середину комнаты. – Так там написано: «дом оставляем нашей дочери, М. Силвер». А я и есть Эм Силвер.

Это было начало долгого, безобразного спора, в котором Мария была слабой стороной. Оборвав разговор, она ушла спать в относительно нетронутую летнюю комнату. На следующий день все продолжилось.

-Здесь написано – «нашей *родной* дочери, М. Силвер». И где наш кобальтовый чайный сервиз? И кружевная скатерть? И мамина любимая ваза? - Мария старалась быть спокойной, напирать на материальное, понятное сестре, оставив в покое недоступные ей моральные соображения.

-Продала. Выпивку за так не дают. – Мирабела хозяйским жестом погладила вышитое покрывало. – Имею право. Как родная дочь.

-Что? – От нелепости этого утверждения Мария опешила.

-А то. Все знают, наш папаша по молодости сюда наезжал, ну и приделал ребеночка девчонке деревенской. Меня, стало быть. По молодости не признал, на что я ему была? А законная жена детей ему не родила, только денег на лекарства извела уйму. Вот они тебя и взяли из приюта. Ты маленькая была, помнить не можешь. А как увидел он меня, так все и вспомнил. И признал. Неужто кто чужого ребенка в семью возьмет, если свой есть? Вот, глянь на карточку.

Мирабела протянула сестре фотографию – старую, черно-белую, обтрепанную по краям. На ней ее отец, молодой, в белой майке, держал на руках орущего ребенка.

-Ты с ума сошла, это сын папиного университетского друга... И где ты это взяла? – Мария бросилась к шкафу, открыла его – альбомы с фотографиями были раскрыты как попало, местами порваны и испачканы.

-Никакой не сын, а я это. В младенчестве. – Мирабела твердо стояла на своем.

Ее ложь, при всей ее дикости, обладала поразительным действием. Ей верили все; кроме Марии, разумеется. Деревенские жители по очереди подходили к Марии выразить злорадное сочувствие; больше всех ее поразила одна благообразная старушка. «Ну и что, что ты неродная. Ты старшая. А значит, должна за меньшей присматривать, помогать ей. Непутевая она, а ты ей помощи, послужи. Ты не гордись, что ученая. Родители тебя из приюта взяли, а ты теперь их дочь родную на себя прими». От такой проповеди Марии стало плохо. Самым ужасным было то, что Мирабеле безоговорочно верили все, а ей – никто. Некоторые прямо намекали, что лучше ей забыть о доме и не возвращаться сюда. Она поспешила уехать в город, искать помощи у юристов.

Нотариус, у которого было заверено завещание, клял своего практиканта последними словами за то, что тот проглядел полное написание имени. Но помочь, разумеется, ничем не мог. Мария собрала все документы, включая собственное свидетельство о рождении, посидела над ними вечер, поняла, что не в силах доказывать очевидное, слушать клевету и грязные домыслы, а думать о поражении, даже не начав бороться – это и значит проиграть. И она выставила дом на продажу за цену вполтину меньше реальной.

Покупатель появился быстро. Мария заканчивала работу, убирала последние образцы культур в сейф, когда ее вызывали в приемную. Там ее ждал мужчина уже за пятьдесят, неяркой внешности, в респектабельном темном костюме. Они поздоровались, и Мария вдруг почувствовала что-то странное. Она невольно поправила волосы, расправила отвороты лабораторного халата, бросила взгляд на свои чулки – не сползли ли? Такого с ней еще никогда не было. Судя по слабому румянцу на щеках мужчины, с ним тоже не все было ладно. Оба были не готовы к такому повороту дел, однако покупатель собрался с духом и предложил Марии поужинать вместе, заодно и обсудить подробности покупки. Она согласилась, отчаянно вспоминая, есть у нее в платяном шкафу хоть что-то, достойное такого случая.

За ужином покупатель расспрашивал Марию о ее работе. Моя мама была бактериологом... - Николас осекся.

-Наконец-то. Я все ждала, когда ты проговоришься. – Фея уже не дремала.

-Между прочим, очень достойным бактериологом. – Николас вздохнул. - Она работала... ну, тебе не понять. Вы вообще ничем не болеете. Но имей в виду, мамина команда создала сыворотку от болезни, которая погубила много людей, особенно страдали от нее дети. А покупателя звали Себастиан Бром, и о роде своих занятий он скромно умолчал.

Мария сразу же честно предупредила Себастиана, что не стоит ему связываться с покупкой такой спорной недвижимости, на что тот только усмехнулся. Он внимательно выслушал ее историю, а когда она закончила рассказ, то обнаружила, что все это время он держал ее за руку. И ей стало так хорошо, что она даже забыла про то, что новые, купленные впопыхах нарядные туфли в кровь стерли ее ноги.

Себастиан Бром купил загородный дом родителей Марии Силвер. Через месяц после этого они поженились. А через год после свадьбы у них родился сын.

-У твоей сказки конец зажеванный. – Фея блеснула глазами-ягодами. – Свадьба там, трам-пам-пам, старая дева вышла замуж за хронического холостяка, чудо из чудес, но сказка-то не про это! Как насчет этой, как ее – Мирабелы?

Николас вздохнул; продолжать историю ему явно не хотелось.

-После того, как Себастиан Бром купил дом, он поехал посмотреть на свое приобретение. И, разумеется, встретил там Мирабелу. Дом был еще более обиженным, сад зарос крапивой, в гостиной вдоль стен выстроились пустые бутылки, подошвы липли к грязному полу. Себастиан прошел по дому, огляделся – углы заросли паутиной, одна дверь, покрытая резьбой, наполовину сгорела; что-то хрустнуло у него под ногой – это от печки отвалился разбитый изразец. Поругание и запустение окружили его со всех сторон. Тишину разорвал визгливый женский голос.

-Позволь дальше мне, Николас. – Иероним появился как всегда бесшумно, неожиданно и кстати. – Ты не умеешь рассказывать *страшные* сказки.

И белоглаз уселся на крыльцо. Выждав с минуту, он повел в сторону длиннопалой рукой и заговорил.

-Себастиан Бром – разумеется, вы понимаете, что это не настоящее его имя, настоящее знал только он сам – был удивительным человеком. И

уникальность его была той же природы, что и моя. Только с поправкой на человеческое происхождение.

Он успешно изучал медицину в королевской высшей школе, особенно увлекаясь хирургией. Вскоре после интернатуры получил назначение в военный госпиталь. Надо сказать, что страна, в которой родился наш герой, была маленькой и очень агрессивной, в окружении больших и неповоротливых соседей. Весьма кстати началась война, в которой родина Брома приняла сторону главного противника своего ближайшего соседа. Сосед был занят на главном фронте, и до поры не реагировал на мелкие укусы.

В разгар войны в районе границы был построен небольшой поселок – Себастиан называл его «академгородок». Там были добротные дома для сотрудников, лаборатории, виварий и несколько обширных барачков. Поселок очень хорошо охранялся, у него была даже собственная авиация. А директором всего этого был назначен Себастиан Бром. К этому времени увлечение хирургией уступило место его главной страсти – бактериологии. Собственно, правительство ждало от него новых, эффективных образцов оружия, с которым маленькая агрессивная страна вполне могла осуществить маленькую победоносную войну. Иные эксперименты также не возбранялись. Разумеется, если это не разработка лекарства от облысения.

Подчиненными и сподвижниками Брома стали лучшие из лучших выпускников медицинских школ, опытные доктора из столичных клиник – а он был среди них одновременно и как композитор, и как дирижер. Он разделил свой коллектив на несколько домов, и каждый вел свою тему. Сотрудники красного дома занимались туберкулезом, синего дома – холерой, белый дом, где жил и сам Себастиан, изучал чуму. А еще был зеленый дом, где жили экспериментаторы, не связанные никакими рамками, чьим интересом были предельные способности человеческого тела.

Для успешной работы сотрудникам Брома требовались не только питомцы вивария, но и люди. В них недостатка не было. Пленные, заключенные, похищенные. Мужчины, женщины, дети – кто угодно, хоть младенцы, хоть древние старики.

Иероним замолк, не торопясь, вынул платок и тщательно вытер слюну на черных губах. И не удержался – выбросил язык изо рта, облизался, роняя капли на траву, с глухим всхлипыванием. Фея тихонько хихикнула.

Подопытных сотрудники Брома за людей не считали, отказав им даже в имени; они называли их «образец номер такой-то». Очень удобно, правда? Я не думаю, Николас, что отец рассказывал вам о своих исследованиях и достижениях. Так что не отворачивайтесь и слушайте меня.

Даже и не знаю, что было самым достойным в их труде. Те, кто работал над оружием – да, это были рыцари науки, они не боялись ни чужих страданий, ни себя самих. Многие из них заражались в ходе экспериментов и умирали. Для них Бром ввел особую привилегию: после смерти тела врачей вываривались, оголялся скелет, кости полировались и складывались в оссуарии, устроенном в галерее, связывающей все исследовательские дома. Живые шли на работу мимо стеклянной витрины, в которой матово поблескивали останки их коллег, и иногда задерживались, заглядывая в пустые глазницы черепов, ища в них ответов на свои вопросы. Но, справедливости ради, признаем, что образцов умирало гораздо больше. И никто не воздавал им почестей – ни при жизни, ни после смерти.

Результаты работы цветных домов – керамические снаряды, внутри которых ждали своего часа тщательнопестованные смертельные культуры – весьма впечатлили командование. Но еще больше впечатлили его достижения зеленой команды.

-Я искренне завидую вам, людям. – Иероним раздраженно махнул рукой. – Доведись мне исполнить свое предназначение, я сначала с удовольствием напьюсь крови, а потом попросту, без затей съем человека, самое большее, отмечу особый вкус его натруженной печени. И мне даже не придет в голову, что я могу привязать его к столу и вынимать самое вкусное из него постепенно, не торопясь, наблюдая агонию, изучая трепещущие сгустки недавней жизни... Мы примитивны рядом с вами, Николас. По крайней мере, с лучшими из вас. Так вот, зеленая команда...

-Я не хочу это слушать. – Николас оборвал белоглаза.

-А я и не вам рассказываю. Хэли просила сказку.

-Командование было в восхищении. Оно посетило все эксперименты, предложенные зелеными: разделение сиамских близнецов, которых ради такого случая приберегли и вывели из состава образцов для чумного барака, вивисекцию женщин с разными сроками беременности, барокамеру, ледовый

бассейн и многое другое. Бром получил звание генерал-лейтенанта и новые задания. Образцов было достаточно, и ничто не мешало работе цветных домов.

Война была где-то далеко все это время, армии сражались, тылы работали. Сотрудникам академгородка было не до фронтовых новостей, им хватало собственных забот. Но Себастиан Бром внимательно следил за происходящим, и когда линия фронта как-то нехорошо прогнулась по направлению к его стране, он решил, что пора менять место работы. Не дожидаясь, пока его попросят отчитаться те, другие, соотечественники его образцов.

Он тщательно отобрал лучшее из биологического материала, надежно спрятав это в специально разработанные переноски, упаковал бумаги и фотографии. А самое ценное он оставил у себя в голове, не доверив ни записной книжке, ни магнитофонной пленке. Он был очень умен, Себастиан Бром.

И твоя страна, Николас, воевавшая, между прочим, против его родины, приняла Себастиана как заслуженный орден. И главным образом принимающую сторону интересовали не разработки вакцин, которыми Бром занимался из-за любопытства, а именно его керамические бомбы. И другие опасные секреты. Никто не задал Брому ни одного неудобного вопроса, ему предоставили самого лучшего пластического хирурга – он прогнал его и все сделал сам, стерев свое лицо собственноручно. Ему дали новое имя, новые документы, новую жизнь. И новый госпиталь. Потрясающий даже меня цинизм – Бром стал главным врачом военного госпиталя, где лечили солдат, которые при ином стечении обстоятельств могли стать его образцами.

И знаешь, Николас, когда рабочая группа твоей матери оказалась в тупике, когда все средства были испробованы и исчерпаны, руководитель института предложил ей воспользоваться результатами исследований одного иностранного врача. Руководитель был человек честный и назвал его имя и средства, которыми была получены результаты. Твоя мать несколько часов ходила по коридорам института, пропахшим дезинфекцией и несбывшимися надеждами, выкурила недельный запас сигарет. И взяла предложенное.

-Мама была самым добрым человеком в этом мире, - Николас смотрел на белоглаза в упор. – Не было равных ей. Она никогда не думала о себе, не искала славы. Она хотела спасти детей, беззащитных перед болезнью.

-А разве я спорю? Николас, ведь брак ваших родителей был весьма символичен, вы так не думаете?

-Вы мне надоели! – Заявила фея. – Иероним, давай про страхи, мне скучно! Где эта, Мирабела? Что он с ней сделал? Выпотрошил в подвале? Заморозил в холодильнике?

-Ладно, ладно, не скандаль. Слушай дальше.

-Бром представился Мирабеле как покупатель, прочитавший объявление о продаже дома. Он спокойно выслушал ее хвастливые заявления о том, что она скорее сдохнет, чем продаст этот дом, согласно покивал головой и, пожаловавшись на усталость, попросил разрешения переночевать. При этом он предусмотрительно поставил на стол звякнувший стеклом пакет. Нос Мирабелы чуял выпивку за три бетонных стены, не подвел он ее и на этот раз. Она легко разрешила незадачливому покупателю поселиться на веранде; в его воспитанности она видела залог собственной безопасности, подумаешь, обычный городской олух в шляпе и перчатках. В благодарность за гостеприимство Бром предложил своей хозяйке разделить с ним вечер и бутылку доброго вина.

Когда гость после второй неудачной попытки открыть вино виновато поставил бутылку на грязную клеенку, Мирабела засмеялась. Продолжая смеяться, она взялась за горлышко и, крепко зажав винтовую пробку, повернула ее. Неожиданно острый край пробки оставил на ее ладони длинную красную царапину. Гость, заохав, бросился на помощь, вытащил белоснежный носовой платок, прижал его к ладони Мирабелы. Та, отмахнувшись от него, все же обернула платок вокруг кисти – потом пригодится. Разлила вино, выпила, не дожидаясь гостя, потом еще и еще. За окном сгущались летние душистые сумерки, в стекло постукивала веточка яблони, за печкой подал голос сверчок.

Через час после первого выпитого стакана Мирабела покраснела, даже побагровела, судорожно дернулась и свалилась со стула на пол. Гость ничуть не удивился, будто видывал и не такое, оттащил ее за ноги на середину комнаты, прямо под ярко горящую лампу без абажура и оставил. Сам же быстро, умело развел огонь в печке и бросил туда платок, снятый с кисти Мирабелы, немного прибрал на столе и, поставив в угол наиболее удобный стул, уселся наблюдать. Первый час Мирабела лежала неподвижно, будто разбитая параличом. Она долго не оставляла попытки заговорить или закричать, но безуспешно. Через час она заметно побледнела, тело утратило четкость контуров и оплыло, как тающий сугроб. А когда ночь перевалила за половину, Мирабелу стали ломать судороги. Она принимала невероятные,

замысловатые позы, невозможные и для цирковых акробатов; судя по ее лицу, радости в этой гимнастике было немного.

Продолжалось это около получаса, пока одна особо сильная судорога не выгнула ее дугой, после чего раздался отвратительно громкий хруст ломающегося позвоночника. Бром еще немного понаблюдал, затем поднялся на второй этаж, где была летняя спальня, разбросал постельные принадлежности так, будто в кровать ложился пьяный человек. А потом перетащил тело Мирабелы к подножию лестницы, в которой не было ни одной надежной ступеньки. После чего отправился на веранду и лег спать. Еще в бытность свою главой «академгородка» он создал использованную на Мирабеле бактерию на основе обычной столбнячной палочки, многократно усилив и усложнив ее действие. Он предусмотрительно оставил несколько подобных игрушек в своем распоряжении.

Не очень заботясь о подробностях, деревенские стражи порядка констатировали смерть от несчастного случая: «Опилась и шею себе свернула» - таков был их вердикт. Бром предъявил купчую, был вежлив и щедр. В итоге дом был признан законно купленным и переведен в его собственность. Уже через год, после долгого ремонта, Бром привез в него своих родителей, которые там и прижились. И с радостью принимали семью сына на летних каникулах.

Прости меня, Хэли, не очень-то и страшная сказка получилась. Зато ты теперь знаешь историю своего человека.

-Ну и тоска, - проворчала фея. – Получается, твоя мамочка просто сама благодать, а папаша чудовище и злодей. И при этом они еще и любили друг друга. Ничего себе у тебя наследственность, Николас Бром. Кстати, а она знала, кем он был?

-Конечно, нет. – Николас с трудом подавил желание треснуть белоглаза чем-нибудь тяжелым. – Дураком он не был, и болезненной честностью тоже не страдал. Для мамы он был главным врачом военного госпиталя в отставке, иногда дающим частные консультации. Она всю жизнь не уставала удивляться его энциклопедическим познаниям и говорила, что он слишком рано ушел на пенсию.

-А он не скучал по своей настоящей работе? – Невинно спросил Иероним.

-А он ее и не оставлял до конца своих дней. – Николас показал ему средний палец. – Я же сказал про частные консультации. Для министерства обороны. Они с ним как с писаной торбой носились.

-И что, вот так все мармеладно и закончилось? – С отвращением спросила фея.

-Ну не совсем, - Николас вздохнул. – Знаешь, я их очень любил, и маму, и отца. С мамой было уютно, а с папой интересно, он мне дарил самые дорожные конструкторы, никогда не ругал за разобранную домашнюю технику, отпускал в долгие походы вопреки маминым запретам. Мы были счастливой семьей, уж извините. Пока одна бабка не полезла со своими замечаниями, куда не следовало.

Мария решила использовать погожий день с толком и обновить краску на резных деревянных наличниках. Она повязала волосы косынкой, надела перчатки, подтащила тяжелую лестницу к окну и полезла наверх. Окна в доме даже на первом этаже были много выше человеческого роста, так что двигалась она осторожно, а неожиданно раздавшийся из-за спины голос заставил ее сильно вздрогнуть.

-И куда ты лезешь, Мария? Мало вам одного мертвяка в доме, так и ты туда же. – Соседка, бабка глубоко за семьдесят, вечно укутанная в серый толстый платок, не снимавшая войлочных тапочек даже в летнюю жару, стояла и шурилась на Марию. Пожевав беззубым ртом, она продолжила:

-Вечно у вас, городских, все не как у людей. Спите до полудня, на верхотуру лезете, моетесь, когда не следовало. Что рот разинула? Смотри, свалишься как Мирабелка.

-Как это – свалюсь? – Растерянно переспросила Мария.

-А так. Сестра-то твоя с пьяной головы на чердак спать полезла, а утром и навернулась с лестницы, хребтину переломила. – Еще раз неодобрительно покачав головой, бабка заковыляла восвояси. А Мария продолжила машинально водить кистью по пересохшему дереву.

Мирабела была нахальной и бесцеремонной особой, но была у нее одна слабость, почти что фобия – она смертельно боялась высоты. На верхние этажи зданий она могла подняться только при условии, что там имеется широченная каменная лестница, по которой она ползла, цепляясь за перила обеими руками. И ничто не могло заставить ее подняться по той хлипкой, расшатанной лестнице, что вела на второй этаж их дома в те времена, когда Мирабела была его хозяйкой.

Мария отправилась в городок, куда тело Мирабелы отправляли для дознания; там она без труда нашла отделение полиции и coronera. Пожилой мужчина с носом, похожим на кочан цветной капусты, принял ее невозмутимо и без удивления. Порывшись в сваленных в шкафу документах, нашел дело

Мирабелы. Мария внимательно прочитала заключение, просмотрела приложенные фотографии.

-Не слишком ли много переломов для простого падения с лестницы? – Только и спросила она. И про себя добавила: - И пятна на теле обычными не назовешь при всем желании.

Тут бы ей и остановиться, прожила бы дольше и лучше. Но чувство вины перед сестрой не давало ей покоя: уж очень счастливо сложилась ее собственная жизнь, чтобы не завиноватиться перед так рано умершей Мирабелой. Оказалось, что по закону коронер был обязан взять образцы тканей погибшей, чтобы отправить их на исследование в город (в тот год область поразила нежданная вспышка холеры, с ней быстро справились, но бдительность повысили) – так он благополучно забыл это сделать. И теперь мог с чистой совестью отдать образцы Марии.

Для бактериолога ее уровня вырастить культуру поразившего Мирабелу заболевания не составило ни малейшего труда. И вот Мария могла наблюдать в микроскоп, как расцветает на плотном питательном субстрате в закрытой чашке колония никогда ранее не виданной ею бактерии. Мария рассматривала остроугольные симметричные формы колонии с характерным стеклянным отблеском – они немного напоминали культуру столбняка. Отойдя от лабораторного стола, Мария открыла окно, порылась в столе, нашла смятую пачку сигарет и впервые за много лет закурила.

Тело Мирабелы обнаружил Себастиан; он никогда не скрывал этого. Он находился в доме в ночь ее смерти. Он был врачом и, как она неоднократно убеждалась, был весьма сведущ в бактериологии. Внезапно на память ей пришел самый позорный в ее собственной жизни поступок: принятие знаний, полученных от человека, чьи деяния повергали в ужас даже толстокожих военных следователей. Она получила тогда несколько культур, исследование которых позволило ей вывести свою работу из тупика. И в них, и в этой новой бактерии чувствовался одинаковый почерк. Мария оставила неприятные мысли при себе. Она не собиралась разрушать свою семью и делать несчастным сына, а поэтому уничтожила все потенциальные улики и вернулась домой. Однако желание узнать, был ли супруг тем, кого она в нем заподозрила, оказалось сильнее ее терпения. И Мария, набравшись решимости, все ему рассказала. Себастиан спокойно выслушал ее, а потом рассказал свою собственную историю, опустив подробности. Они долго сидели в гостиной, друг напротив друга; Николас был за городом, у родителей Себастиана.

-Я приняла зло, чтобы послужить добру. – Мария сосредоточенно смотрела на свои руки. – И тогда оно пришло ко мне само, собственной персоной. И я полюбила его. Это моя вина, Себастиан, ты весь там, на той стороне, там твоя правда и твоя сила. И хотя сейчас мне хочется умереть, я знаю, что это малодушная слабость и не допущу ее. Пусть все будет как прежде, я ничем не выдам себя, я обещаю.

-Как скажешь. – Себастиан склонил голову. – Я постараюсь тебе помочь. Твоя сторона хороша, Мария, но без моей она беспомощна и бесплодна.

-Себастиан, - Мария смотрела на него своими огромными голубыми глазами, ничуть не выцветшими с годами, не пытаясь вытирать слезы. – Я люблю тебя, Себастиан. Еще сильнее, чем когда бы то ни было. Эта любовь разрывает мое сердце и поделом ему.

В ответ Себастиан Бром встал, подошел к жене, взял ее за плечи и поцеловал; и, скажу я вам, в эту ночь они так любили друг друга, что соседи косились на них еще целый месяц.

-Мама умерла спустя полгода после этих событий. – Николас погладил фею по животу, укрытому платком. – Мне тогда было тринадцать. Отец жил еще пять лет; когда он понял, что смерть стоит совсем рядом, он рассказал мне обо всем. Не скажу, что я был счастлив это узнать. Мой отец совершал настолько ужасные вещи, что я отказывался верить его словам, пока он не показал мне несколько тщательно спрятанных им фотографий. На одной из них он стоял перед операционным столом, спокойно глядя в камеру, а на столе... Там был ребенок, ему и пяти лет не было... - Механик резко выдохнул и замолчал.

-Он ни о чем не жалел и ничего уже не хотел от жизни. Угас как догоревшая свеча. А я вот живу, и в моих жилах его кровь. Говорят, я больше похож на мать, и лицом, и характером, но я-то знаю, что я сын своих родителей – и отца, и матери, и во мне каждого поровну. Так что ты поаккуратнее с моей кровью, Хэли. Это сильное средство.

Время Роя: пора жатвы, год от первого Воплощения 341

Время Людей: август, 1981 год

Смена власти

У детей Роя все свое, все не как у людей – и законы, и меры, и календарь. Год у них начинается пора жатвы, время бестий; для людей это три месяца – август, сентябрь и октябрь. Затем идет пора пепла, время паразитов; нескончаемый тусклый ноябрь. Потом наступает пора осколков, время крошечников, три долгих зимних месяца – декабрь, январь и февраль. Потом – снова пора пепла, весь больной на голову месяц март. Затем начинается пора лихорадки для цветов зла, целые два месяца, апрель и май. За ней приходит пора маеты для вырождков леса, для людей это июнь и июль. Ну и так по кругу.

С мерами веса и времени у них тоже все обстоит по-своему. Например, если речь идет о чем-то тяжелом, весом не менее тонны, дети Роя скажут – весит, как человеческое сердце. А если это что-то легкое, фея или муха, скажут, что весу в этом не более чем в человеческом слове. Одна секунда у них – один вдох, час – один сон, неделя – один насморк; есть и промежуточные отрезки времени, к примеру, один плач (это около пяти минут) и один человек (девять месяцев, разумеется). Неудобно и бессистемно, но детям Роя так нравится.

Когда в Рое сменяется пора, происходит и смена власти: главы кланов выводят своих сородичей из каменных столпов и из подземелий, где они обычно коротают время, на необъятную равнину, простирающуюся за столпами. Здесь нет ни единой живой травинки, только серо-черный щебень простирается до горизонта, и льются антрацитовыми ручьями каменные тропы. В незапамятные времена здесь нашли себе приют исполины, пришедшие неведомо откуда; устав от времени, они обратились в камень и теперь высятся на пустоши огромными изваяниями. Вот рыба, у которой каждая чешуйка как серебряный щит, и глаза ворочаются с каменным скрежетом. Вот пес на цепи – он уложил морду на лапы и прикрыл глаза, но его острые уши насторожены, а верхняя губа то и дело вздергивается, показывая скучающие клыки. Вот женщина собирает осколки разбитого кувшина, ее порезанная ладонь кровоточит, распространяя запах черного перца. Еще дальше высятся боевой конь с холодными огнями во впадинах выколотых глаз, жаба, вытянувшая язык как дорогу в свою разинутую пасть, яйцо, из которого торчит клюв так и не вылупившегося птенца... а что там за ними – никому неведомо.

Сойдясь в холодной тени изваяний, дети Роя приветствуют друг друга, изо всех сил стараясь не начать свару. Главы кланов сходятся у каменного обелиска, в зеркально отполированных гранях которого ничего не отражается, и тот, чья власть заканчивается, передает тому, чье время пришло, кинжал. У

этого кинжала узкое черное лезвие, если присмотреться, то окажется, что это трехгранный коготь; рукоять сделана из дерева, тоже черного, настолько, что неразличимы узоры годовых колец. Говорят, что рукоять вырезана из тяжелой дубины, которой старший сын первого человека убил своего младшего брата, а лезвие - не что иное, как коготь предводителя войска Отверженного, коим была пронзена длань Светлого, державшая плоды вечной жизни. Неизвестно, сколько в этом утверждении правды, но кинжал на вид был весьма древним и устрашающим.

-Завтра начинается пора жатвы. А это значит, что настало время твоего официального представления ко двору. – Джая изобразила реверанс и засмеялась. Потом, как всегда после смеха, подтянула штопку на губах и продолжила:

-Поскольку принимали тебя мы с Виджаей, и шемхамфораш сказали тоже мы, нам и представлять тебя Рою. Не трусь, будет интересно. Завтра после захода солнца выходите к пещере с машиной жребиев. Мы вас там встретим, ну, а дальше сам все увидишь. Форма одежды рабочая. Пусть все видят, что ты не хлыщ какой-то.

-Ладно. Попробую запачкать комбинезон повнушительнее, - Николас поднял голову от мотора машины Эрика. – Хэли, принеси мне ключик на семь.

Николас Бром, механик, словивший на свою удачу в весеннем лесу вылупившуюся раньше времени фею, стоял у машины жребиев, критически оглядывая ее пыхтящее несообразие. Его удача сидела у него на плече, болтая ногами.

-Я в жизни бы не допустил, чтобы механизм в таком состоянии запустили в работу.

-Ну и зануда же ты. – Фея скорчила рожу, закатив глаза и перекосив рот. – Работает себе, и нормально. Чего тебе не так?

-Она в любой момент может засбоить, а то и встать. А чинить опять меня дернете. И опять на ходу.

-Это потом. – Прогудел Виджая, заслоняя своим туловищем вход в пещеру. – А сейчас пора идти.

Неоглядная серо-черная равнина выглядела совсем иначе в день наступления новой поры. К обелиску, выглядящему точкой по сравнению с каменными исполинами, стекались пять потоков, пять живых шевелящихся рек. Это дети Роя, покинув свои обиталища, шли исполнить ритуал.

Николас смотрел, как заполняется долина всевозможными ликами и личинами, как идут, ползут, скачут по острому кремнию невероятные создания, созданные на погибель рода человеческого. Во главе пяти потоков шли предводители кланов.

Толпу бестий возглавлял охотник: очень высокий, в два человеческих роста, воин с головой ястреба на широких плечах. Голова эта могла поворачиваться вокруг собственной оси, круглые серебряные глаза не выражали ничего, кроме холодного азарта. В руке охотник держал копье, одет был только в узкие штаны по колено, на обнаженной груди светился какой-то амулет; под синеватой кожей перекачивались тугие клубки мышц. Босые ноги охотника ступали легко и быстро; и горе тому, по чью душу он направлял свои шаги.

Цветы зла выбрали своей главой белладонну. От вереницы невыносимо прекрасных мужчин и женщин отделилась одна, чья красота тлела как угли в майском костре. Телом подобная языку пламени, гибкому и порывистому, манящему и обжигающему, она казалась воплощением распаленных мужских грез. На тонко выточенном лице под раскинутыми крыльями бровей светились топазовые глаза, улыбался горячий нежный рот; волны черных волос окутывали плечи и спину белладонны грозовым облаком. Она была одета в простое платье цвета спелой до черноты вишни, которое то казалось непроницаемой броней, то будто растворялось на теле, не скрывая ничего. Тот, по чью душу направлялась она, – ему можно было только позавидовать... ну, или поплакать о нем.

От самого массивного и тихого потока паразитов отделился и нерешительно прошел вперед мужчина, каких можно встретить в казенных учреждениях. Невысокого роста, с покатыми плечами и согнутой шеей, он был одет в коричневый мешковатый костюм, в руках держал портфель. На его лице, бледном и невыразительном как вареный минтай, помаргивали блеклые глаза, и кривился неуверенно-недовольный тонкогубый рот. От всей его фигуры веяло смертной тоской; при каждом шаге он подгребал ногами в несоразмерно тяжелых ботинках, будто закапывая чьи-то маленькие надежды. Тому, по чью душу он собирался, можно было только посоветовать повеситься по-быстрому.

Самый малочисленный клан детей Роя возглавлял уже знакомый Николасу персонаж. Во главе вырожденков леса шел Иероним. Встретившись взглядом с механиком, он приятельски подмигнул ему и тут же плотоядно облизнулся. Здесь, в сердце Роя, стали виднее длинные острые зубы белоглаза, стал слышен

их скрежет. Это шла голодная смерть; лес не всегда выпускает вошедших в него живыми.

Последними подходили к пирамиде кромешники. И когда Николас увидел того, кто шел впереди этого клана, то даже его выдержка, воспитанная десятилетиями сознательных усилий, дрогнула. Хэли, сидевшая на плече механика, почуяв неладное, успокаивающе вонзила в его шею свои когти. Боль помогла ему сосредоточиться и видеть яснее. Во главе кромешников шел его отец, Себастиан Бром. Он выглядел точно так, как на той фотографии, после которой закончилась нормальная жизнь Николаса – белый халат медика, фартук, испачканный кровью, перчатки, скользкие и тоже испачканные. Лицо Себастиана было все тем же, бесстрастным и правильным, на нем жили только глаза. На мгновение их взгляд остановился на Николасе, что-то похожее на удовлетворение промелькнуло в них – и все. От того, что нес с собой этот кромешник, могла спасти только любовь, если кто-то способен так любить в наши скудные времена.

Предводители сошлись у пирамиды; вперед выступил Иероним.

-Заканчивается маета и приходит жатва, - и он повернул лицо к охотнику. Тот в ответ с клетком раскрыл клюв и захлопнул его с сухим костяным стуком. – Время передать власть.

Иероним вздохнул не без сожаления. Затем он поднес руку к горлу, сжал ладонь в кулак, несколько раз выдохнул – после очередного выдоха Николас ясно увидел, что пальцы белоглаза сжимают черную рукоять кинжала. Чуть запрокинув голову, Иероним медленно вытягивал символ власти из своего вздрагивающего горла; освободив его от живых ножен, он аккуратно вытер трехгранное лезвие платком, поданным таким же белоглазом, и промокнул края небольшой раны.

-Пора жатвы. – Охотник шагнул вперед. Его сородичи взвыли, в каменистую землю ударили тысячи ног.

Иероним скользнул к охотнику и неуловимо быстрым движением вонзил кинжал ему в живот, в место, которое люди называют солнечным сплетением, и отскочил назад. Охотник пошатнулся, оперся на копье; когда он выпрямился, кинжал уже исчез в его теле.

-Пора жатвы! – И он поднял копье. Бестии взревели; эхо, отталкиваясь от каменных великанов, заметалось по долине.

Когда все успокоилось, охотник с головой хищной птицы обратился к Джае:

-Вы привели человека. Если я не приму его, кое-кто, – и он кивнул в сторону четырехрукого чудовища, - мне этого не простит.

И охотник засмеялся клекочущим хриплым смехом.

-Бестии принимают тебя, Николас Бром, раньше времени и таким как есть. Будь своим, только не попадайся нам под руку, - и он снова засмеялся.

-Белладонны и болиголовы, - глава цветов зла оглянулась и повела рукой, разливая водопады алого шелка, - рады тебе, Николас Бром. Будь своим, но помни, что пощады не будет. – И она послала ему воздушный поцелуй, коснувшийся его щеки горячим дуновением. Фея тут же укусила механика за ухо.

-Я имею честь говорить от имени клана паразитов, - тусклым, скрипучим голосом завел человек в сером. – И в отличие от своих сородичей по Рою я не могу выразить безоговорочного принятия. Ради прокорма одной феи мы нарушаем наши традиции, это нецелесообразно и чревато последствиями.

Он говорил очень тихо, бубнил себе под нос, это не было очень уж страшно, только невыразимо тошнотворно, к тому же было понятно, что он может так бубнить целую вечность – и в этом-то и заключался весь ужас. Со стороны бестий послышались взрыкивания, болиголовы засвистели. Охотник стукнул оземь древком копья и прервал паразита:

-Довольно, Иона. Вы против, я понял.

Паразит пожевал губами и, подняв плечи, отступил.

-От имени выроdkов леса – добро пожаловать, Николас Бром. – Иероним клацнул зубами. – Будь своим, пока твоя кровь по вкусу нашей сестре.

Наступила очередь высказаться последнему клану.

-Здравствуй, Николас. – Кромешник смотрел ему прямо в глаза, и от этого взгляда у механика задрожали колени. – Я ждал тебя, хотя и не так быстро. Мы принимаем тебя. Будь своим, и ничего не бойся.

-Четверо против одного. – Птицеголовый охотник поднял копье. – Рой принимает тебя, Николас Бром. Будь своим. Шемхамфораш.

На мгновение над долиной зависла абсолютная тишина. Дети Роя, сколько их было, смотрели на механика, втягивали чуткими ноздрями его запах, запоминали его. «Бездна смотрит тысячами глаз», - пронеслось в голове у Николаса. Фея ущипнула его за шею – с вывертом, больно.

-Расслабься, а то с таким дурацким лицом и останешься.

Она взлетела с его плеча, зависла в воздухе, сложив ручонки на груди.

-Этот человек мой, - заявила фея. – И его кровь моя. И все остальное тоже мое. Все запомнили? - И вернулась на насиженное место.

-Власть передана. Шемхамфораш подтвержден. – Птичьи глаза, не моргая, смотрели на собравшихся. – Если мои собратья не против, я не буду удерживать высокое собрание.

-У меня есть, что сказать. – Серый человечек снова вышел вперед, прикрываясь портфелем как щитом. – И я буду признателен вам, Гайя, - он обратился к охотнику, - если вы не дадите вашим собратьям сожрать меня после первых моих слов.

-Ты не хуже меня знаешь, Иона, что любой из нас подавится тобой, - однако Гайя повернул голову, не поворачиваясь сам, и что-то проклекотал бестиям. – А теперь говори.

Иона с минуту побряхтел за своим портфелем, собираясь с духом, покашлял, и, наконец, заговорил.

-Высокое собрание, я взываю к вашей справедливости.

Откуда-то со стороны цветов зла раздался издевательский смешок.

-Все знают, что мы разделили наше время в незапамятные времена, когда число детей Роя в каждом из кланов было совсем иным.

Иероним мгновенно все понял и оскалился.

-Людей в лесах тогда резали и вешали значительно чаще, да и сами леса были повнушительнее... так что целых два человеческих месяца, отведенные для выродков леса, ни у кого не вызывали сомнений. – Иона помялся и продолжил.

-Люди в те благословенные времена были сильнее и грубее духом, ярче вспыхивали и яростнее горели. Их гнев легко вырывался из рук, они не умели его сдерживать. Поэтому целых три месяца, отданных бестиям, были оправданы необходимостью.

Гайя вытянул руку, сдерживая волну рева и визга, сжал в кулак когтистые пальцы – и бестии стихли.

-И любили те люди тоже не так расчетливо, как нынешние. – Иона сокрушенно поник головой. – Цветам зла и двух месяцев было мало. Однако в наши дни...

Волосы белладонны взмыли над ее головой как черные змеи, шипя и раскачиваясь.

-Что же касается страха, - Иона обратился к крошечникам, - то и его поубавилось нынче. Помилуйте, разве можно сравнивать запуганного светлыми братьями горожанина с нынешним просвещенным трезвомыслящим

гражданином? Так что три месяца – это расточительство в чистом виде, государи мои.

Глава кромешников и бровью не повел.

-Мы поняли тебя, Иона. – Гайя провел перед собой древком копьа черту. – Вам мало ваших двух осколков, двух самых холодных, самых темных и безнадежных человеческих месяцев. Вы хотите отравить своим дыханием еще больше. Похвальное желание. И неисполнимое, пока я в состоянии держать свое копье. И я думаю, что наши собратья ответят тебе тем же, Иона.

-Я удавлю тебя, паразит, - пропела белладонна.

-Я спляшу на твоих костях, - пообещал белоглаз.

-Ты зарвался, ничтожество, - пожал плечами кромешник.

-Как видишь, мы на редкость солидарны, - если бы клюв мог изображать усмешку, он бы сделал это весьма выразительно. – Иона, утрись.

-Я ждал такого ответа, - паразит не выглядел ни обиженным, ни удивленным. – Чего еще ждать от дремучих традиционалистов. Вы же не думаете, что я пришел сюда с такими словами и совсем без сил?

Он поставил наземь свой потрепанный портфель, пригладил остатки волос на голове.

-Дело не в том, что вам теперь много вашего времени, а в том, что нам мало нашего. Оглянитесь. Особенно ты, Иероним, и ты, Горго. Сколько сородичей стоит за вашими спинами? А я не вывел сегодня и половины своих.

За ним стояла плотная толпа, подавляюще многочисленная в сравнении с другими кланами.

-Люди сегодня если чем и больны, так это тоской. И скукой. Так что нас весьма прибавилось против прежнего. Сила сегодня на нашей стороне, Гайя. Или твои глаза охотника подобны человеческим и видят только то, что хотят видеть?

-Что с того, что вы расплодились как сплетни на кончике языка? - Охотник пожал плечами. – Числом нас не возьмешь.

-Тогда подумай о причинах того, что мы уже не помещаемся в своих столпах и подземельях. Гайя, нынешнее зло – это не нож под ребро, не острый стыд, не слепая ярость. Сегодня мы должны стать тонкими и гибкими, проникая в самую благополучную жизнь, отравляя ее постепенно и изощренно. Само счастье должно идти рука об руку с безысходностью. Прошли те времена, когда наш клан обслуживал избранных. Сейчас избранным себя почитает каждый.

-Довольно, Иона, - оборвала его Горго. – Ты на нас тоску нагоняешь. Мы подумаем над твоими словами.

-Я согласен, - кивнул Гайя. – Иона, я услышал тебя. Довольно на сегодня, ведь ты же не хочешь испортить наш праздник? Нет? Рад это слышать.

Охотник повернулся к своим и крикнул:

-Пора жатвы! - И подбросил копье высоко в воздух.

-Пойдем, - негромко сказала на ухо Николасу его фея. – Двигай к жабе. Там собираются мои, а Иероним уже весь изошелся, так он по тебе соскучился.

Когда Николас вошел в широко раскрытую пасть каменной жабы, он увидел сидящего на алтарном камне белоглаза. Иероним махнул рукой:

-Присаживайся. Есть дело.

-Что, наконец согласитесь на капитальный ремонт машины жребиев? – Механик присел рядом, на каменный пол, опираясь на алтарь спиной.

-Ты забыл, что нам она не указ. Но ты прав. Я прошу тебя как следует над ней поработать, насколько это возможно.

-Договорились. Хэли, ну что ты вертишься? Ты мне плечо просверлишь своим тощим задом.

Фея слетела с плеча механика, показала ему язык и порхнула к Иерониму.

-Я останусь здесь. А ты уходи. Я вернусь завтра... или послезавтра. Ты теперь можешь сам перемещаться, без меня.

У механика достало ума не спрашивать, как празднуют дети Роя ритуал передачи власти, и он направился к выходу. В проеме жабьей пасти он остановился и спросил:

-А как? В смысле, как я могу уйти отсюда?

-Да проще простого, - отозвался белоглаз. – Вход к нам – в любой тени. Просто шагни в нее и пожелай оказаться здесь. Выход в искреннем желании покинуть Рой. Поэтому не рекомендую пытаться уйти рядом с белладонной.

-Да уж, проще не бывает.

Николас Бром шагал по узкой каменной дороге, языком тянущейся из жабьей пасти. Он подумал о «Тихой заводи» и уже следующий его шаг зашелестел в траве. Николас открыл глаза – он стоял возле своего дома. На крыльце сидел Эрик. Услышав шаги механика, он поднял взгляд от толстенной книги.

-Приветствую. Шемхамфораш подтвержден? Глупый вопрос, иначе ты бы не вернулся.

Механик сел ступенькой ниже рыжего доктора, потер саднившую шею.

-Не лапай, заразу занесешь. – Машинально сказал Эрик.

-А вот интересно, - так же машинально, ни к кому, в сущности, не обращаясь, задал вопрос Николас, – интересно, кем была Джая? А впрочем, нет, не интересно.

-Это ты о чем? – Поднял брови Эрик.

-Знаешь, Эрик, я был готов увидеть толпу монстров, приказал себе ничему не удивляться... однако же мой отец во главе крошечников – это и для Роя неслабо.

-Ты уверен? Уверен, что это не была креатура, принявшая форму твоего идеального страха? – Доктор не смотрел в сторону Николаса, казалось, его больше всего на свете интересует переплет старинного фармацевтического справочника.

-Дружище, если бы ты хоть раз видел особенный взгляд моего отца, то не стал бы задавать этот вопрос. Любая креатура напустит лужу, а то и обгадится от этого взгляда.

-Не скажу, что я не задумывался о таком раскладе. – Эрик положил книгу на ступеньку, откинулся назад, опираясь на руки. – И подозрительно знакомые лица в Рое мне тоже приходилось видеть.

-Тогда получается, что и наши, и их легенды – сплошь вранье? И нет ничего в мире, кроме человека? - Механик сшиб щелчком наглухо августовскую муху, севшую ему на колено. – Страшновато как-то.

-А по мне, так скучно. С этими ребятами хоть какое-то разнообразие, а тут... - Эрик скорчил гримасу. – Благодарный пациент преподнес мне немаленькую такую бутылку, оплетенную соломой. Ты со мной?

-Ну, если там не его анализы... - они переглянулись и засмеялись. И если этот смех и был наигранным – то лишь самую малость.

Время Роя: пора жатвы, год от первого Воплощения 341

Время Людей: октябрь, 1981 год

Все тайное

Выполняя просьбу Иеронима, Николас почти каждый день приходил к машине жребиев и пытался найти с ней общий язык. Этот невероятный механизм превосходил его понимание, что чувствительно задевало его самолюбие; не было до сего дня непослушных ему машин. Эта же хоть и была

на первый взгляд проста и понятна, собрана из самых обычных деталей и узлов, но сделано это было то ли поэтом, то ли спятившим учителем ремесленной школы. Николас проводил с ней столько времени, что Хэли, его фея-кровохлебка, начинала ныть и кусаться от скуки. А механик часами смотрел в развороченное нутро и пытался понять, что к чему.

Николас помнил, что его отец обладал незаурядным даром видеть людей буквально насквозь; мать еще шутила, что у него рентгеновские глаза. Эта способность передалась и Николасу, только в отношении машин. И вот в один прекрасный день не устояла и эта, сдалась, стала понятной и прозрачной. Механик тихо порадовался про себя, и ничего никому не сказал.

На исходе октября в «Тихой заводи» затеяли праздновать приход долгих ночей – праздник довольно разудалый, призванный скрасить наступление холодов и темноты. Николас, приглашенный в компанию докторов и медсестер, возглавляемую рыжим Эриком, отпросился у феи на вечер. Та надулась, но милостиво позволила ему пойти одному. Впрочем, Николас не сильно рассчитывал на ее отсутствие; в последний раз эта крылатая заноза чуть не испортила ему отличный вечер с молоденькой практиканткой из физиотерапии. Фея как-то пролезла в дверь, уселась на приоткрытую дверцу шкафа и уставилась на Николаса и его подружку немигающими глазищами; спасибо, что от комментариев удержалась. Тут кто угодно смутится и отложит начатое. Однако механик был не из слабонервных и попросту погасил прикроватный светильник.

Гости собирались в ресторане для персонала; дамы щеголяли нарядами в стиле «опустить еще на сантиметр и все повывалится окружающим на радость», мужчины толпились у бара, где одетый лепреконом Эрик, стоящий на табуретке, жонглировал шейкером. Увидев механика, доктор помахал ему рукой, приглашая присоединиться. Вечер обещал быть нескучным. Николас действительно собирался расслабиться, однако вскоре его намерения поменялись. Начать с того, что он не любил настырных и приставучих, пусть и очень соблазнительных девушек. А эта, наряженная школьницей, пристала к нему как банный лист к известному месту, усаживалась на колени и вообще вела себя так, что даже Эрик смотрел озадаченно. Механик же через некоторое время впал в тоску, не зная, как избавиться от озабоченной девицы. Честно спросив себя, не хочется ли ему развеяться, воспользовавшись отсутствием феи, и так же честно ответив, что совсем не хочется, он решил, что пришло время удирать. Однако покинуть ресторан оказалось не так-то просто – распутная школьница караулила его у всех дверей и даже окон. Николас

плюнул на приличия, зашел за стойку бара, где холодильник отбрасывал на пол четкую тень, и шагнул туда, искренне желая провалиться поглубже.

Пещера машины жребиев, освещенная мертвенным светом потолочных светильников, встретила его блаженной тишиной и покоем. Николас зашел внутрь и с облегчением выдохнул. У стены стоял раскладывающийся ящик с инструментами, подобранными специально для обслуживания машины; механик решил, что раз уж пришел, надо воспользоваться случаем и разобраться в них. Он как раз прошел вглубь пещеры, как чьи-то торопливые шаги захрустели снаружи. Николас прижался спиной к стене и затаил дыхание. Если это то, о чем он мечтал не один месяц, то это будет лучший подарок на праздник долгих ночей.

В пещеру вкатился паразит – средних размеров, более всего похожий на упитанного тритона с ученой степенью и глянцевою лысиной– и, выждав пару секунд, начал карабкаться по машине. Тритон осторожно ставил свои серо-зеленые лапы на вздрагивающие диски, хватался за рукояти, елозил мокрым брюхом по циферблатам.

Механик наблюдал за этим восхождением с выражением нескрываемого счастья на лице: так знающий все верные кочки на болоте смотрит на дурака, прущего напролом. И дождавшись, когда паразит доберется до нужного места, когда лапы его станут именно на эти панели, а суставчатая рука вытащит из-за щеки что-то блестящее, Николас Бром рявкнул громко и грубо:

-А ну стой, падла!

Падла вздрогнула и в этот момент панели сдвинулись, и тритон провалился по пояс в нутро механизма, выронив осколок куда-то в глубину. Николас в четыре шага преодолел расстояние до машины, и то, что последовало дальше, стоило всех его прежних усилий.

Вдохнуть и не дышать, на раз-два и еще один раз – и на выдохе рука механика скользнула в машинную утробу, уверенно и бестрепетно; выждав три удара сердца, он взял открывшийся рычаг и потянул его на себя. Машина замерла и, будто тихо выдохнув, остановилась.

Николас вытянул руку, рукав его черной рубашки лоснился от машинного масла, а лицо на мгновение осветилось улыбкой. Он прикрыл глаза и тихо позвал кого-то. Через минуту проем входа в пещеру закрыла массивная тень.

-Виджая, - не оборачиваясь, попросил механик, - никого не пускай.

-Как скажешь, человечек, - прогудел Виджая.

Тут паразит обрел голос; он пытался угрожать, но неубедительно и визгливо, поэтому Николас заткнул ему рот куском промасленной ветоши. После чего достал из ящика длинный и гибкий щуп, сконструированный именно для таких случаев; щуп внутри полый, и если нажать на спрятанный в рукояти поршень, на конце его выдвигаются захваты. Там же крепилась миниатюрная камера, передающая изображение на небольшой монитор. Продемонстрировав устройство паразиту, Николас за несколько минут достал из механической утробы осколок с острыми гранями. Потом не без труда развернул тритона лицом к себе и вынул кляп у него изо рта.

-Отведешь туда, где взял.

Выслушав ответный поток брани, Николас взял паразита за лицо, зажал ему нос, дождался, пока он пошире разинет рот, и забросил туда кусочек добра. Виджая одобрительно хмыкнул.

Паразит закашлял, утирая мутные слезы; потом его заколотило мелкой дрожью, а вскоре он расслабился и смотрел вполне умиротворенно - сегодня он получил повышение по службе, а его коллега по кафедре – нет. От удовольствия тритон стал омерзительнее вдвое.

-Отведешь туда, где взял.

Тритон был счастлив настолько, что даже оказался в состоянии облагодетельствовать ближнего; он кивнул и попытался встать. Николас помог ему, и вскоре паразит сидел на полу пещеры, бликуя лысиной и плавно помавая руками, будто дирижируя хором, поющим ему хвалу. Николас же спокойно запустил машину жребиев, как обычный мотор.

У выхода Виджая остановил Николаса.

-На, надень это. – И он протянул механику свою рубаху. Замотавшись в нее, тот стал похож на скатанный кулем мокрый пододеяльник с затисканными в него простыней и наволочками. – Вот, так лучше. Не стоит привлекать внимание.

Счастливый паразит шел по каменистой равнине, немелодично напевая застольную песню. Он не обращал на механика ни малейшего внимания, упиваясь своим триумфом. Через час с небольшим они добрались до одного из самых дальних каменных исполинов, и паразит поднырнул в небольшой подземный ход, неприметно темнеющий у основания. Они пробирались узким лазом, который расширился так, что Николас вскоре смог выпрямиться и скинуть с себя рубаху Виджайи, петляли, поворачивали; и механик торопливо

оставлял на стенах пометки мелком – хорошо, когда у тебя в карманах вечно полно всякого барахла.

Лаз привел их в пещеру, освещенную белесыми наростами на стенах. Войдя в нее, механик не удержался и присвистнул – пещера была по колени ему завалена блестящими осколками. Как в мастерской столяра древесная стружка, как в слесарном цеху стружка железная – так же и здесь осколки добра валялись на полу в невероятном количестве, брошенный, бросовый материал, отходы производства.

-Дальше я сам, - и Николас, взяв пару осколков, запихнул их паразиту в рот. Тот не особо сопротивлялся; механик выволок его в коридор и оставил дремать у стены.

Уходя из пещеры машины жребиев, Николас успел прихватить пояс с инструментами – самыми простыми и необходимыми, был среди них и небольшой фонарик. Загребая ногами блестящие осколки, спотыкаясь о слежавшиеся, окаменелые их комки, механик осматривал пещеру, стараясь не пропустить хоть чего-то, могущего объяснить происхождение этих россыпей. В одной из стен он обнаружил нечто вроде выхлопной трубы – вероятно, из нее и выпадали осколки; оставалось выяснить, куда эта труба вела. Николас вышел из пещеры и медленно пошел обратно по своим меткам.

Через несколько минут он увидел узкий проем, мимо которого прошел в спешке, торопясь за паразитом. Не раздумывая, механик протиснулся, раздирая шелковую выходную рубашку, и без того, впрочем, испачканную машинным маслом; проем оказался недлинным, вскоре он выпустил Николаса в более просторный коридор, определенно ведущий сверху вниз. Посветив фонариком по сторонам, механик решил сначала подняться. Через несколько витков коридора он вышел в небольшую комнатку, где было что-то похожее на окно-фонарь, только вместо окна - узкая длинная щель в камне. Подумав, Николас предположил, что находится в самом верху треснувшего яйца, а окно-фонарь с прорезающей его щелью – это клюв птенца, пробивающего скорлупу. Наверху ничего интересного не было, и механик направился вниз.

Спуск не всегда легок, особенно когда коридор вьется частыми петлями, проход узок, а воздух неподвижен. Николас повернул за очередной поворот – и остановился на пороге огромной пещеры, размеры которой заставляли затаить дыхание.

Сразу ставший удручающе недостаточным острый лучик фонарика выхватывал из мрака гладкий камень пола, смутные очертания сталактитов; Николас шел очень медленно, понимая, что спешить не стоит. Тем более что он

знал, куда идти – откуда-то слева до него доносился тихий, едва слышимый звук работающего механизма. Шаг за шагом, все ближе и ближе, звук все отчетливее... и тут луч фонарика полоснул по тому, чего механик никак не ожидал увидеть. Это было человеческое лицо.

От неожиданности Николас даже выключил фонарик. С минуту он стоял в темноте, пытаясь собраться с мыслями, когда в его голове раздался голос.

-Немного света вам не помешает, я думаю.

И тут же по пещере разлился несильный, милосердный для привыкших к темноте глаз свет, которого было вполне достаточно, чтобы Николас мог осмотреться. Он стоял в паре десятков шагов от машины, напоминавшей о машине жребиев, и в десятке шагов от чего-то, напоминавшего одновременно трон, операционный стол и алтарь.

Трон – потому что высокая спинка, подлокотники и ступеньки, операционный стол – потому что от сидевшего на троне шли к машине трубки и провода, да и выглядел он не лучшим и не нормальным образом, алтарь – потому что от всего сооружения не просто веяло древностью, а сама вечность показалась бы рядом с ним юной. Николас, придя в себя, подошел поближе, всматриваясь в того, кто сидел на троне.

Когда-то это определенно был человек; мужчина лет сорока-пятидесяти, высокий, массивный, с сильными руками и выразительным лицом. Выразительности лицу прибавляло, несомненно, и то, что изо лба человека выходили две гибкие рифленые трубы, поднимавшиеся на спинку трона и уходившие вниз, к машине; издалека эти трубы здорово напоминали рога. Пучки проводов вырастали из горла, груди, солнечного сплетения, самого низа живота и, судя по змеящимся по бедрам отдельным проводам, из паха. Они пластались по серой каменной коже человека и терялись на полу, среди тысяч подобных. Николас, ступая на цыпочках, обошел вокруг трона; массивный кабель шел к спинке и подключался к поясничному отделу позвоночника сидящего.

-Впечатляет?

-Еще как. – Честно ответил Николас. – Николас Бром, механик. С кем имею честь беседовать?

-Витто Нуова, конструктор. Рад встрече, Николас Бром.

Николас смотрел на сидящего во все глаза; тот не размыкал губ, но все его слова были четко слышны и понятны. Казалось, что он сросся со своим тронном, стал его частью...

-Скорее, со своей машиной. Я ее самая важная деталь, можно сказать, процессор.

-Что? – Не понял Николас.

-Какой у вас год, Николас?

-Триста сорок первый от Первого Воплощения.

-Понятно, - после недолгого молчания сказал сидящий, - для процессоров еще слишком рано. Они у вас уже есть, но слишком массивные и... - он замолчал. – Это неважно. Как вы попали сюда?

Механик коротко рассказал свою историю; как свалилась ему на голову фея, как он стал понимать и видеть детей Роя, как глава бестий Гайя подтвердил шемхамфораш, и как он, Николас Бром, увидел во главе кромешников своего умершего отца. Ну и в двух словах как паразит привел его к пещере с осколками.

-Опять случай. – Сидящий вздохнул. – Никакой логики.

-А как вы попали сюда, мастер Нуова?

-Долгая история, Николас. Подойдите ближе и смотрите на мой головной обруч.

На его голову был надет обруч, один в один похожий на плечевой браслет Виджайи, собирающий воспоминания. Николас подошел так близко, что мог разглядеть каждую морщину на лице сидящего, и сконцентрировал взгляд на центре обруча. Сначала ничего не происходило, потом окружающие его каменные стены начали таять, все затянулось белесым туманом, и началась тишина.

Витто проснулся от ощущения безоговорочного, безусловного счастья, такого, от которого жмурятся кошки и потягиваются собаки. Он перевернулся на спину, заложил руки за голову; судя по сереющему за окном небу, было еще очень рано, но спать уже не хотелось. Он полежал еще минуту-другую, потом осторожно, чтобы не разбудить спящую рядом девушку, встал и вышел на балкон. Дом Витто, хоть старый и неказистый, стоял, тем не менее, в самом центре города, хорошо, что балкон выходил во внутренний двор, и можно было выйти на него, в чем мать родила. Витто стоял, вдыхая утренний невинный воздух, ежась на легком ветру и думая, что бы такое сегодня предпринять, чтобы Пончик осталась с ним как можно дольше. Пончиком он звал свою подружку; прозвище было дано ей как ласковая насмешка, пухлыми у нее были разве что губы. Витто оглянулся – Пончик спала крепко, умаявшись за ночь; он

расправил плечи, потянулся и вспомнил, о чем она рассказывала ему вчера вечером.

Витто Нуова был счастливым человеком, у него было все – острый ум, толковые руки, любимая работа, друзья, деньги и фантазия; но самого главного у него не было. Чего-то такого, что заставляло бы его сердце вздрагивать, а глаза блестеть, того, что он смог бы назвать своим смыслом.

С Пончиком он познакомился неслучайно: девушка писала историю факультета, на котором работал Витто, причем интересовали ее не столько цифры и достижения, сколько люди и подробности их частной жизни. Под ее пером скучная история факультета превращалась в увлекательное собрание биографий; к Витто Нуова она обратилась с вопросами о его учителе, ныне покойном. Разговор завязался и затянулся как узел; Пончик не успела оглянуться, как оказалась сначала в центре внимания, а вскоре и в постели конструктора.

Витто так ничего и не придумал и, немного замерзнув, вернулся в комнату. Тихо прошел, поправил на Пончике одеяло, уселся в кресло и увидел брошенный на пол рюкзак, из которого выглядывали альбомные листы. Вчера вечером девушка рассказывала об одном из ученых, работавших на факультете Витто лет пятьдесят тому назад; это был человек, обладавший и умом, и хваткой, с легкостью подмявший под себя всю кафедру. И быть бы ему как пить дать ректором, если бы не та самая злосчастная полярная экспедиция, из которой он вернулся совершенно другим. Карьера его более не интересовала, равно как и прежняя научная работа. Профессор Тремейн посвятил себя изучению эзотерических книг, истории духовных практик и тайных культов – и это после конструирования вездеходов! Разумеется, иначе как чокнутым его после такой метаморфозы не называли; место на кафедре за ним сохранили из уважения к прежним заслугам, и все как один коллеги старательно не замечали того, что прежде каштановая шевелюра Тремейна после экспедиции походила на снежный сугроб. Когда Тремейн умер, наследники поспешили отделаться и от его странноватой библиотеки, и от его бумаг. Кафедре все это тоже было не ко двору, книги осели в бездонном книжном хранилище университета (окна которого выходили в тот же дворик, что и балкон дома Витто), а бумаги поглотил архив. Там они и пылились, пока до них не добралась Пончик.

Она не могла пройти мимо такой персоны, как чокнутый Тремейн. Раскопав все, что можно, она взялась за то, что нельзя. Пользуясь своим статусом музейного работника и умением смотреть как потерявшийся щенок, девушка выпросила себе бессрочный пропуск в архив и самоотверженно

рылась там до изнеможения. И докопалась до альбомов и тетрадей Тремейна, заполненных его тонкими, точными рисунками и текстами. Пончик начала разбирать их и поняла, что в руки ей попало нечто стоящее. Профессор Тремейн писал очень странно, намеками и оговорками, так, будто сам боялся своих воспоминаний. Боялся признаться себе в том, что когда-то видел и запомнил навсегда.

Один из альбомов Пончик утащила из архива, чтобы показать Витто.

Витто Нуова посмотрел на пожелтевшие листы, робко выглядывающие из рюкзака, подумал, включил настенную лампу и потянул рюкзак к себе. Он вытянул альбом, раскрыл его, перевернул страницу... и вот теперь, наконец-то, хвала Единому, все встало на свои места. Вот теперь у него было все, потому что было самое главное.

На большинстве рисунков Тремейна была изображена машина, о назначении которой невозможно было догадаться. Он рисовал ее со всевозможных ракурсов, всю целиком и отдельные узлы и детали, тщательно воспроизводя мельчайшие подробности. Витто смотрел на эти рисунки-чертежи и понимал, что погибает, и так рад своей гибели, что и передать нельзя.

Немногим позже он прочел, что чокнутый Тремейн вылетел в одиночку на разведку, попал в бурю, все приборы его самолета будто сошли с ума, и лишь чудом ему удалось посадить его на каком-то островке, не обозначенном ни на одной карте. Рядом с местом посадки Тремейн увидел нечто, о чем он так и не написал толком; во всяком случае, следующие его записи были уже о подземном зале – о нем он тоже писал более чем скупое. А вот о машине Тремейн писал все, что помнил, и рисовал ее без счета как одержимый. Он даже воспроизвел вязь неизвестной Витто письменности, украшавшей отдельные фрагменты устройства.

Витто встал, роняя разрозненные альбомные листы на пол, держа один из них в руке. Погладив спящую девушку по голове, он разбудил ее.

-Пончик... что это за язык? – И он подсунул ей лист к носу.

Пончик приподнялась на локте, недовольно ворча, посмотрела на лист, потом на Витто, потом снова на лист. И проснулась.

-Нету такого языка. – Она потянулась и зарылась поглубже в развороченную постель.

-Как нету? Вот же он. Мне надо это перевести, - и он улегся рядом.

-Прямо сейчас?

-Можно попозже, - разрешил Витто, стягивая с девушки одеяло.

У Витто Нуова были немалые возможности и понимание сути искомого, у Пончика - знание истории, языков и удостоверение музейного работника; поэтому их поиски были удачны, хотя и не всегда законны. Им пришлось украсть несколько малопонятных артефактов из тех, что столетиями плесневеют в запасниках, и пару рукописей из частных коллекций. Витто выкупил пустующий цех давно остановленного завода за городом, взял в аренду нужные станки и почти все детали машины делал сам. Пончик шарилась по музейным хранилищам и библиотекам; одержимость Витто оказалась заразительна, и девушка помогала ему с таким рвением, что можно было подумать, что ей эта машина интересна не меньше. Или что она любит Витто Нуова.

Прошло чуть больше года. Машина, найденная чокнутым Тремейном на островке среди вековых льдов, запечатленная им на сотнях рисунков и чертежей, была почти восстановлена. Она стояла в центре пустого цеха, странная, беспомощная и недвижимая, потому что все, что можно было сделать, конструктор сделал, но этого было недостаточно.

-Кажется, ты не очень любишь холода? – Спросил он Пончика, протягивая ей пару толстых вязаных носков.

-Если ненадолго, то потерплю. – Улыбаясь, ответила она.

Они отправились в экспедицию, маскируя свои цели намерением повторить путь снежных первопроходцев, создавших научную школу, к которой принадлежал и сам Витто. Им удалось даже получить самолет.

После нескольких недель поисков островок, маленький и пустой, нашелся. С ними произошло то же самое, о чем писал Тремейн: сначала в сумасшедший пляс пустилась стрелка компаса, потом отказали все приборы самолета, и неведь откуда взявшиеся ветра, дующие, казалось, со всех сторон сразу, затащили их в свистящую сеть и поволокли за собой. Самолет отпустили неожиданно, будто выронили, в этот момент облака разошлись, и Витто со спутницей увидели внизу остров.

Сев на скованную льдом землю, люди не сразу решились покинуть кабину самолета. Витто что-то обдумывал, Пончик растирала ладонями застывшие щеки.

-Как ты думаешь, кто это все-таки был? – Задал свой вопрос конструктор.

-Точно не знаю, - отозвалась девушка. – У нас не принято обсуждать эту тему. Людям неприятно сознавать, что они не первые, кого выносила утроба этого мира, что у планеты и до них были хозяева.

-Значит, все эти легенды о древних, ушедших, старших – как их только не называли! – на самом деле подлинная история?

-Витто, - Пончик сняла шапку и пальцами причесала блестящие темные волосы, - я тебе как историк могу сказать: подлинная история – это то, что здесь и сейчас и именно с тобой. А все остальное – это уже чужая история, и не надо путать ее с реальными событиями.

-Понял. Как думаешь, почему они оставили все это? Почему не спрятали получше, не уничтожили?

-То, что уничтожено, никогда не станет тайной. – Улыбнулась Пончик, завязывая шапку под подбородком. – Может, они хотели удивить нас. А может, просто забыли. Ну что, ты не передумал? Если нет, тогда пошли, пока разрешают.

Они покинули свой маленький самолет, неизвестно как выдержавший хватку ветров, и пошли вглубь островка.

В этот момент картинка зарыбила, задергалась, словно передаваемые воспоминания стали невыносимы для Витто Нуова, и Николас мог видеть и слышать лишь обрывки происходившего. Серебряный шарик солнца, зависший низко над горизонтом, скалы, смыкающиеся в подобие арки. Ледяная галерея, уводящая вниз, залы и переходы. Лед, зеленовато-голубой, искажающий и без того странные очертания того, что несчетные века стыло под ним - Николас так ничего и не смог разглядеть, как ни пытался. Еще зал, и посреди него – машина, точь-в-точь с рисунков Тремейна. Вросшая в толщу льда, неподвижная... Картинка задергалась еще сильнее, Николас еще успел увидеть застывшее лицо девушки со смешным прозвищем Пончик, покрытое инеем, ее широко открытые глаза, опущенные снежной бахромой, а потом все расплылось и погасло.

-Никому не нужно знать об этом. – Услышал Николас откуда-то издалека.

Время Роя: пора жатвы, год от первого Воплощения 341

Время Людей: октябрь, 1981 год

Становится явным

Витто Нуова вернулся из северной экспедиции один, однако не с пустыми руками. Он не стал утруждать себя объяснениями с кем бы то ни было и заперся в своем цеху. Еще месяц работы – и в последний день года конструктор закончил свой труд. Он слишком дорого заплатил за него; теперь он понимал, что бесконечные рисунки чокнутого Тремейна – всего лишь способ удержаться от попытки воссоздать машину, ему же самому останавливаться было поздно.

Витто знал, что его машина не есть точная копия той, подлинной, что часть деталей он придумал сам, часть конструкции досочинил тоже он, а кое-что ему так и вовсе приснилось. Кроме того, у него не было управляющего блока; процессоры такой мощности были пока что отдаленным будущим. И что также немаловажно, он так и не приблизился к пониманию того, что составляло назначение этой машины. Пончик, когда еще была жива, в шутку называла ее «перводвигателем». Витто очень скучал по ней, без нее он чувствовал себя не просто одиноким, он словно был потерян и забыт, и никто не беспокоился о том, чтобы его найти.

Прототип управляющего шлема Витто смастерил на основе позаимствованного в лаборатории физиологии мозга прибора для снятия электроэнцефалограмм, переходников, приспособленных из украденных еще год назад артефактов, и еще одной детали, привезенной из северной экспедиции. Получилось нечто устрашающее на вид, но вполне удобное на голове; Витто уселся в свое любимое рабочее кресло, надел шлем. Он уже позволял себе пробные пуски, когда машина работала неосознанно, вхолостую прокручивая весь механизм. Конструктор прикрыл глаза, успокаивая дыхание. В памяти всплыли картинки прошедшего лета, теплые и отрадные: Пончик, сидящая на его балконе, задрав загорелые ноги на балконное ограждение, в ее руке мороженое, оно тает, капая на ее майку... долгий ягодный закат, светлые тени и потемневший свет, наполняющие комнату, красное вино, перелитое через край бокала... и снова Пончик, одетая в рубашку конструктора, сидит в развороченной кровати, в гнезде из подушек, сосредоточенно просматривает статью Витто и с упоением черкает по тексту красной ручкой, смеясь над его неграмотностью.

Витто открыл глаза. Холодный, едва обжитый цех, серые стены, металлический пол, неживой свет длинных ламп. «Зачем?!» - Он сам чуть не засмеялся, настолько запоздалым и беспомощным был этот вопрос. «И вот ради

этого?!» - Приходится признаться, что да, что жизнь разменяна по весьма невыгодному курсу, и назад не отыграешь. В день, когда все люди радуются самому детскому празднику, идут в гости, нагруженные подарками, или сами ждут гостей, в сотый раз проверяя сервировку стола и отщипывая кусочки повкуснее от выставленных лакомств, он сидел здесь один, никому не нужный, как закатившийся в угол винтик. «Да пропади оно все пропадом!» - и Витто Нуова запустил машину. Эта его последняя человеческая мысль, усиленная шлемом, пошла волной, разгоняясь и возрастая. Она отталкивала диссонирующие радостные мысли, а встречая себе подобных, подхватывала их мрачные, завистливые, тоскливые обертоны, вбирала в себя, тяжелела и расцветала.

Крупичи горечи во всеобщем празднике как стебельки гвоздики в медовой коврижке: неплохо оттеняют вкус, но не дай бог попадутся на зуб – придется долго отплевываться.

Ленхен поднималась по широким ступеням, тяжеленные сумки тянули ее вниз, заставляя сутулиться и задыхаться, богатая меховая шапка сползла на глаза. «Сегодня праздник, - уговаривала она себя, - можно и потерпеть».

Терпение вообще было козырной картой Ленхен. С детства она усвоила, что терпение и труд все перетрут, и никогда не уставала следовать этому правилу. Тяжеловесная отличница, примерная дочь, достойная молодая сотрудница. Красотой Ленхен не блистала, миловидное личико рано застыло в маске спокойного внимания, тело, не знавшее танцев до упаду и бессонных ночей, отяжелело и оплыло. Она словно не жила, а оформляла ведомость своей жизни. Все заслуживающие внимания графы были заполнены должным образом: квартира в престижном районе, работа в уважаемом учреждении, респектабельные санатории, шуба в пол и бриллиантовые серьги. Только вот там, где читалось странное слово «счастье», в ведомости Ленхен зияла пустота. Когда в ее жизни появился Эрвин, возникла надежда, что это будет исправлено.

Эрвин был единственным и обожаемым сыном. Его мать, возглавлявшая издательство учебной литературы, неумолимая и неумоляемая как лавина, поначалу сделала все, чтобы убить надежду Ленхен. В ход было пущено все - оскорбления и скандалы, уговоры и истерики, угрозы и мольбы. Ленхен вынесла все. Что касается Эрвина, то он с самого начала повел себя как сторонний зритель, спокойно и не без интереса наблюдающий за женскими боями в грязи. Невзрачный, вечно бледный, переутюженный научный сотрудник среднего звена волей случая стал заветным призом для двух

одиноких, увядающих женщин. Когда Ленхен стала его неофициальной женой, у матери, этой железобетонной леди, отказали ноги, и она слегла. (Не иначе, как из вредности, осмелилась подумать Ленхен.) Они продолжали жить каждый в своей квартире, каждый со своей матерью, каждый своей жизнью. И, тем не менее, их считали парой, прощали неформат брачного союза, жалели и недоумевали.

Сегодня Ленхен и Эрвин должны были встречать вместе новый год. Ленхен еще накануне вместе с матерью встала к кухонной плите, чтобы отметить это событие должными изысками и деликатесами; и вот теперь она перла – иначе не скажешь – это великолепие, спрятанное в контейнеры и судочки, в двух невыносимо тяжелых сумках, к дверям квартиры Эрвина. «Мама уснет, со снотворным она спит крепко, и мы сможем побыть вдвоем», - сказал он в телефонную трубку своим вечно тихим голосом. «Приходи часам к восьми».

Ленхен поставила сумки на пол, отдышалась, поправила шапку. И осторожно надавила кнопку дверного звонка. Дверь приоткрылась, показалось длинное лицо Эрвина.

-Мама еще не уснула! – прошипел он с нескрываемым раздражением. – Ты слишком рано! Подожди здесь.

И закрыл дверь. Ленхен стояла, опустив руки, похожая на оплывающий потом меховой столб, глотая слезы. Мимо проходили веселые, смеющиеся люди, они тоже шли к кому-то в гости и радовались этому, несли подарки в цветной бумаге, пушистые еловые ветки, санки; некоторые с сочувствием поглядывали на стоящую у закрытых дверей женщину. Жизнь шла мимо, и все заслуги Ленхен для нее ничего не значили. Она взяла сумки, чтобы отойти в угол площадки, и больно прищемила и без того намятую ладонь, выронила сумку, там что-то звякнуло, похоже, разбилось... «Да пропади оно все пропадом!» - И у Ленхен перехватило дыхание от впервые в жизни захлестнувшей ее ярости. В ушах у нее зазвенело, все поплыло перед глазами, и будто волна горячего воздуха прошла сквозь нее, оплавляя, будто грошовую свечку.

Тим поднимался по широким ступеням, легкий рюкзак даже не оттягивал плеч, в руках он нес сверток с новогодним подарком, сделанным для матери одного из самых невыносимых сослуживцев. Палисандровая шкатулка с наборной крышкой для двух карточных колод; карты были старинные, большие, мать Эрвина (так звали сослуживца) любила раскладывать

замысловатые пасьянсы. Тим сделал шкатулку как все в своей жизни – с любовью, красиво, умело и задешево.

Тим вообще много что умел; один дед, краснодеревщик, обучил его основам своего ремесла, а тонкости Тим освоил сам. Другой, автомеханик, научил разбираться в машинах, и теперь каждый автовладелец факультета считал своим правом просить Тима о помощи. Еще Тим умел работать с кожей и металлом, готовил не хуже ресторанного шеф-повара средней руки, неплохо (по своим скромным меркам) фехтовал, и много что помнил из курса медицинского училища, откуда он ушел в армию, да так и не вернулся назад.

Невысокий и подвижный, Тим напоминал тощего уличного кота, нрав у него был подходящий, неунывающий и веселый, а длинные волосы вполне могли сойти за хвост. Так же, как и уличный кот, он вполне мог постоять за себя во всем, кроме денег – тут он делался чем-то вроде теплого пластилина, который можно было давить без усилий. Тим был просто не в силах просить за свою работу достойную цену, ему было не по себе и стыдно, он чувствовал себя каким-то самозванцем, требующим невозможного. И он довольствовался третью заслуженного, а люди крутили пальцем у виска, но переубедить Тима не пытались.

Шкатулка для карт далась ему нелегко; да и как прикажете работать, когда мало того, что заказ сделан всего за неделю до праздника, так еще в тот же день жена объявляет вам, что сыта по горло жизнью с бессребреником и развод – решенное дело. Тим не винил ее, в общем, он понимал, что не оправдал и не дотянул, но и ломать себя не собирался. Он шел по праздничным улицам, витрины истерично подмигивали ему неоновыми глазами, встречные обдавали смехом и запахом вина, легкий снег щекотал лицо. Обычно в таких обстоятельствах Тим напевал про себя какую-нибудь подходящую песню, и был вполне доволен жизнью, но сегодня в его мыслях было невесело и тихо. Эрвин, заказавший шкатулку, был и раньше не особо симпатичен Тиму, а сейчас так и вовсе вызывал отвращение. «Тощая моль» и «бледная поганка» – это были самые приличные слова, которыми он наградил его по дороге. «И чего я так разбежался с этой шкатулкой?» – Недоуменно спрашивал Тим сам себя. «Я собственный развод пропустил из-за этого заказа, чтоб ему!..»

Тим поднялся к квартире Эрвина, отметил стоящую с двумя сумками женщину в тяжелой шубе, и коротко позвонил. Через пару секунд Эрвин высунул свое похожее на обмылок лицо, кивнул, не дав себе труда поздороваться с Тимом, ткнул ему в руку сложенные банкноты и выхватил сверток со шкатулкой. И закрыл дверь.

Тим стоял перед закрывшейся дверью, и было ему гадко и тошно. Не то, чтобы он ждал от Эрвина благодарности, но хотя бы на вежливость все же рассчитывал. Бумажные деньги казались скользкими, и он сунул их в карман, не пересчитывая (а зря, Эрвин всегда был неточен в свою пользу). Вспомнилось разочарование в глазах жены, ее слова, сказанные в сердцах, но от души; за спиной раздался подавленный всхлип – кажется, дама в шубе тоже жизни не радовалась. И в этот миг веселье в душе Тима вдруг разом погасло, этот бессильный всхлип погасил праздник как мокрые пальцы свечку. «Да пропади оно все пропадом...» - и тоска смерзлась в его сердце мутным льдом. Тим стиснул зубы, подавляя внезапный озноб – его будто окатили холодной нечистой водой; он впервые в жизни почувствовал, что замерз до дрожи.

Кристи поднималась по широким ступеням, мурлыча под нос глупую детскую песенку. Дома ждали мама, кот, пес и еще не наряженная елка, в сумке светились яблоки, забытые вчера и купленные сегодня. Без маминого яблочного пирога новый год не начнется, это закон. Времени еще довольно, все успеется, Кристи, – и елка, и пирог, и много чего хорошего. Вот бы еще избежать традиционного похода к двоюродному брату с его монстром-мамой - так вообще сказка наступит, но Кристи знала, что не стоит требовать лишнего. Ну, посидит она на краешке стула в гостиной, похожей на музей, ежась под презрительными взглядами портретов, съест, давясь, сухую вафельку, отдаст коробку своего имбирного печенья и банку варенья из абрикосов (последнюю, как водится, оторванную от сердца) и уйдет, унося на спине взгляд, полный обидного пренебрежения к бедной родственнице. Ну и пусть. Им же хуже, как говорит мама. Что с того, что в гостиной у них раззолоченная роскошь, и шкура медведя лежит у дивана, а кухонные шкафы ломаются от фарфора. Холодно у них, Кристи, с фарфора никто не ест, и пахнет унылой чистотой. А у нас жарится курица, заполняя всю кухню наглым запахом чеснока, ель расправляет иголки, и Принц, длинноухий спаниель, встретит тебя веселым лаем и прыжками в высоту. Так что поспеши домой, Кристи.

Под дверями у Эрвина Кристи увидела двоих опечаленных и обиженных людей. Ленхен она давно знала, а вот мужчина был ей незнаком – длинноволосый, одетый во все черное, с погасшими глазами. «Эрвин в своем репертуаре», - подумала Кристи. «Надо что-то делать».

-Привет, - немного запыхавшись, сказала она. – Ленхен, рада тебя видеть. И вас, незнакомец, тоже. Вы подождите меня минуту, я только печенье заберу, и спущусь. Я знаю, как сделать, чтобы он открыл.

-Он открыл. – Мрачно ответил незнакомец. – Но лучше бы он замуровался навеки. Я Тим, - и протянул девушке свою руку.

-Кристи-и-и... - дрожащим голосом выговорила Ленхен и не выдержала, бросилась девушке на шею и расплакалась.

Кристи глазами показала Тиму на сумки, тот кивнул, поднял их и пошел вверх по лестнице. Кристи повела Ленхен, икающую от слез, вспоминая, есть ли в маминой аптечке успокоительное, и в который раз жалея, что не плюнула в имбирное тесто.

Дома все было так, как должно, мама спокойно приняла гостей, Принц выказал явную симпатию Тиму, Ленхен освободили от тяжелой шубы, умыли, отпоили каплями и утешили. И все было бы хорошо, если бы мама не напомнила Кристи о ее долге сестры.

-Ну маааам... - заныла Кристи как в детстве, когда нужно было завязывать несносные банты и идти высиживать застолье в семье тети Молли, матери Эрвина. Еще когда был жив дядя Ансельм, ей хотя бы доставалась большущая шоколадка, когда же его не стало, остались только банты и холодная скука.

-Надо. – Пожала плечами мама. – Отнеси по-быстрому печенье, поздравь и возвращайся к нам.

И она протянула Кристи корзиночку с имбирными домиками, елками, снеговиками.

-Так это вы делаете это печенье, - вмешался Тим, заглядывая за плечо маме, - а я уже столько лет спрашиваю у Эрвина рецепт, а он все темнит, мол, бедная родственница присылает... - и он осекся.

Кристи покраснела. Это было ее лучшее печенье, она трудилась над ним целый вечер, и в глубине души надеялась, что хоть этим может понравиться Эрвину и тете Молли. А он, оказывается, относил его на работу и отдавал тем, кому не жалко, они с теткой даже не пробовали его, ни разу за все эти годы. Кристи покраснела еще сильнее.

-А варенье он тоже вам отдавал? – сдавленным голосом спросила она Тима.

-Отдавал, - покаянно признался тот. – Абрикосовое, да?

-Да. – Кристи вздохнула. – Да пропади оно все пропадом! – И она не смогла сдержать слез стыда, едких, царапающих щеки. Ее бросало то в жар, то в холод, и не хотелось никуда идти, а еще лучше вообще забыть, где живет спесивая родня, и в то же время остро желалось пойти и туда и доказать им, какие они недалекие, а она – замечательная.

Кристи, при всем своем уме, так и не научилась не зависеть от мнения о ней родни, и их пренебрежение отзывалось в ее душе тихой болью. До сего дня она не оставляла надежды заслужить их одобрение, стать не бестолковой неудачницей со спаниелем, а любимой племянницей и сестрой. Однако, похоже, она хотела слишком многого.

-А знаете, Тим, я очень рада, что все съедали вы, а не эти засранцы с третьего этажа. Ну что, мама, думаю, пришло нам время навестить родню.

Они выставили все деликатесы, принесенные Ленхен, на три подноса, Тим прихватил еще и еловую ветку, отломившуюся от праздничного дерева, Кристи взяла корзинку с печеньем. Так они и выстроились в коридоре – каждый с подносом, уставленным снедью, елка рассыпает иглы на пол, печенье темнеет из-под кружевной салфетки под локтем Кристи.

-Вы как три царя из легенды о рождении спасителя мира, - улыбнулась мама. – Цари с дарами. Идите, благословенные, - и она засмеялась, открывая им дверь.

Они спустились вниз, встали под дверью Эрвина, и Тим ухитрился позвонить. Выглянувший Эрвин изменился в лице. Такого он не ждал. Они стояли, протягивая ему праздник, улыбаясь открыто и щедро. И эта нищая кухня Кристи с ее мерзким вкусным печеньем (да, Эрвин пробовал его, и оно вправду было превосходно, что делало его еще более отвратительным), и этот придурок Тим, золотые руки и добрая душа, и Ленхен – терпеливая и всепрощающая, не женщина, а давящая повязка на рану. У Эрвина вдруг подкосились ноги, и перехватило дыхание; будто кто-то прошел по его будущей могиле. Он с трудом совладал с собой, выдавил подобие улыбки и широко открыл перед ними дверь.

-Милости прошу.

Нежданные гости тихо прошли в кухню, принялись умело и осторожно хозяйничать. Доставался из шкафов фарфор и хрусталь, блюда протирались и тут же наполнялись, что-то поджаривалось и разогревалось под присмотром Ленхен, надевшей свой фартук, Тим помогал сервировать стол в гостиной, Кристи бесшумно носилась с бокалами и столовыми приборами. Через час гостиная преобразилась. Холод, уныние и скука уползли в темные углы до лучших времен; круглый стол покрывала белоснежная скатерть, в кольцах похрустывали салфетки, белый с золотом фарфор тарелок мягко поблескивал под светом хрустальной люстры, пахло вкусной едой и человеческим присутствием. Они сели за стол вчетвером, Тим и Кристи, Ленхен и Эрвин. Закрыли плотно дверь, включили тихую музыку, ели и разговаривали,

улыбались и кивали друг другу. Тревога Эрвина улеглась, он впервые в жизни чувствовал себя радушным хозяином, принимающим в своем доме близких друзей. Рядом была Ленхен, безупречная хозяйка, которой было достаточно одного взгляда, чтобы она пошла и принесла еще вина из кладовки или поставила на плиту чайник. Был Тим, с которым было на удивление интересно беседовать. И была Кристи, оживлявшая вечер своими шутками и рассказами о своих питомцах (она работала в младшей школе). Но время шло, часы показывали уже почти два полночь.

-Благодарю за вечер. – Тим встал из-за стола. – Счастливого нового года вам, Эрвин, и вам, милые дамы, - и он поклонился.

-Тим, - Кристи смотрела на него, улыбаясь, - если я попрошусь на прогулку в новогоднюю ночь, вы согласитесь? Я всегда мечтала погулять ночью, в тихий снег... и не с длинноухим Принцем, а с длинноволосым.

Тим заглянул в глаза Кристи, - нет, она не шутила; эта неожиданно встреченная девушка искренне предложила ему шанс на счастье. И черный лед, стиснувший мертвой хваткой его сердце, треснул. Тим улыбнулся в ответ, протянул Кристи руку, насмешливо-церемонно вывел ее из гостиной. Ленхен проводила их взглядом. Ей вдруг так ясно представилось все, что ожидало этих двоих, будто она смотрела альбом с фотографиями: белые снежные хлопья, дробящие свет фонарей, хулиганское поведение Кристи, то и дело ставящей подножки своему спутнику, глубокий пушистый сугроб, смех и снег, слетевшие шапки, теплые ладони Тима на лице Кристи, зимний рассвет, крепкий сон в обнимку на диване. И много-много рассветов и закатов, и объятия, что становятся только крепче с годами... Ленхен видела, как Кристи целует ладонь Тима и укладывается на нее щекой, спать, как Тим укутывает ее плечи шерстяным покрывалом...

-Отменная парочка, - скрипучий смех Эрвина вернул ее к реальности, - неудачница и нищеврод! Ленхен, ну что ты застыла? Мой чай остыл. Пойди, подогрей.

Ленхен вдруг поняла – никогда не будет так хорошо как сейчас, никогда не повторится сегодняшняя ночь. Да что там, еще пара минут – и все вернется на круги своя. Двое счастливых ускользнули из этого царства безысходности, но ей, Ленхен Терпеливой, ничего и мечтать об этом. И Эрвин никогда не будет добрым радушным хозяином, а ей не быть его достойной любимой женой. Возможно, после смерти матери он все-таки женится на ней, но не обернется это радостью ни для кого из них двоих. И так хорошо, как сейчас, не будет уже никогда. Счастье поманило ее красивой картинкой, праздник искрящимся

снегом прикрыл будни - только для того, чтобы растаять и оставить ее, Ленхен, при своем. Но уж хотя бы это свое она должна оставить себе.

Ленхен вышла из кухни, оставив чайник на плите, бесшумно прошла к стулу Эрвина, сняла с шеи фартук и быстро накинула его верхнюю лямку на горло своего безнадежно любимого мужчины. Она держала ее обеими руками, уперев колена в спину Эрвина. Тот сильно вздрогнул от неожиданности, потом принялся дергаться, хватаясь руками за врезавшуюся в шею лямку фартука, сучить ногами; кричать не получалось, изо рта Эрвина вылетал только хрип. Ленхен стояла за ним, спокойно улыбаясь, не ослабляя хватки, глядя куда-то вдаль. Эрвин всегда был слабаком; вот и сейчас хватило минуты с небольшим, чтобы он обмяк и расплылся на стуле, свесив голову набок. Ленхен аккуратно сняла с его шеи лямку и снова надела фартук, завязала тесемки сзади бантиком и вернулась на кухню. Чайник как раз закипел, высвистывая носиком несложную песенку. Заварив лично себе чашку чаю, Ленхен села напротив Эрвина, сначала усадив его попрямее, положив бессильные руки на стол и уложив неприлично вывалившийся язык в рот. Она пила чай с абрикосовым вареньем Кристи, глядя, как тихо падает снег за окном.

«Да пропади оно все пропадом!» - воистину, это было не самое лучшее настроение для начала любого дела. Уж лучше отложить все в сторону и отойти подальше, до лучших времен.

И уж тем более стоит остановиться, если эта мысль отражается в десятках, сотнях, тысячах сознаний, когда она рикошетит со все увеличивающейся силой, так, что у хороших и добрых людей в самый разгар праздничного веселья вдруг гаснут глаза, опускаются руки и внезапная тоска подступает к сердцу. Этот дурной унисон расширялся и набирал обороты, и мысль Витто вернулась к нему как вольноотпущенница, сильная и независимая, вполне способная подмять под себя прежнего хозяина.

Поначалу ничего особенного не случилось; машина, разбуженная разумом Витто, осознавала себя постепенно, не торопясь и не пугая резкими выходками. Поэтому когда конструктор понял, во что он ввязался, было уже поздно. Машина, сочтя мозг Витто вполне подходящим вариантом управляющего блока, для начала усыпила человека, чтобы никто не мешал ей проводить процедуру подключения.

-Когда она позволила остаткам моей личности проснуться, я уже был ее деталью. И мог только созерцать все происходящее, без надежды на самостоятельное управление процессом.

-Да что это за процесс такой? – Не выдержал Николас.

-Сейчас объясню. – Странно было видеть проступившее даже на каменном лице сосредоточение. – То, что мы находимся именно здесь – совсем не случайность. Изначальные настройки машины и мое эмоциональное состояние на момент подключения диктовали ей быть там и тогда, где несчастья человеческие переходили все границы. И она перенесла себя в то время, что стало для нас самым мрачным воспоминанием, той самой страницей в учебнике истории, которую пролистывают побыстрее, ибо нет в ней ничего хорошего. И уже там, в нашем и вашем общем прошлом, разделила себя на две части – одна выполняла работу по созданию тех, кого вы назвали детьми Роя, вторая выпускала их туда, откуда они пришли. По моему прежнему летоисчислению, которое вы сейчас называете Временем Людей, это был 1640 год. Именно тогда наши времена разошлись; я покинул свою историю и стал частью вашей.

Витто помолчал несколько минут и неохотно продолжил.

-Эта машина притягивает зло, Николас Бром. Если человек проживает свою жизнь так, что день его смерти становится для знавших его людей радостным, если воспоминания о нем мрачны и неприятны, тогда его душа – назовем это так, старые термины просты и удобны – направляется прямиком к машине, она для нее как стальная болванка для токарного станка. Дело машины – убрать все лишнее.

-Осколки в пещере отходов, - догадался Николас, - это остатки добра в темных душах, ведь так? Даже в них оно есть, по чуть-чуть, незаметными при жизни вкраплениями... осколки совести, иглы сочувствия, капли щедрости...

-Именно так. Все это машина убирает, доводя новый образец до совершенства. И после надлежащей обработки в Рое появляется новая белладонна, или кромешник, и имя им – легион.

-А потом в свой час они возвращаются туда, откуда пришли. И несут с собой - ну, что несут, то и несут. Ни больше, ни меньше. Какой-то дурной круговорот, мастер Нуова.

-Который мог бы иссякнуть, но лишь пополняется с того самого дня, как я сел на свой трон. – Витто замолк. Раздался едва слышный треск и по проводам, растающим в его солнечное сплетение, пробежала искра. – Вот так. Скоро еще одной бестией в Рое станет больше.

-Неужели ничего нельзя исправить? - Оглянулся Николас. – Любая машина не вечна и уязвима.

-Кроме этой. Поверьте мне, я ее часть.

-Тогда, может быть, ее можно перенастроить?

-Я думал и об этом. Практически не осуществимо. Машину нужно сначала остановить, а ее пусковой ключ принадлежит Рою. Ты видел церемонию передачи власти от клана к клану. Помнишь, что символизирует власть у детей Роя?

-Кинжал, который Иероним вытянул из своего горла? И спрятал в животе Гайи?

-Да. Горго спрятала бы его немногим ниже пупка, Иона в области сердечной мышцы – никто не назовет это сердцем, а твой отец в паху. Тайниками служат самые важные нервные узлы, которые блокируются каждым кланом персонально.

-Понятно. Значит, если я вернусь сюда с ключом, есть надежда остановить и перенастроить машину?

-Возможно. Но когда ты остановишь ее, я остановлюсь вместе с ней. Это не должно смущать тебя, Николас, я давно мертв, считай, что ты просто вывернешь перегоревшую лампу. Однако чтобы вновь запустить машину, тебе понадобится новый процессор на место сгоревшего. И я догадываюсь, что ты не торопишься занять мое место.

-Но я могу добыть настоящий. Там, где вы нашли прототип машины.

-Только не это. – Голос Витто наполнился ужасом. – Я не вправе просить тебя о спасении своей души ценой твоей жизни. Не надо, Николас Бром, ты не знаешь, о чем говоришь.

-Ну да, вы о многом умолчали. Понимаю, что не со зла. Но, - и Николас усмехнулся, - Пончика у меня нет, есть только злющая фея, и я не боюсь холода. Я найду ваш прототип, Витто. И привезу управляющий блок.

-Кто я такой, чтобы противиться случаю? – вздохнул Витто. – Я попытаюсь вам помочь, Николас. Подойдите ближе и опуститесь на колени.

Николас выполнил просьбу. Подняв лицо, он смотрел на возвышающегося над ним. Из закрытых глаз Витто заструился свет, холодный и красный, как кровь ледяного великана, дотянувшись до лица Николаса, свет замерцал и кожу человека разом обожгли тысячи иголок.

-Вот и все. Поднимайтесь. Это моя печать, печать Отверженного. Ведь именно это слово первым вспыхнуло в вашем сознании, когда вы увидели меня. Трудно ошибиться, ведь так? Кромешные подземелья Роя, каменный трон, человекоподобное существо, рога, наконец... Мои дети действительно зовут меня Отверженным. А теперь на вашем лице моя печать, и ни один из моих детей не вправе повредить вам или отказать в просьбе. Но будьте осторожны, они бывают на редкость хитры и изворотливы.

-А как насчет людей? – Лицо механика горело, будто его отхлестали по щекам крапивой.

-Это не для их глаз. Но влиятельности она вам прибавит.

-И какова цена?

-Разумный вопрос. Цену вы сами почувствуете, Николас Бром, не сразу, но в обозримом времени. Когда вы вернетесь ко мне, я сниму печать. Вернее, она уйдет сама, вместе со мной.

-Я обязательно вернусь, - Николас подошел совсем близко и прикоснулся к каменному плечу Витто. – Обещаю.

-Я буду ждать. А сейчас идите, Николас, тот, кто привел вас сюда, скоро проснется. Сверните ему шею, пока он спит, - иначе он расскажет слишком много Ионе. А он и без того зарывается в последнее время.

Подъем наверх не всегда труден, бывает и так, что ноги сами несут тебя, будто на них надеты крылатые сандалии. Николас без труда нашел дорогу в пещеру, заваленную по колено огрызками добра. Тритон безмятежно похрапывал в коридоре, там, где его оставили. Механик неслышно присел рядом, опираясь на одно колено. Его сильные пальцы сомкнулись на дряблой шее, одно резкое движение, тихий хруст – и дело сделано. Проще простого, особенно, если у тебя на лице печать Отверженного. Николас отнес тритона в пещеру, закопал его в куче осколков, набил ими же внутренний плотно застегивающийся карман. И направился к выходу из подземелья, искренне желая оказаться подальше от этих мест.

Он вышел из-за холодильника в ресторане «Тихой заводи», озираясь по сторонам – не выскочит ли из-за двери приставучая девица в школьной форме? Девица не выскакивала, и Николас Бром спокойно направился к барной стойке, где по-прежнему хозяйничал Эрик Хартманн.

-Переждал осаду? – Усмехнулся рыжий врач. – И попутно узнал что-то новое, судя по выражению лица. Выпить хочешь?

-Это первый глупый вопрос, который я слышу от тебя, Эрик. Наливай уже. Пока я твою лавочку не разнес.

-Понял. – И врач протянул механику высокий бокал, полный до краев.

Время Роя: пора пепла, год от первого Воплощения 341
Время Людей: ноябрь, 1981 год

Тихий омут

В ноябре Николас часто устраивал свою фею во внутреннем кармане куртки и уходил гулять в лес, возвращаясь в «Тихую заводь» только к ужину. Однажды во время одной из таких прогулок он остановился, присел на поваленный древесный ствол, вытащил из кармана фляжку, глотнул, перевел дыхание. Хэли, убаюканная мерной ходьбой, проснулась, вылезла из уютного тепла и перебралась во внешний карман.

-Посмотри, - обратился к ней механик, - весь мир стал переплетением черных голых веток в белом воздухе. Листва под ногами темная и мокрая, деревья дышат совсем тихо, а туман как холодное молоко. Не понимаю, почему это время назвали временем пепла. Это время тумана. И черных веток.

-Потому что среди паразитов поэтов не водится, - ухмыльнулась фея. – Ты что-то скрываешь от меня, Николас Бром. Расскажешь сам?

-Разумеется. Затем мы сюда и пришли. – Механик прикрыл ладонью фею от холодного воздуха. – Хэли, твой человек задумал очень рискованное дело. Ты со мной?

-Ну, наконец-то, - разулыбалась во весь рот фея. – А я уж думала, что ты скис, почил на лаврах. Давай рассказывай уже!

Николас вздохнул.

-Хэли, я замахнулся очень высоко. Так что тебе лучше не знать всех подробностей. Для начала ответь – ты видишь на моем лице...

-Вижу, - прервала его фея. – Уже два насморка как вижу.

-Тогда почему никто из вас не сказал мне ни слова об этом? Хоть бы поздравили, что ли.

-От злости, Николас. И от зависти. Но больше от злости.

-Ясно. Хэли, мне нужно увидеть Иону. Я собираюсь навестить его прямо сейчас. Держи себя в руках и не пытайся плюнуть ему в глаз... хотя бы пока мы не договоримся.

Николас встал, спрятал фляжку и шагнул в еле видную тень, отбрасываемую старым деревом.

Вышел он рядом с каменным столпом, возле которого копошились паразиты; Николас выбрал одного, схожего с непомерно раздутой жабой, и приказал:

-Отведи меня к Ионе.

-Господин директор занят, - просипела в ответ жаба.

-Мне назначено, - парировал механик, вспомнив свои былые мытарства в финансовых подразделениях завода.

Жаба недоверчиво пожевала ртом-кошельком, потом повернулась спиной и запрыгала вглубь столпа. Николас пошел следом.

Иона сидел за массивным письменным столом в комнате, стены которой до половины были выкрашены в тошнотворный горчичный цвет, а выше - плохо побелены. Единственное окно выходило на узкий двор, заваленный ржавым железом. На столе Ионы, обитом в центре коричневой клеенкой, в образцовом порядке были разложены бумаги, пухлые папки с тесемками, письменный прибор, дырокол, несколько амбарных книг, настольный календарь и ежедневник. По правую руку от главы паразитов стоял железный сейф, выкрашенный в серую краску, придавленный сверху невероятным количеством папок с бумагами. Напротив стола рассыхался стул для посетителей, от одного вида которого становилось понятно, какого мнения хозяин кабинета о посетителях вообще. Сам Иона сидел в выдавшем виды кожаном кресле. В кабинете было мертвенно тихо, пахло мышами и пылью; любое вошедшее сюда живое существо немедленно чувствовало смертельную тоску и осознавало тщетность всех своих притязаний. Николас аккуратно прикрыл за собой дверь, прошел к окну и уселся на подоконник, отодвинув от себя иссохшее колючее растение.

-У меня сегодня не приемный день, - бесстрастно сообщил Иона, оторвавшись от изучения какого-то документа с печатями.

-Как и вчера, и завтра, и во веки веков, шемхамфораш. – Николас махнул рукой. – Иона, отложите в сторону ваши бумаги и выслушайте меня. Чтобы потом на собрании не говорить, что вас не поставили в курс дела, и вам необходимо ознакомиться со всеми документами.

-Я вас слушаю. - Паразит нехотя отложил листок в сторону.

-Иона, мне нужен ваш ключ. Не делайте такого лица, вы меня прекрасно поняли. Тот, что вы держите у себя под сердцем.

Иона откинулся на спинку кресла, сложил руки на животе, переплетя пальцы.

-Замечательно. А больше вам ничего не нужно?

-Нужно. Мне нужна ваша поддержка, вас и вашего клана.

-Как интересно. Продолжайте.

-Если бы у меня не было вот этого, - и Николас обвел пальцем один из контуров печати Отверженного, - что бы вы со мной сделали?

-Ничего особенного, мы предпочитаем испытанные и проверенные временем приемы и методики, - пожал плечами Иона. – Но для вас несомненная удача заполучить это отличие.

-И было бы глупо им не воспользоваться.

Николас спрыгнул с подоконника, подошел почти вплотную к Ионе и тихо заговорил. Лицо паразита сначала не выражало ничего, потом брови его поползли вверх, бледный рот приоткрылся в изумлении.

-Вы с ума сошли, Николас Бром.

-Ничего подобного. Иона, подумайте, в любом случае вы ничего не потеряете. Сам по себе ключ мне без надобности, да и вам тоже, парадная регалия, не более. Но то, что я смогу сделать с его помощью, - механик развел руками, - может изменить многое, причем с большой вероятностью в вашу пользу.

-Вы пришли ко мне первому?

-Даже если вы мне откажете, я не пойду более ни к кому. Ни один клан не в силах перевесить ваш. А договариваться с четырьмя вожаками сразу – благодарю покорно.

-Я подумаю над вашими словами. – И Иона демонстративно потянул к себе толстенный гроссбух. И добавил, когда Николас выходил из кабинета: - И сделайте милость, больше не ломайте шеи моим подчиненным.

В назначенное время ритуал, уже виденный Николасом, повторился с той лишь разницей, что вперед вышли Иона и тот, кто был его отцом. Иона, поставив наземь свой портфель с окованными уголками, поднес руку к левой стороне груди и после пары спокойных выдохов вытянул оттуда кинжал, символ власти. Николас стоял поодаль, наблюдая за происходящим, ничего не ожидая и едва дыша. Иона тщательно вытер лезвие белым носовым платком и, даже не посмотрев на главу клана кромешников, развернулся и шагнул навстречу его сыну.

-Прошу, - и он протянул кинжал Николасу.

Дети Роя замерли; такого не ожидал и не предвидел никто, поступок Ионы будто парализовал их. Николас принял кинжал, убрал его в узкие ножны,

задолго до того добавленные на пояс с инструментами. И приготовился ответить.

-Ну и дела, - пропела Горго. – Что творится на белом свете...

-Николас. Ты с ума сошел. И Иона выдал тебе подтверждающую справку. Если не так... - Иероним шагнул к механику. – Что ты о себе возомнил?!

-Ты не причинишь мне вреда. – Спокойно ответил Николас Бром.

-Да ну?! И почему же? Уж не потому ли, что старая рухлядь, сидящая в каменном яйце, подарила тебе пару завитушек на физиономию?

-А еще потому, что мы друзья. – И механик подмигнул белоглазу.

Иероним зарычал и оскалил длинные белые зубы; он выглядел как собака, у которой пытаются отнять кость. Внезапно он захлопнул пасть и расхохотался. И столько издевки было в его хохоте, что Николас поежился.

-И ты впрямь поверил, что это тебе поможет? Что эта, как ее, печать уберезет тебя здесь, в сердце Роя? Ты еще больший дурак, чем я думал! – И он снова засмеялся. И пошел на Николаса, облизываясь.

Если механик и дрогнул, то лишь на секунду, и ничем не выдал своего колебания; он стоял, не шелохнувшись. И только фея, притаившаяся в его нагрудном кармане, тихо пискнула и зажала себе рот руками. Белоглаз шагнул раз, другой, третий; и когда до механика оставался какой-то метр, замер, роняя черную слюну, и отступил.

-Какой храбрый человечек. И умный. – Проворковала Горго. – Что, Иероним, не вышло?

-Не вышло, - с сожалением откликнулся белоглаз. – Он слишком уверен в себе. Да еще эта печать, ни горло порвать, ни живот вспороть.

-Николас. – Подал голос Гайя. – Объясните, что вы затеяли.

Механик перевел дух; кажется, у него появился шанс.

-Уж кому-кому, а вам, Гайя, стыдно спрашивать. – И Николас посмотрел прямо в бесстрастные птичьи глаза охотника. – Вы знаете, что восстание части светлого круга против создателя – не более чем великолепная легенда. Но я слишком долго прожил с этой легендой, она в крови у каждого человека, пусть даже и неверующего. Слишком близка по духу. И если однажды взбунтовался он, - и механик кивнул в сторону, - то рано или поздно кто-то встанет против него.

Выражение лица Иеронима после этих слов стало непередаваемо.

-Он стар, устал и разочарован. Я, Николас Бром, займу его место.

-Ах вот оно что, - Гайя щелкнул клювом. – Так значит то, что сейчас происходит, это...

-Переворот, мятеж – называйте, как хотите. Я понимаю вас, Гайя, не очень-то это похоже на те мятежи, в которых вы участвовали, - Николас усмехнулся.

-Я горжусь тобой, сын. – Глава клана кромешников вышел вперед. – Я не ошибся в тебе. Признаюсь, до поры меня смущали твоя невозмутимость и умение довольствоваться малым. Но теперь мы все свидетели, - и он обвел своим немигающим взглядом собравшихся, - что под твоим спокойствием тлеет невыносимая гордыня. Иди, сын мой. Делай, что задумал.

Николас покачал головой.

-Вы не поняли. Я не собираюсь останавливать машину Отверженного и присваивать себе его труд. Мне нужна настоящая машина, первоначальная, а не жалкий ее вариант. Я найду ее и запущу, чего бы мне это не стоило. Я знаю, как работает машина жребиев, и уверен, что мне удастся обойти правило часа воплощений, и мои подданные будут свободны являть себя миру. И вот тогда мы и померяемся силами; если вы захотите – оставайтесь здесь, в изначальном Рое. Мне будет лестно объявить войну старым друзьям.

Главы кланов молчали, глядя на механика как на невиданную прежде диковину. Ни их лицах читались удивление и предвкушение.

-А если вы потерпите поражение? – Горго так внимательно рассматривала свои драгоценные кольца, будто не особо и интересовалась происходящим.

-Тогда Хэли принесет кинжал обратно. Тяжеловато для нее, но она согласилась. Я не думаю, что машина отпустит меня живым в случае неудачи.

-Вы хоть знаете, где искать? – Спросил Гайя. – Мы вам помогать не будем, слишком чревато так раскачивать весы.

-Знаю. Отпустите Хэли со мной, хватит и такой помощи.

-Не думаю, что она расстанется с тобой, когда на кону такой куш, - Иероним усмехнулся. – Вылезай, сестричка. Я так понимаю, ты обо всем знала. И оставила это знание при себе. Умница. И ты хорош, Николас. Выспросил все у старика Витто, высмотрел все его воспоминания, получил печать – и вот какова твоя благодарность. Вы достойная пара, чего уж там.

Фея высунулась из кармана и украдкой показала белоглазу кукиш.

-Кто скажет шемхамфораш? – Спросил, потирая руки, Иероним. – Формально власть перешла к кромешникам, и если никто не станет придирается к тому, что ритуал не был завершен должным образом, то слово за вами, Исиро.

Отец Николаса кивнул. Остальные также ограничились молчаливым согласием.

-Николас Бром. – Кромешник обратился к сыну. – Мы отпускаем тебя и будем рады встретиться снова – врагом ли, союзником. Каждый сам выберет, оставаться в старом Рое или переходить в новый. Ты принес нам возможность игры, и мы благодарны тебе. Иди, и пусть тебе сопутствует удача. Шемхамфораш.

-Шемхамфораш. – И пятеро детей Роя благословили Николаса Брома, одновременно подняв руки в прощальном жесте.

Время Роя: пора осколков, год от первого Воплощения 341
Время Людей: декабрь, 1981 год

Свобода выбора

Прошло около месяца, как Николас Бром, распрощавшись с «Тихой заводью», медленно, но верно продвигался к своей цели. Сначала он вернулся в город, навестил свой банк и подчистую снял все, что накопилось за годы работы, включая немалое вознаграждение от директора Линдемманна. Потом с неделю провел в библиотеке, изучая карты и сводки метеорологов. В итоге Николас понял, что даже его немалых средств не хватит, чтобы в одиночку добраться на север, к вечным льдам.

Ветреным морозным вечером механик Бром возвращался домой, ломая голову над тем, как бы вывернуться из сложившихся обстоятельств. Его невеселые мысли прервал дружеский хлопок по плечу и приветственный возглас.

-Здорово, Николас! Какими судьбами?

-Здорово, дружище! Рад встрече! – И Николас крепко пожал руку Глену, с которым был знаком еще по университету. – Что, бар у старика Римуса еще не закрылся?

-Ты что, такие места до рассвета открыты. Пойдем? А то можно ко мне, жена будет рада тебя видеть.

-Не стоит ее беспокоить. Старик Римус – то, что надо. Двигай, что ли. Холодища же.

В прокопченном полумраке бара двигались смутные тени посетителей, официантов, самого Римуса, звучала хриплая музыка из старого приемника, потрескивали в камине поленья. Старые приятели не могли наговориться.

-Кстати, Николас, - Глен опрокинул пивную кружку и постучал по столу, - ты показался мне чем-то озадаченным. Что, какая-то машина отказывается открыть тебе свое сердце?

-Нет. Я тут кое-что задумал, Глен. И столкнулся с тем, что мир вовсе не так открыт и обитаем, как нам мнится.

-Куда собрался?

-На север. В царство ледяных великанов, - невесело пошутил Николас.

-Любопытно. – Глен отодвинул в сторону кружку со свежим пивом, невесть как появившуюся перед ним. – На север, значит. А как, по-твоему, район хребта Кадат - это достаточно северно?

-Кадат? Глен, почему именно этот район?

-Да потому, что туда отправляется экспедиция, на дрейфующую станцию. Там такое несчастье приключилось, штатный механик заболел, уж не знаю, как такое просмотрели в медкомиссии, короче, еле успели на вертолете его на большую землю отправить. Но оставлять всю станцию без механика, сам понимаешь, никак нельзя. Вот наши университетские и направили своего.

-Повезло ему.

-Не скажи. – Глен отхлебнул из кружки. – Парня вчера в больницу увезли. Девушка его бросила, ну, он и запил печаль, да в таком виде в мотор и полез. Жить будет, и к работе вернется. Но попозже, сам понимаешь. И никаких экспедиций, разумеется, разве только в перевязочную.

-Красивая девушка была? – Зачем-то спросил Николас.

-Красивая. Яркая брюнетка, волосы ежиком и серьги еще такие приметные – мелкие синие цветочки и черные ягоды, гирляндой до самых плеч. Даже я запомнил, - качнул головой Глен. - Я вижу, ты понял, к чему я клоню. Даже заулыбался.

-Рекомендации нужны?

-Тебе - нет. Думаю, они еще и ковровую дорожку расстелют.

-Никакой логики, - Николас поднял кружку. – Опять случай. Для меня, впрочем, счастливый.

В руководстве проекта Николаса Брома приняли с распростертыми объятиями и включили в состав экспедиции, даже не поставив в известность тех, кто ждал его прибытия в вечных льдах, у подножия горного хребта Кадат. Неделя, отведенная на сборы, пролетела одним суетливым днем, и вот однажды утром механик Бром проснулся в скромном номере гостиницы неприметного северного города, откуда выходил их корабль. Он должен был доставить их до

границы льдов, неподвластных даже стальной машине ледокола. Там с палубы поднимался вертолет и нес людей к ангарам и домикам научной станции, приютившейся на льдине, неощутимо двигающейся по водам северного океана.

-Проснулся? – Скрипучим голосом осведомилась фея, выглядывая из шерстяного носка, повешенного на край кровати. – Когда все закончится, поедем на юг. У меня здесь даже мысли мерзнут.

-Неприменно. Я простегал нагрудный карман, еще слой птичьего пуха. Не замерзнешь, Хэли, обещаю.

Николас встал, натянул термобелье, носки и подошел к окну. Там серело позднее утро, стыли в оцепенении высокие ели, падали редкие снежинки.

-Посмотри, как красиво.

Высоко в небе колыхались волны синего, зеленого, фиолетового оттенков.

-Это северное сияние. Красиво, правда?

-Да ну его. Холодища проклятая. – И фея спряталась обратно в носок.

Путь на ледоколе оказался спокоен и скучен, характер Николаса не предполагал, что он близко сойдется со спутниками, так что большую часть пути он провел у себя в каюте, изучая подробные карты местности, полученные у руководителя экспедиции. Кроме доставки на станцию механика, университет намеревался, пользуясь случаем, заменить кое-кого в прежнем составе станции, и провести ряд экспериментов.

На исходе января ледокол замер у кромки неподвластных ему льдов. Он оставался ждать возвращения тех, чья зимовка заканчивалась раньше времени. Вертолет забрал всех новоприбывших и направился вглубь станы ледяных великанов.

Научная станция располагалась в нескольких строениях, приземистых, с маленькими подслеповатыми оконцами, вросших в сугробы. Метеорологические приборы околевали от холода снаружи. Вертолет, разгоняя лопастями вымороженный воздух, опустился максимально близко к домикам. Из них уже бежали люди, приветственно размахивая руками.

-Какая честь для нас, мастер Бром! – Глава экспедиции, немолодой уже полярник, тряс руку механика больше минуты. – И какая удача! Скажите, а со снегоходами вы раньше работали?

-Неоднократно. Даже свою модификацию делал. – Николас улыбнулся – было время, когда снегоход был его любимой игрушкой. – А что, есть проблемы?

-Теперь, когда вы с нами – никаких проблем. – И полярник хлопнул механика по плечу. – Ну, прошу в общую гостиную. У нас тут все попросту, без церемоний. Пойдемте знакомиться.

Прошло не многим более двух недель, как Николас Бром вполне обжился на станции, познакомился со всеми ее обитателями и нашел общий язык не только со снегоходами, но и с другими своими подопечными. Когда он почувствовал себя спокойно и уверенно, перестал столбенеть от показаний термометра за окном и привык к периодическому клацанью мелких зубок из нагрудного кармана, пришло время достать карту и углубиться в расчеты. Разговорив экспедиционного картографа, Николас уточнил береговую линию. Вызвав на спор геодезиста и океанолога, выяснил, где и когда их дрейфующая льдина окажется ближе всего к островку, который сейчас должен быть намертво вморожен в лед. Остальное было несложно, вот только пришлось пожертвовать парой запасных перчаток. Из левой механик смастерил подобие шубы для феи: отрезал средний палец, большой и мизинец, а от указательного и безымянного срезал верхушки. Хэли влезла в это сооружение, пообмяла его и даже одобрила.

-Тебе без меня не обойтись, - заявила фея. – А без одежды я туда не сунусь, намерзлась однажды, больше не хочу.

Когда пришел долгожданный день, Николас сказал, что хочет опробовать снегоход, над мотором которого он колдовал три дня. Взял с собой легкий заплечный мешок с минимумом еды и термосом, помахал на прощание рукой и, заложив лихой вираж по плотному снегу, исчез за торосами.

Пока он ехал, снежный массив хребта Кадат высился по его левую руку; вершины гор терялись в стерильно безжизненном небе, словно сама вечность стыла в безразличии, ничего более не желая и не ожидая. Николаса ожидал путь до кромки дрейфующей льдины, немного, не более двух дней по снегу и льду, а там ему придется надеяться на удачу, поскольку приборы при приближении к месту назначения работали все хуже и хуже. Первым взбесился компас, стрелка которого дергалась как припадочная, потом сначала побежали, а затем, споткнувшись, застыли часы. А рацию сам механик часом раньше разбил куском смерзшегося в камень снега. Ночь он провел в палатке, зарывшись в спальный мешок, согреваясь созерцанием язычка пламени в газовой горелке. Темнота обступила его со всех сторон, тишина края света странным образом успокаивала. Сон его был крепок и ничем не омрачен. Когда

оставалось совсем немного пути, Николас ощутил, как потеплел кинжал, висевший в узких ножнах у него на шее.

Снегоход уперся в ледяную стену; Николас слез с него, потрепал по рулю, как живое существо, и заглушил мотор. Затянув капюшон, он ободряюще похлопал по нагрудному карману и полез вверх, кроша лед стальными кошками на сапогах. Подъем оказался довольно тяжелым, но когда Николас перевалил за кромку льда, взгляду его представился ледяной лабиринт, уводящий неведомо куда. Механик съехал по склону, вздымая тучи снежной пыли. Встал, осмотрелся и направился под зеленоватые своды.

Безусловной удачей было то, что при нем был кинжал. Он словно вел механика в нужном направлении, без него он бы навсегда заплутал в лабиринте ледяных залов, переходов, спусков, входов и тупиков. Фея высунула голову из кармана (внутри ледяных стен было заметно теплее) и молча озиралась по сторонам. После нескольких часов плутаний по извилям лабиринта Николас вышел в обширный зал, накрытый прозрачным ледяным куполом, в каменных стенах, покрытых легким инеем, чередовались выпуклые и вогнутые блоки. Посреди зала, на небольшом возвышении стояла та самая машина, что стала наваждением чокнутого Тремейна и проклятием Витто Нуова. Николас Бром подошел к ней, с трудом переводя дыхание, не веря своим глазам. Похожая на ту, что воссоздал Витто, но в то же время совершенно иная. Витто, повторяя машину, был и оставался человеком, эту же создавали явно не люди. Нечеловеческое знание звенело в каждой ее детали, чужая гармония одухотворяла ее устройство; она была прекрасна и чиста, и созерцающему ее Николасу казалось, что она может с легкостью сотворить мир или же уничтожить его.

-Ну вот, - он старался говорить тише, - мы и пришли. Вылезай, Хэли. Я не справлюсь без тебя.

-Куда тебе. – Фея уселась на плечо механика, решив было напялить на себя рукавицу-шубу, но, подумав, отбросила ее. Изрезанная рукавица с мягким шлепком упала на пол. – Ну, что делать, чтобы ты стал властелином нового Роя?

-Я знаю эту машину по воспоминаниям мастера Нуово. Сейчас я обойду ее и составлю собственное мнение. Смотри внимательно, вдруг заметишь что-то необычное. Хотя обычного тут вообще нет, если подумать.

Он медленно обходил машину, дивясь и ужасаясь одновременно. Фея ядовито поинтересовалась:

-Что, ссыкотно? Неохота туда лезть?

-Сама-то как думаешь? Но еще больше, моя маленькая, мне неохота умирать. А в своей нынешней человеческой ипостаси мне этого ну никак не избежать. Придется изменять себя, чтобы остаться собой – хотя бы частично. Меня ничто не держит в мире людей – ни любовь, ни ненависть, ни тщеславие. Я воспитывал свою бесстрастность годами, пришло время воспользоваться этими усилиями.

Фея фыркнула.

-Ты не это ищешь? – И она указала на скрытое за полупрозрачным щитом нечто, похожее на кокпит, открытую кабину гоночного автомобиля.

-Это, глазастая ты моя. – Николас изловчился и поцеловал фею в макушку. – Ну-ну, не сердись. Больше не повторится.

Он поднялся к щиту, отодвинул его в сторону, осмотрел место, на которое собирался сесть. Тесновато немного, но организовано разумно; разъемы нацелены в область позвоночника и основания черепа, головной обруч регулируется, подлокотники удобно изогнуты. Николас спустился, снял с себя теплую куртку и штаны, меховые сапоги, шапку; в итоге он остался в термобелье и своем рабочем темно-синем комбинезоне, из рюкзака механик достал и надел рабочие высокие ботинки. Вновь поднявшись, он без раздумий уселся на место управляющего машиной и достал из ножен кинжал.

-Твоя очередь, моя маленькая. Надо оживить это творение, тогда я смогу запустить его на полную и управлять им. Держи крепче, думаю, он сам потянет тебя, куда ему нужно.

-Давай. – Фея взяла кинжал, охнула, прижала его к себе, пытаясь справиться с весом. – А сам ты никак?

-Никак. Как только ключ сработает, машина закроется, и я не смогу вообще ничего. Витто потому и вытащил его, и забрал с собой. Он потерял свою спутницу раньше, и некому было помочь ему.

-А я вообще как, уцелею или? – Фея смотрела своими глазами-ягодами прямо в глаза механика. – И куда мне потом деваться, когда тебя тут машина примет?

-Не знаю, - с трудом ответил Николас. – Если все получится, я найду способ вытащить тебя отсюда. Если нет...

-Ну и ладно, - фея скорчила механику рожу. – Я пошла. Не скучай без меня, Николас Бром.

И она полезла по машине, волоча за собой кинжал, кряхтя и отфыркиваясь. Механик сколько мог, следил за ней, а когда фея скрылась из его поля зрения, опустил на лоб обруч, отрегулировав его объем, уложил голову на изогнутый

подголовник, а руки на подлокотники, выровнял дыхание, успокоил мысли и приготовился ждать. Он знал, что это будет последнее деяние маленькой кровопийцы; оживающая машина, приняв ключ, выдаст неслабый разряд, уцелеть в котором ее тщедушному тельцу невозможно. Нежданно занял шрам на шее, след их первой встречи. Николас стиснул зубы.

-Прости меня, маленькая. – Он сказал это негромко, но вслух.

-Да ладно, человек. Мы все равно не живем долго, - отозвался откуда-то сверху противный писклявый голосок. – Зато я буду первой и единственной феей, которая надула весь Рой. Представляю, как они там все забегают, когда поймут, что ты вовсе не такой урод, каким видели тебя их глупые глаза. – И она засмеялась.

-Так ты... ты все знаешь?! – Механик сжал подлокотники, вжимаясь в спинку сидения.

-А то, - довольным тоном отозвалась фея. – Об одном только жалею, – и она свесилась сверху, прямо над лицом Николаса, - что ты никогда не видел меня за флюидом, фарфоровой красоткой с радужными крылышками. Все время такую, какая есть. Это же какое терпение надо. Я все нашла, Николас. Потерпи минуту, и все будет готово. Удачи тебе, мой человек.

И фея сделала то, чего такие, как она, не делали от начала времен - свесилась еще ниже, и поцеловала замершего механика в нос. И, рывком подтянувшись, исчезла. А через минуту что-то щелкнуло, будто раскрылся металлический цветок, и раздался тихий свист. Яркая вспышка отразилась от ледяного потолка, задрожал пол, и машина вздрогнула, просыпаясь. Бесшумно закрылся щит. Механик считал удары сердца, прикрыв глаза. Обруч на его голове сначала потеплел, затем остыл, приятно холодя горячий лоб Николаса. Машина прислушивалась к нему, подстраивала себя под него там, где не могла подстроить его. А потом Николаса поглотил прозрачный, светящийся лед, который когда-нибудь заполнит весь мир; лед, отнимающий у него дыхание, стирающий уже не нужную печать на лице, забирающий право умереть.

Когда к Николасу вернулась способность ощущать и понимать себя, он скорее почувствовал, чем увидел, что стал частью машины, ее сердцем, ее разумом, и вся ее мощь была в его руках. Он парил в непроницаемом коконе сияния и вибраций, расходящихся по всему миру, и к нему же шли все токи и излучения этого мира. Машина ждала его слова.

Николас Бром, механик, до последней минуты не знал, что сказать. Все придуманные слова казались избыточными и неловкими, пока он не вспомнил

те, что услышал от умиравшей мамы. И вот он разомкнул стиснутые губы и тихо выдохнул в ожидающее пространство:

- Больше света.

Эпилог

Деревушка прилепилась на склоне горы: три десятка ласточкиных гнезд под серыми каменными крышами, колокольня, разрешающая времени следовать своим чередом, маленькая площадь, а на ней – фонтан с холодной искристой водой из горного источника, уличное кафе и огромное дерево, осеняющее своими ветвями всю деревушку разом. Воздух чист и прохладен, внизу мерно дышит море. Весна еще в самом начале, поэтому сидящие за столиками не снимают легких курток или прикрывают колени пледами, которые приносит пожилой хозяин. В таких местах хорошо отдыхать после вынимающей душу работы или лечить разбитое сердце.

За столиком, стоящим у самой ограды, за которой гора обрывается крутым склоном, сидят двое мужчин: один молодой, довольно высокий, с очень выразительным и, пожалуй, даже красивым лицом, из-под густых бровей смотрят темные печальные глаза, черные пышные волосы забраны в хвост, перетянутый черной лентой. Второй значительно старше; его лицо, обрамленное светлой бородкой, тоньше и подвижнее, синие глаза выражают веселое удивление, легкие светлые волосы свободно спадают до плеч. Оба одеты в глухие черные сюртуки и брюки, на руках черные же перчатки. Перед ними стоят чашки с кофе, бокалы с ледяной водой и миска с орехами.

-Самое лучшее время года, не находишь? – Спрашивает черноволосый. - Помнишь, когда-то, давным-давно, оттуда, - и он кивает на залив, зеленеющий внизу, у подножия горы, - отплывали отчаянные искатели приключений, не очень хорошо представляя себе цель своего путешествия, веря в невероятных чудовищ, ожидающих их на каждом острове, а корабль их! О! Как вспомню эти плетеные из лозы верхи бортов...

-Зато на палубе не задерживалась вода. – Отзывается светловолосый.

-Здесь было гораздо радостнее, пока ты не вмешался со своими моральями.

-Не скромничай. Ты тоже в стороне не стоял.

Воздух на секунду замирает и дрожит между лицами этих двоих; но вот на колени темноволосому вспрыгивает кот, коих множество бродит по деревенской площади, и беседа возвращается в мирное русло.

-Скажи мне, враг мой, - светловолосый бросает пригоршню орехов голубям, толкущимся поодаль, - а чего ты ждал от этого человека?

-Ну... - Собеседник гладит затянутой в черную замшу рукой серого кота, заглядывает в жмурящиеся золотые глаза, - чего я ждал... По правде сказать, - кот на мгновение приоткрывает глаза, словно проверяя, не ослышался ли он, - сказать по правде, я ждал, что он не сможет устоять перед возможностью превзойти отца, перетянуть его силу к себе, возвыситься так, чтобы никто не сказал – ты слаб, Николас Бром, ты ничтожен в сравнении со своим отцом. Ты ведь знаешь, как часто он говорил это себе сам. Я очень надеялся, что Николас станет создателем нового Роя, молодого, злого и голодного.

-Этот мир не выдержал бы такого, - светловолосый заправляет прядь волос за ухо, - вы истошили бы его, в два горла выпили бы все его силы. Тебя такие мелочи не беспокоили?

-А тебя не беспокоит, что этот мир вряд ли выдержит то, что стоит у его дверей и уже стучится в них? И на этот раз не я тому виной, - у деревенского кота по морде разливается полнейшее удовлетворение, он уже лежит на коленях темноволосого, свесив хвост чуть не до земли.

-Беспокоит. Но я верю, что не стоит пренебрегать возможностью заявить о себе, результат всегда непредсказуем, сам знаешь.

-А ты, значит, верил в своего героя? И не боялся, что он оплошает?

-И верил, и боялся, а уж когда он пошел к Ионе – я-то ждал, что он обратится к Гайе, - тут я просто заметался. Опять же слова, которых мы все так ждали от Николаса – а если бы он призвал нас на помощь? Все, досрочный судный день, и мы в полдня прикрыли бы всю эту лавочку. – И светловолосый проводит рукой по подбородку. - Или выдал бы что-нибудь о всеобщем счастье...

-Ох. – Болезненно морщится его собеседник.

-То-то и оно. На наше счастье Николас очень сдержанный человек, прямо-таки воплощение меры, привыкший взвешивать каждое слово. И умный. Его слова открыли нам давно заброшенную дорогу, он позвал чистые, светлые души, и дал им возможность действовать. Так что теперь на твой Рой есть моя Стая. И я ни за что не поверю, что тебе не хочется посмотреть, как они померяются силами.

-Разве я когда-нибудь пытался тебя обмануть? – Углаженный кот открывает в широком зевке пасть, сворачивая половичком розовый язык. – Еще как хочется! Но если я вдруг не пожелаю дожидаться, пока вы наберете силу, и осуществлю предупредительный удар по твоему новому торговому

представителю? Маленькая такая победоносная война. – И темноволосый чешет коту за ухом.

-Маленькая, говоришь? – Светловолосый негромко зовет кого-то, и по его слову прямо из воздуха возникает фигура девушки – высокая, одетая в длинное простое белое платье, за спиной ее движутся с легким шумом огромные крылья. Девушка словно светится изнутри, темны у нее только глаза, большие, похожие на волчьи ягоды. – Давно хотел вас познакомиться. Бывшая твоя подданная, самая первая душа, призванная в Стаю.

-Привет, Хэли. – Темноволосый поднимает руку в приветственном жесте. – Вот так всю жизнь стараешься, пьешь кровь, кусаешься, и всего-то одно самопожертвование – и все усилия прахом. Не простое, конечно, самопожертвование, а совершенное любящим ради любимого. Тут я бессилен. Как тебе там, по другую сторону?

-Нелегко. – Голос Хэли печален, но она улыбается. – Но я рядом с ним и охраняю его.

-Мда, не получится мне маленькой войны. Ладно, чего уж там, подрастите немного. Не обещаю, что Рой будет строго придерживаться нейтралитета, они у меня беспокойные, да и таких развлечений у них отродясь не бывало.

-Для начала им неплохо было бы разобраться с собственными неурядицами, - светловолосый улыбается девушке и отпускает ее. – Я глазам своим не поверил, когда Гайя оторвал Ионе голову и успел насадить ее на свое копьё до того, как был затоптан паразитами, хлынувшими из-под земли как лава.

-Ничего, свято место пусто не бывает, - темноволосый аккуратно снимает кота с колен и опускает наземь. – Выберут новых, и примутся за старое.

Светловолосый берет чашку с остывшим кофе, над которым тут же начинает виться ароматный парок, и неторопливо пьет.

-Усталый мир, так ведь, враг мой? – И он осторожно ставит чашку на стол. – Старый, усталый, потрепанный. И мы с тобой опять проросли здесь друг в друга, твоя сила тянет за собой мою, а моя – призывает твою.

-Значит, война? – И его собеседник берется бархатной черной рукою за запотевшее стекло высокого бокала. – Или помиримся? Пусть они тут сами разбираются, что к чему, все равно они в нас не верят, в жизни такого мира не встречал! – И он недоуменно приподнимает брови.

-Ну уж нет. – Светлый берет свой бокал. – Война. Бросаю тебе вызов, враг мой.

-Принимаю твой вызов, враг мой, - вторит Темный. Бокалы с горной водой сталкиваются и звенят.

На площадь выходит девушка, судя по всему, приезжая, оглядывается и усаживается за столик возле фонтана. Дожидаясь своего кофе, она достает из рюкзака альбом, карандаш и принимается зарисовывать щекастого дракона, из пасти которого бьет струя воды, разбиваясь о мраморный желоб и стекая в мозаичный бассейн. Карандаш в тонких пальцах стремительно летает по бумаге, девушка нетерпеливым жестом отбрасывает со лба рыжеватую челку. Вскоре настает очередь серого кота быть запечатленным в альбоме художницы, потом на листе появляются очертания мужского профиля... несколькими штрихами девушка зарисовывает волосы, стянутые лентой, и пытается уловить выражение глаз того, кто улыбается ее стараниям. Она старается не смотреть в открытую, бросая на темноволосого незнакомца быстрые, осторожные взгляды.

-Ты попал к ней на карандаш, - Светлый усмехается, - и что в тебе такого, что все девчонки как мотыльки на огонь летят?

-Сам не знаю, - Темный пожимает плечами, подзывает кота одним движением руки и тот с готовностью подныривает под ладонь круглой головой. – Она талантлива. Хорошо, что приехала сюда, здесь самое место для таких. Пусть любитесь, рисует, радуется... пока это все есть. Недолго ведь осталось.

-Ей хватит. – Светлый, кажется, немного обижен, что не его выбрала молодая художница. – Она все успеет.

-И даже нарисовать тебя, - Темный наклоняется, чтобы поднять с земли вконец разомлевшего кота и усадить себе на колени. И впрямь, рядом с его профилем на белой шершавой бумаге появляется лицо Светлого, на котором карандаш задерживает выражение дружелюбного ожидания.

-В этом мире немало хорошего, - на плечо Светлого садится бабочка, белая, с бирюзовой каймой на крыльях. – Возможно, он и выстоит.

-В нашей войне? – Переспрашивает собеседник. – В таком случае я и сам в себя не поверю. Давай лучше посидим в тишине и покое, пока это еще возможно.

-А давай. Весна в горах – это, все-таки, настоящее чудо.

Они оба откидываются на спинки плетеных кресел, прикрывают глаза и, судя по выражению расслабившихся, мирных лиц, начинают дремать.

Конец